

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2019 **2** (818)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 2 (818)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 2 (818)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2019

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алиева Н. М., д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Воронина Г. Б., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гаспарян Г. Р., д-р филол. наук, проф. (Армения)
Голубина К. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Гомес М. К., проф. лингвистики (Кадис, Испания)
Дудик Н. А., канд. филол. наук (МГЛУ)
Имомзода М. С., д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
Ирисханова К. М., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Ирисханова О. К., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Краева И. А., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Красноженова Г. Ф., д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)

Кунанбаева С. С., д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Медведева Т. В., канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Моисеенко Л. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Мусаев А. И., д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Ноздрина Л. А., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Писанова Т. В., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Радченко О. А., д-р филол. наук, проф. (Россия)
Русецкая М. Н., д-р пед. наук, проф. (Россия)
Сорокина Т. С., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Убин И. И., д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев А. П., д-р филол. наук, проф.
Васильюк И., канд. филол. наук
Воробьев В. В., д-р филол. наук, проф.
Ганин В. Н., д-р филол. наук, проф.
Голубкова Е. Е., д-р филол. наук, проф.
Гусейнова И. А., д-р филол. наук, доц.
Евдокимов А. Ю., академик РАН, д-р техн.
наук, канд. культурологии, доц.
Етушенко О. В., д-р филол. наук, доц.
Жаринов Е. В., д-р филол. наук, доц.
Жданова Л. М., канд. филол. наук, доц.
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф.
Карневская Е. Б., канд. филол. наук, проф.
Косиченко Е. Ф., д-р филол. наук, доц.
Кузнецов В. Г., д-р филол. наук, проф.
Малыгина И. В., д-р филос. наук, проф.
Осьминина Е. А., д-р филол. наук, проф.
Полетаева М. А., канд. культурологии, доц.
Порохничкая Л. В., д-р филол. наук

Потапова Р. К., д-р филол. наук, проф.
Семина И. А., д-р филол. наук, доц.
Силантьев Р. А., д-р истор. наук, доц.
Собакин А. Н., д-р филол. наук, доц.
Сомова Е. В., д-р филол. наук, проф.
Сухарев Ю. А., д-р филос. наук, проф.
Тёмкин В. А., канд. истор. наук, доц.
Толкачев С. П., д-р филол. наук, проф.
Травников С. Н., д-р филол. наук, проф.
Трыков В. П., д-р филол. наук, проф.
Уралова Л. А., канд. филол. наук, доц.
Фадеева Г. М., канд. филол. наук, доц.
Харитончик Э. А., д-р филол. наук, проф.
Хитина М. В., д-р филол. наук, доц.
Цветаева Е. Н., канд. филол. наук, доц.
Ченки А. Дж., д-р наук по славянским языкам
Чернозёмова Е. Н., д-р филол. наук, проф.
Янулевичене В., д-р гуманитарных наук, проф.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Алексеева Е. А.</i> Семантический потенциал лексической единицы «идентичность» в языке французских СМИ	9
<i>Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К.</i> К вопросу о сакральной символике имен числительных в фольклорном тексте	19
<i>Долгих З. Б.</i> Семантико-прагматические особенности операторов градуирования максимальной степени и превзойденной меры (на материале португальского языка)	28
<i>Коголова Е. А.</i> Значимость темпорального компонента интонации во французской теледискуссии	37
<i>Корепанов Б. О., Фадеева Г. М.</i> Реалии в рекламе Вооруженных сил ФРГ	48
<i>Лаптева О. Е.</i> О некоторых средствах вербализации концепта «возраст» в португальском языке	59
<i>Манухина А. О.</i> Архетипы рыцарской культуры в документах братства госпитальеров	69
<i>Мозоль Т. С.</i> Отражение гендерных стереотипов в поговорках корейского языка	81
<i>Нагзибекова М. Б., Нагзибекова Т. Н.</i> Сопоставительный анализ способов передачи таджикских реалий в русских переводах	98

<i>Скуратов И. В., Дюмон П.-А.</i> Изменение лексического состава французского языка путем заимствования неологизмов (<i>на фр. яз.</i>)	107
<i>Туницкая Е. Л.</i> Сопоставительный анализ дискурсивных коннекторов «en fait» и «en effet» во французском языке	114
<i>Хорькова И. В.</i> Семантика прилагательных с префиксом α - у Галена	128
<i>Чечина Н. Ю.</i> Экономическая терминология современного китайского языка в материковом Китае и на Тайване	137
<i>Шевелева Е. О.</i> От компетенций обучающихся к компетенциям обучающихся: формирование профессиональных умений преподавателя иностранных языков в вузе (на примере преподавания английского языка)	145

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Халимова С. Ш.</i> Слово «дурафш / durafş» в «Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси	155
<i>Харыбина М. В.</i> Непосредственный уровень диалогического взаимодействия творчества Ф. М. Достоевского и художественного сознания Ван Гога	164

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Овсянникова А. А.</i> Семиотические коды и мифологемы в советском кинематографе (на материале фильмов Сергея Параджанова «Тени забытых предков» и «Цвет граната»)	173
<i>Саркисян И. Р.</i> Универсалии общения в контексте истоков национальных культур	182
<i>Тешабаева Д. М.</i> Ментальность языка в медиапространстве	192

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Alexeeva E. A.</i> Semantic capacity of the lexeme “identity” in the French Mass Media	9
<i>Gatsalova L. B., Parsieva L. K.</i> To the Question of the Sacral Symbolism of the Names of Numerals in the Folklore Text	19
<i>Dolguikh Z. B.</i> Semantic and Pragmatic Peculiarities of the Maximum Degree and Surpassed Measure Graduation Operators (based on the Portuguese language)	28
<i>Kogalova E. A.</i> The Importance of the Temporal Component of Intonation in French TV Discussion	37
<i>Korepanov B. O., Fadeeva G. M.</i> Realia In Bundeswehr Advertising	48
<i>Lapteva O. E.</i> On Some Means of Verbalization of Concept ‘Age’ in the Portuguese Language	59
<i>Manuhina A. O.</i> Archetypes of the Chivalric Culture in the Documents of the Hospitallers Brotherhood	69
<i>Mozol T. S.</i> Gender Stereotypes in Korean Proverbs and Sayings	81
<i>Nagzibekova M. B., Nagzibekova T. N.</i> Comparative Analysis of Transfer Methods of Tajik Realities in Russian Translations	98

<i>Skuratov I. V., Dumont P.-A.</i> Change of French Language Vocabulary by Means of Borrowings or Neologisms	107
<i>Tunitskaya E. L.</i> Comparative Analysis of Discourse Connectors «en fait» and «en effet» in French	114
<i>Kharkova I. V.</i> Semantics of Adjectives with the Prefix α - in the Works by Galen	128
<i>Chechina N. Y.</i> Economic Terminology of the Modern Chinese Language in Mainland China and Taiwan	137
<i>Sheveleva E. O.</i> From Language Learners' Competences to Language Teachers' Competences: Ways of Developing Professional Competences of Foreign Language Teachers at HEIs	145

LITERARY STUDIES

<i>Halimova S. Sh.</i> The Word "Durafsh" in "Shahname"'s of Abulkasim Firdousi	155
<i>Kharybina M. V.</i> Direct Level of Dialogical Interaction of F. M. Dostoevsky's Creativity and Artistic Perception of V. Van Gogh	164

CULTUROLOGY

<i>A. A. Ovsyannikova</i> Semiotic Codes, and Mythologems in Soviet Film (based on the films of Sergei Parajanov "Shadows of Forgotten Ancestors" and "The Color of Pomegranate")	173
<i>Sargsyan I. R.</i> Universal Communications in the Context of the Origins of National Cultures	182
<i>Teshabaeva D. M.</i> Mentality of Language in Media Space.....	192

УДК 811.133.

Е. А. Алексеева

доктор филологических наук, профессор;
заведующая кафедрой французской филологии
факультета романо-германской филологии Воронежского государственного
университета; e-mail: elena.alexeeva14@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В ЯЗЫКЕ ФРАНЦУЗСКИХ СМИ

В статье анализируется лингвистическая интерпретация понятия «идентичность», актуальность которого заключается в том, что лексема «идентичность» / «identité», адаптируясь к новым геополитическим условиям, расширяет свой номинативный потенциал. Целью данной статьи является выявление и структурирование значений лексемы «идентичность» / «identité» на основе анализа ее контекстного употребления в языке французской прессы. Для достижения данной цели в статье, во-первых, рассматриваются вопросы понимания идентичности в контексте различных социально-гуманитарных наук; во-вторых, на примерах из французской прессы, содержащих лексему «identité», выявляются актуальные семы, описываются контекстуальные условия их актуализации, приводится классификация лексемы «identité» в зависимости от актуализации компонентов значения.

Ключевые слова: идентичность; персональная идентичность; коллективная идентичность; этническая идентичность; политическая концепция идентичности; диагностический маркер; семный анализ; дискурсивный маркер

E. A. Alexeeva

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor;
Head of the French Philology Department,
Faculty of Romance and Germanic Philology,
Voronezh State University; e-mail: elena.alexeeva14@yandex.ru

SEMANTIC CAPACITY OF THE LEXEME “IDENTITY” IN THE FRENCH MASS MEDIA

The article considers linguistic interpretation of the “identity” concept. This subject proves to be especially relevant in the new geopolitical context, which

extends the semantic capacity of this lexeme. The article aims at identifying all meanings of this concept and structuring them on the basis of their contextual use in the French mass media. For this, the article considers the ways this concept is interpreted in various social sciences and provides sample contexts containing the lexeme «*identité*». Also, relevant components of the lexical meaning are detected as well as the contextual environment in which they are realized. Finally, the analysis results into a classification of the lexical components of the meaning of the lexeme depending on how they are realized in various contexts and which diagnostic markers are used.

Key words: identity; personal identity; community identity; ethnic identity; political concept of identity; diagnostic marker; component analysis; discourse marker.

Введение

Процессы демократизации, информатизации, культурной стандартизации, всемирной экономической и политической интеграции и унификации спровоцировали серьезные общественные изменения. В потоке глобальных модификаций возникает стремление человека к пересмотру сложившейся системы ценностей, осмыслению своего места в мире и необходимости самоопределения. В связи с чем понятие «идентичность», основываясь на предшествующих идеях, расширяется, адаптируется к новым геополитическим и социальным условиям, приобретает новые формы.

Актуальность исследования заключается в необходимости подробного изучения и структурирования лексического значения понятия «идентичность» в лингвистическом дискурсе. Предметом нашего исследования стало употребление лексемы *identité* в текстах французских СМИ. Объект исследования представляет собой семантические особенности лексемы *identité* во французских СМИ.

Целью настоящей статьи является определение значений лексемы *identité* на основе анализа ее контекстного употребления в языке французской прессы. Для достижения данной цели мы прежде всего остановимся на вопросах понимания идентичности в контексте разных социально-гуманитарных наук; затем на примерах из французской прессы, содержащих лексему *identité*, выявим актуальные семы, опишем контекстуальные условия актуализации данных сем и проведем их классификацию в зависимости от актуализации компонентов значения.

Понятие идентичности в контексте социально-гуманитарных наук

Идентичность как междисциплинарная категория изучается в рамках теорий, рассматривающих вопросы связи языка с мышлением, культурой и историей народа. Остановимся на нескольких подходах к рассмотрению этого феномена, которые анализируют такие ипостаси идентичности, как персональная, коллективная, этническая, когнитивная.

Ученые, исследующие персональную идентичность, обращаются в основном к двум понятиям. Во-первых, это речевой портрет, под которым подразумеваются «социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств и особенности поведения» [Енина 2010]. При описании речевого портрета учитываются как лингвистические характеристики (фонетические, грамматические и лексико-семантические единицы), так и социокультурные параметры (употребление речевых формул, использование типов прецедентных феноменов, внимание к языковой игре). Во-вторых, это коммуникативное поведение в иноязычной среде. Выбирая коммуникативную стратегию, индивид прежде всего отталкивается от оппозиции *свое / чужое* социокультурное пространство.

В противовес исследованиям, рассматривающим идентичность как персональную характеристику, существуют работы, где эта категория описывается как коллективная – национальная, этническая, региональная, возрастная, гендерная, профессиональная [Матузкова 2012]. Например, ученые рассматривают такие проблемы, как: выражение национальной идентичности в литературных текстах, общие проблемы взаимоотношений языка и идентичности, топонимия как способ выражения национальной идентичности, лингвистические проблемы национальной идентичности в рамках межкультурной коммуникации, региональная идентичность во Франции, национальная и европейская идентичность.

Наибольший интерес у лингвистов вызывают проблемы этнической идентичности, к пониманию которой подходят через понятие языковой картины мира, т. е. через отраженный в языке способ представления мира.

В рамках когнитивной лингвистики центральное положение при изучении феномена идентичности занимает исследование концептов,

принадлежащих национальному когнитивному пространству и представляющих образ, который делает узнаваемыми представителей той или иной культуры.

Выявление актуальных сем и контекстуальных условий их актуализации

Опираясь на уже разработанные в философии (Д. Юм), социальной психологии (Э. Эриксон), политологии (Э. Ренан), культурологии (В. Ю. Хотинец), филологии и лингвистике (Е. П. Матузкова, В. Гумбольдт, Н. И. Жинкин, А. Вежицкая) определения понятия «идентичность», мы выявляем актуальные значения лексической единицы *identité*, появляющиеся в последнее время в материалах французской прессы. Для систематизации фактического материала мы используем метод коммуникативно-семантического анализа, позволяющий классифицировать значения лексической единицы *identité*, опираясь на значение семы, актуализированное в контексте использования диагностических маркеров. Под диагностическими маркерами, вслед за И. О. Стерниным, мы понимаем указатели того, какое значение многозначного слова актуализовано в каждом конкретном контексте [Стернин, Саломатина 2011]. В нашем случае, диагностическими маркерами выступают лексические единицы, которые указывают на определенное значение многозначной лексемы *identité*, реализуемое в тексте статьи.

Классификация значений лексемы *identité*, понимаемой как *политическая концепция*

На основе анализа семных значений нами были обнаружены несколько групп значений изучаемой лексемы: идентичность как политическая концепция, идентичность в значении верификации личности, идентичность в значении гендерной определенности, идентичность в значении принадлежности к религиозной практике. В рамках данной статьи мы рассматриваем семантический потенциал лексемы *identité*, понимаемой как *политическая концепция*.

В современной политической науке под идентичностью подразумевается формирование национального сознания. Проводя политику идентичности, государство, его институты, в том числе политические партии, конструируют нацию, определяя ее самосознание. К вопросу

о формировании идентичности нации политические партии подходят по-разному. Учитывая особенности программ политических партий, нами была выработана классификация значения понятия «идентичность» по следующим подгруппам: идентичность в понимании представителей правых партий, идентичность в понимании представителей левых партий и идентичность в понимании альтернативных политических концепций. Далее выделенные подгруппы будут рассмотрены более детально.

Значение лексемы *identité* в понимании правых партий. В этой подгруппе анализируется понимание понятия идентичность в интерпретации представителей правых партий и формулируется значение лексемы *identité*, которое уточняется с учетом диагностических маркеров, выделенных нами курсивом:

1. *Le maire de Bordeaux, lui, décide d'aborder le thème de l'intégration, dans un chapitre intitulé «L'identité heureuse», en réponse aux thèses développées par Alain Finkielkraut dans L'Identité malheureuse, paru chez Stock en octobre 2013 (www.lemonde.fr/election-presidentielle-2017/article/2016/09/14/l-identite-heureuse-histoire-d-une-formule-devenue-une-marque-de-fabrique_4997377_4854003.html).*

Значение лексемы *identité* как политической концепции Алена Жюппе, мэра Бордо, известного французского политика, состоящего в партии республиканцев, заключается в политике успешной интеграции (*identité heureuse*), в частности в его понимание идентичности входит идея интеграции мусульман в противовес работам французского философа Алена Финкелькраута, который разработал в 2013 году концепцию «*identité malheureuse*», призывающую к дифференциализации.

2. «Ce que j'appelle *l'identité heureuse*, c'est de concilier notre *diversité* – certains disent qu'il faut se couper de ses racines, mais on meurt si on fait ça! – et en même temps *préserver notre bien commun: l'histoire, la langue...*» *Alain Juppé* (www.lexpressiondz.com/chroniques/analyses_du_professeur_chitour/254763-identite-heureuse-contre-repliement-religieux.html).

Ален Жюппе уточняет, что идентичность как успешная интеграция включает идею примирения многообразия, но без отрыва от традиций, корней.

3. *Nicolas Sarkozy, président du parti Les Républicains, a défendu avec force jeudi sur Europe 1 «l'identité française», taclant au passage Alain Juppé, chantre de «l'identité heureuse (www.lepoint.fr/politique/sarkozy-defend-vigoureusement-l-identite-francaise-09-06-2016-2045463_20.php).*

Активно полемизируя с Аленом Жюппе и с его идеей идентичности как успешной политикой интеграции, Николя Саркози настаивает на своей концепции французской идентичности, которая включает приоритет исконных ценностей французской нации.

4. *Il n'y a pas d'identité française heureuse si nous ne partageons pas des valeurs morales, un mode de vie, le sentiment d'appartenir à une Nation, d'avoir une histoire, une langue, qui est le français, un imaginaire commun, une politesse et unecourtoisie (www.lepoint.fr/politique/sarkozy-pas-d-identite-francaise-heureuse-dans-une-societe-devenue-multiculturelle-26-11-2015-1985146_20.php).*

На митинге в Авиньоне Николя Саркози акцентирует внимание на таком значении понятия «идентичность» как принадлежность к французской нации, ее истории и языку.

Значение лексемы *identité* в понимании левых партий. Левое политическое направление представлено в основном Социалистической партией и коалицией Левого фронта (Французская коммунистическая партия, Левая партия, Унитарные левые, Альтернативы, Республиканское и гражданское движение).

1. *La France n'est pas une identité figée dans le marbre, elle n'est pas une nostalgie qu'il faudrait conserver, un corps vieilli avec un sourire fatigué, la France est une espérance (www.lexpress.fr/actualites/1/politique/l-identite-de-la-france-nouvelle-carte-politique-de-francois-llande_1724989.html).*

Эти слова принадлежат Франсуа Олланду в период, когда он был действующим президентом Франции. Через метафорическое описание страны можно определить понимание идентичности как надежды постоянного обновления, движения вперед, разнообразия, лежащих в основе французской идентичности.

2. *Affirmons notre identité, retrouvons de la force collective, menons la renaissance de notre Parti, la gauche en a besoin, les Français en ont besoin, parce que nous n'avons pas été remplacés (www.parti-socialiste.fr/socialistes-29-mars-ouvrons-ensemble-chemin-de-renaissance/).*

Оливье Фор, член социалистической партии, под идентичностью понимает идентичность партии социалистов, объединение, возрождение традиционных левых идей и построение сильной оппозиции против правых. Он призывает своих коллег к активизации и возрождению социалистических идей, которые на данный момент находятся в упадке.

Значение лексемы *identité* в понимании альтернативных концепций. В этом разделе классификации представлены значения лексемы *identité*, которые встречаются в высказываниях журналистов, политологов, исследователей, представителей центристских партий:

1. Parce qu'elle serait plus *heureuse*, cette *identité*, s'il n'y avait pas un seul *immigré musulman en France*?! Vous savez bien qu'à l'heure de la *mondialisation, économique et technologique*, il est très difficile de *construire un «nous»* (www.lepoint.fr/politique/alain-finkelkraut-etre-francais-ce-n-est-pas-etre-une-composante-de-la-diversite-10-10-2013-1744071_20.php).

Философ Ален Финкелькраут в своем эссе рассуждает о неудачной реализации политики идентичности; автор обеспокоен потерей контроля над иммиграционным процессом, острым кризисом интеграции. Идентичность в его понимании это обособление, различие.

2. *La question identitaire* a été extrêmement présente pendant la *primaire présidentielle*. Trois figures, *Sarkozy, Juppé et Fillon* s'opposaient avec trois *visions de l'identité*: l'un réclamant l'assimilation des populations d'origine immigrées, l'autre prônant une «*identité heureuse*» et le dernier essayant de lier «*identité française*» et «*souveraineté nationale*» (www.la-croix.com/France/Fillon-Juppe-deux-approches-question-identitaire-2016-11-24-1200805531).

В этом высказывании журналист описывает позиции трех кандидатов на пост президента Н. Саркози, А. Жюппе и Ф. Фийон по отношению к понятию «идентичность». Так, Н. Саркози понимает идентичность как требование ассимиляции, включения иммигрантов во французское общество. А. Жюппе придерживается концепции идентичности как успешной политики интеграции, Ф. Фийон отождествляет французскую идентичность с понятием национального суверенитета.

3. C'est la troisième partie, consacrée à l'*identité européenne*, qui est à mon sens la plus novatrice en ce qu'elle touche à la dimension la plus décisive pour recréer une ambition et un élan pour le *projet européen* (www.lesinrocks.com/2016/05/07/actualite/penser-termes-didentite-piege-11824188/).

В торжественной речи Эмманюэль Макрон обращается к инновационному пониманию европейской идентичности, которая в его интерпретации отражает доверие, общее наследие, осознание единства.

4. La question de l'*identité nationale*, ce n'est pas la question. *La République* ne va plus de soi quand on pointe des minorités. *La responsabilité des pouvoirs publics* ne consiste pas à ajouter de la division à la division. Notre *responsabilité politique* consiste à mettre *la République* à l'ordre du jour (www.ladepeche.fr/article/2011/04/17/1061434-identite-republicaine-lenjeu-de-2012-pour-les-radicaux.html).

Жан Луи Борло, политический деятель, один из основателей Союза демократов и независимых, видит национальную идентичность французов в возврате к республиканским ценностям.

5. *Le député des Pyrénées-Atlantiques* publie «Résistons!», avec l'*ambition de «retaper la France»*, d'assainir la *vie politique* et de *faire émerger une «identité européenne»* (www.lepoint.fr/presidentielle/jean-lassalle-publie-son-programme-manifeste-11-04-2017-2118779_3121.php).

Жан Лассаль, лидер центристской партии «Будем сопротивляться» и депутат Национального собрания Франции от департамента Атлантические Пиренеи, считает необходимым выработать европейскую идентичность у французских граждан, которая ассоциируется у него с ломкой стереотипов, пересмотром вектора политической жизни Франции.

Итак, контекстуальный анализ фактического материала на основе диагностических маркеров позволил установить такое актуальное значение лексемы *identité*, как политическая концепция и выделить внутри данной группы следующие подгруппы: идентичность в понимании правых партий, идентичность в понимании левых партий и альтернативные взгляды на вопрос идентичности. При выделении значения мы ориентировались на имена политических деятелей (*Nicolas Sarkozy, Alain Juppé, François Fillon*), названия партий (*Les Républicains, Le Front national*), политические термины (*le maire, candidat à la primaire de la droite, président du parti, l'élection à la présidence, la droite, la gauche*).

Заключение

В современной политической науке под идентичностью подразумевается формирование национального сознания, продукта политической идентификации, но вследствие глобальных процессов значение понятия «идентичность» было расширено и стало приобретать новые значения. Так, мы рассмотрели значения лексемы *identité*, понимаемой как «политическая концепция», которая интерпретируется как идентичность в понимании представителей правых партий, идентичность в понимании представителей левых партий и альтернативные политические концепции, взгляды, мнения.

Дальнейшее исследование данных подгрупп позволило выявить следующие значения лексемы *identité* в языке французской прессы: интеграция; примирение многообразия без отрыва от своих корней; приоритет исконных ценностей французской нации; принятие сложившихся во французском обществе порядков, традиций и ценностей; принадлежность к французской нации, ее истории и языку; партийная идентичность; объединение; возрождение традиционных левых идей; обособление, национальный суверенитет; европейская идентичность, предполагающая доверие, общее наследие, осознание единства на европейском уровне, ломку стереотипов; пересмотр политических установок; возврат руководящих классов к республиканским ценностям.

Предпринятое исследование подтверждает, что язык – общественное явление. Он возникает и функционирует в обществе и, следовательно, подвергается влиянию социальных процессов, которые вносят изменения в его структуру. Наиболее отзывчиво реагирует на изменения лексическая система языка, что характеризуется активным процессом словообразования, появлением заимствованной лексики, а также расширением значений лексических единиц, что требует постоянного внимания лингвистов и открывает новые пути для исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. М. : Яз. славян. культуры, 2001. 287 с.
- Гумбольдт В.* Характер языка и характер народа // Язык и философия культуры. М. : Прогресс, 1985. С. 370–381.

- Енина Л. В.* Идентичность в лингвистических исследованиях: когнитивный подход // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 4 (81). С. 162–168.
- Жинкин Н. И.* Язык – речь – творчество: Избранные труды: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике / сост., науч. ред., примеч., биогр. очерк С. И. Гиндина. М. : Лабиринт, 1998. 364 с.
- Матузкова Е. П.* Актуализация понятия «идентичность» в социогуманитарном знании XX века // Мова / Одес. нац. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса: Астропринт, 2012. № 18. С. 10-13.
- Ренан Э.* О происхождении языка / соч. Эрнеста Ренана ; пер. с фр. А. Н. Чудинов. Воронеж : Ред. Филол. записок : Тип. В. Гольдштейна, 1866.
- Стернин И. А., Саломатина М. С.* Семантический анализ слова в контексте: учебное пособие. Воронеж: Истоки, 2011. 149 с.
- Хотинец В. Ю.* Этническое самосознание. СПб. : Алетейя, 2000. 235 с.
- Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М. : Прогресс, 1996. 197 с.
- Юм Д.* О человеческой природе / сост. и вступ. ст. Ю. В. Перова ; пер. с англ. С. И. Церетели. СПб. : Азбука, 2001. 314 с.

REFERENCES

- Vezhbičkaja A.* Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevyh slov / per. s angl. A. D. Shmeleva. M.: Jaz. slavjan. kul'tury, 2001. 287 s.
- Gumbol'dt V.* Charakter jazyka i charakter naroda // Jazyk i filosofija kul'tury / V. Gumbol'dt. M.: Progress, 1985. S. 370–381.
- Enina L. V.* Identičnost' v lingvističeskix issledovanijah: kognitivnyj podhod // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. 2010. № 4 (81). S. 162–168.
- Zhinkin N. I.* Jazyk-reč'-tvorčestvo: Izbrannye trudy: Issledovanija po semiotike, psiholingvistike, poetike / sost., nauch. red., primech., biogr. očerok S. I. Gindina. M. : Labirint, 1998. 364 s.
- Matuzkova E. P.* Aktualizacija ponjatija «identičnost'» v sociogumanitarnom znanii XX veka / E. P. Matuzkova // Mova / Odes. nac. un-t im. I. I. Mečnikova. Odessa : Astroprint, 2012. № 18. S. 10–13.
- Renan Je.* O proishozhdenii jazyka / soch. Jernesta Renana ; per. s fr. A. N. Chudinov. Voronezh : Red. Filol. zapisok : Tip. V. Gol'dshtejna, 1866.
- Sternin I. A., Salomatina M. S.* Semantičeskij analiz slova v kontekste: učeбноe posobie. Voronezh : Istoki, 2011. 149 s.
- Hotinec V. Ju.* Jetničeskoe samosoznanie. SPb. : Aletejja, 2000. 235 s.
- Jerikson Je.* Identičnost' : junost' i krizis. M. : Progress, 1996. 197 s.
- Jum D.* O chelovečeskoj prirode / sost. i vstup. st. Ju. V. Perova ; per. s angl. S. I. Cereteli. SPb. : Azbuka, 2001. 314 s.

УДК 81:811.11

Л. Б. Гацалова, Л. К. Парсиева

Гацалова Л. Б., доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия; e-mail: larabella8@mail.ru

Парсиева Л. К., доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник СОИГСИ им. В. И. Абаева ВНЦ РАН, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ, Россия; e-mail: parsieva_larisa@mail.ru

К ВОПРОСУ О САКРАЛЬНОЙ СИМВОЛИКЕ ИМЕН ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В ФОЛЬКЛОРНОМ ТЕКСТЕ¹

Одним из источников культурной информации этноса является фольклорный текст. Для осетин это героический Нартовский эпос, начало создания которого относится к XVIII–XVII вв. до н. э. Из-за отсутствия письменных источников невозможно восстановить полную картину того, как происходило развитие и формирование эпоса. Рассматриваются древнейшие пласты эпоса, в результате лингвистического и историко-культурного анализа делается вывод о том, что в осетинском нартвовском эпосе значительное место занимает число двенадцать.

Ключевые слова: нартвовский эпос; осетины; осетинский язык; мифология; картина мира; текст; имя числительное.

L. B. Gatsalova, L. K. Parsieva

Gatsalova L. B., Doctor of Philology; leading researcher, V. I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; Head of the Department of the Ossetian language and literature, K. L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); e-mail: larabella8@mail.ru

Parsieva L. K., Doctor of Philology; leading researcher, V. I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS; Professor at the Department of the Ossetian language and literature, K. L. Khetagurov North Ossetian State University (Vladikavkaz, Russia); e-mail: parsieva_larisa@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE SACRAL SYMBOLISM OF THE NAMES OF NUMERALS IN THE FOLKLORE TEXT

One of the sources of ethnic group's cultural information is the folklore text. For the Ossetians, this is a heroic Nart saga, the beginning of which refers to the

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00440 «Активные процессы в лексике разноструктурных языков: внутреннее развитие и внешнее взаимодействие».

XVIII–XVII centuries BC. Due to the lack of written sources, it is impossible to restore the full picture of how the development and formation of the epic took place. The earliest epic layers were considered and it was concluded by linguistic and historical-cultural analysis that the number “12” takes a very important place in the Ossetian Nart saga.

Key words: Nart saga; Ossetians; Ossetian language; mythology; worldview; text; numeral.

Введение

Одной из жемчужин фольклора является Нартовский эпос, имеющийся у осетин, адыгов, абхазцев и др. По мнению ученых-исследователей, зарождение эпоса относится к VIII–VII вв. до н. э., а в XIII–XIV вв. из разрозненных сказаний постепенно сформировались циклы об определенных героях или событиях.

Из-за отсутствия письменных источников очень сложно воссоздать весь путь зарождения, формирования и развития эпоса. Лишь отрывочные данные, содержащиеся в трудах Геродота и Аммиана Марцеллина, а также в хрониках Армении и Грузии, позволяют судить об историко-культурной среде, в которой зарождались сказания о нартах.

Вс. Ф. Миллеру и Ж. Дюмезилю путем вычленения древнейших пластов эпоса и последующего лингвистического и историко-культурного анализа удалось показать, что у истоков его были, по-видимому, племена североиранских скифо-сарматов и аланов, населявшие территорию нынешнего юга России в 1-м тысячелетии до н. э., а также племена, создавшие кобанскую культуру Центрального Кавказа (бронзовый век). Детали, характеризующие быт этих племен, описание которых можно найти у историков и географов древности, встречаются в нартовских преданиях либо в художественно переработанном, либо почти в том же виде, в каком были зафиксированы еще римлянами и греками. Даже имена старейших героев сказаний (Уæрхæг, Æхсæртæг, Уырызмæг, Сырдон) имеют иранское происхождение. Исследователи указывают на ряд сюжетных параллелей между нартовским эпосом и кельтскими и скандинавскими легендами.

Глубокое изучение нартовского эпоса приводит выдающегося французского кавказоведа Жоржа Дюмезиля к выводу, что «многие группы нартовских сказаний, многие образы нартов идут из аланского

фонда, т. е. сармато-скифского, европейско-иранского, стало быть, в конечном счете, осетинского» («l'une des conclusions de ce travail sera que plusieurs groupes de légendes nartes, plusieurs figures de Nartes semblent venir d'un fond alain, sarmato-scythe, "iraniens d'Europe", c'est à dire, en definitive – osse») [цит. по: Абаев 1967, с. 13]. Ту же точку зрения он высказал через 35 лет в предисловии к своему переводу нартовских сказаний на французский язык.

На сегодняшний день Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (СОИГСИ) издано 7 томов Нартовских сказаний (*осет.* Нарты кадджытæ), но еще многие записи, собранные от сказителей, хранятся в Научном архиве института.

Числовой код в хронотопе мифологического нарратива

По утверждению исследователей, время, пространство и число являются важнейшими концептами культуры. Это система координат, при помощи которых люди, принадлежащие к той или к иной культуре, воспринимают мир и создают его [Гуревич 1984, с. 15].

Для символического толкования событий в романтической сказке используется «числовой код».

Числительные в фольклорном и художественном тексте нередко несут дополнительную смысловую нагрузку. Необходимо заметить, что во многих произведениях немецких романтиков имена числительные выполняют несколько функций: они передают конкретную числовую информацию и служат средством создания иллюзии точности и достоверности излагаемых в сказке событий, а также реализуют сложную сказочную символику, предоставляя читателю возможность расшифровать числовой код, оказывающий влияние на дальнейший ход сюжета и отражающий слияние временных и пространственных примет [Соколова 2014].

Имена числительные составляют широкий пласт фольклорной лексики и представляются важнейшим изобразительным средством устного народного творчества. В мифопоэтических традициях раннего периода особое место занимают числа и их сакральное значение, представляющее как божественный символ Вселенной.

В мифологии нартовского эпоса осетин значительное место занимает культ числа «12» – производное 3 и 4. В сборнике «Ирон хæзнатæ»

(«Осетинский клад») М. Казиев приводит пословицу: «Нартæн “æртæ” æмæ “дыуадæс” Хуыцауы лæвæрд удыдысты. – «Нартам “три” и “двенадцать” подарил Бог» [Хъазиты 2013, с. 222].

Множество примеров употребления числа «12» в нартовских сказаниях осетин находим у Ю. А. Дзиццойты [Дзиццойты 2017]. Например, на охоту или в походы один из главных персонажей эпоса нарт Сослан часто отправляется вместе с двенадцатью спутниками (иронский вариант осетинского языка «дыуадæс æмбалимæ», дигорский вариант – «дуадæс æмбалей хæццæ»). Или же Сослан (Созрыко) является двенадцатым членом группы охотников или военного похода.

В одном сказании нарт Сослан грозит наложить штраф на ту семью, которая не выставит воина в собираемую им военную группу. Штраф этот представлял собой «дыуадæс дисны уацайрагæй» (букв. ‘двенадцать диснов пленник’) [НК 2004, с. 177]. Вероятно, речь идет о росте пленника – «в 12 диснов», что свыше 2,5 метров:

Сослан ын йæ хабар куы базыдта, уæд хæст сфæнд кодта Худзы фидары Борæфæрныджимæ, афтамæй нæртон адамæн фидиуæг ныхъхæр кæнын кодта, хæстмæ, дам, чи нæ рацæуа, уый дыуадæс дисны уацайрагæй – ивар [там же].

Двенадцать работников оказываются у недруга нарта Сослана – Деденага / Мукары [там же, с. 117, 341].

В одном сказании душа противника нарта Созырыко хранится внутри чудесного оленя, которого обслуживают двенадцать косарей и двенадцать сборщиков сена:

Быдыры астау хизы саг, æмæ йын дыуадæсæй хос кæрдынц, дыуадæсæй та ссивгæ кæнынц, æмæ бон-изæрмае кæй ныккæрдынц, уый цъынатæ самайынц, æмæ сæ бахæры изæры... [там же, с. 271].

Иногда же двенадцать противников оказываются убийцами отца одного из воинов в войске нарта Сослана [НК 2004, с. 253]. А у противника Сослана, Нокары, было двенадцать борзых [там же, с. 314].

Согласно сказанию, Сослан доставляет к месту своих игрищ речной камень на двенадцати парах быков, а также дрова на восемнадцати парах:

Дыуадæс цæдæй дойнаг дуртæ æрæфтауц кæны, стдæс цæдæй та суг æрæввонг кæны, стаёй дуртыл бандзары æмæ сæм сæдæ куынцæй фæдымы. [там же, с. 309].

В другом варианте этого же сказания Сослан велит двенадцати помощникам, вооруженным двенадцатью ломами, откалывать и скалывать с горы камни, которые разбиваются о лоб Сослана, стоящего у подножия горы:

Дыууадæс лæджы дыууадæс мæцъисимæ сæрвиты Узайы хохмæ, æмæ уырдыгæй дуртæ æфтауынц æмæ сæ дæләмæ тулынц, æмæ сæм Сослан йæ ных дары, æмæ дзы йæ ныхыл чи сæмбæлы, уый фæфæнык вæййы æмæ фæныкæй фæйнæрдæм кæлы. [там же, с. 338].

А когда он ложится в море, его помощники на двенадцати арбах доставляют к нему солому или колючки с кустарником и наваливают на героя:

...денджызы ныббады, æмæ дыууадæс уæрдонæй хъæмп фæласынц æмæ йын æй йæ уæлæ ныццырхынц, æмæ уый куы ныйих вæййы, уæд ыл хæрдмæ схæцы æмæ йæ йæ уæхсчтæй стоны. [там же, с. 338, 355].

Одним из наиболее трагичных мотивов нартовского эпоса осетин является кадаг о двенадцатиструнной арфе одного из главных персонажей эпоса – Сырдона. Ю. А. Дзиццойты пишет, что Сырдон в эпосе выступает как первый рапсод-*kaðæggaenæg* и создатель фандыра. По некоторым версиям благодаря фандыру Сырдон и был принят в общество нартов. Помимо сложения кадагов призванием Сырдона являются всевозможные козни и хитрости, в которых проявляются его сверхъестественные способности. Некоторые особенности (происхождение от речного духа, способность к оборотничеству, проживание вне нартовского селения, склонность к трагедизму) позволяют рассматривать этот персонаж в свете шаманистских представлений, что, в свою очередь, дает основание для постановки вопроса об отношении арфы и поэтических упражнений Сырдона к его магической практике [Дзиццойты 2017].

Совмещение функций рапсода, шамана и прорицателя в древности было широко распространено, более того, «у народов, где шаманство – очень древнее явление, шамана можно считать предтечей сказителя и поэта, а шаманизм – источником различных эпических и поэтических жанров» [Ревуненкова 1984, с. 36].

Для полноты характеристики арфы в контексте осетинской идеологии следует отметить, что 12 – число струн идеального фандыра (встречаются и экземпляры с числом струн 10 или 11, но и они

называются *дыуадаэстаенон фандыр* – двенадцатиструнный фандыр) – считалось совершенным числом и *Отцом счета*. Оно понималось как сумма или произведение других сакральных чисел (3, 4, 5, 7, 8) и выполняло в осетинской мифологической традиции роль ключевой числовой характеристики универсума в пространственном и временном континууме. С большой долей уверенности можно предположить, что в комплексе представлений о двенадцатиструнном фандыре это обстоятельство имело определенное значение: скорее всего оно обыгрывалось в связи с ролью инструмента как магического средства космической коммуникации [Дзищцойты 2017].

В сказании, известном по литературно обработанной записи Б. Андиева [НК 1942], Сырдон, потрясенный гибелью своих сыновей, делает из костей руки старшего сына фандыр, натягивает на него струны из жил убитых сыновей и в звуках арфы изливает свое горе.

Встречаются и такие сказания, в которых число 12 сопровождает других нартовских героев. В одном из них родоначальник нартовских воинов, Уархаг, отправился проведать аварского хана в сопровождении своей свиты на двенадцати арбах [НК 2004, с. 391].

В другом сказании нарт Сослан, вернувшись из похода, застал в стране нартов только двенадцать стариков, а все остальные нарты отправились на охоту [там же, с. 642].

В третьем нарт Ставд-аэнгуылдз-Абыдах каждый день «ездил в Тарковские колючки за дровами на двенадцати ослах» [там же, с. 720].

В сказании о нартах Ахсаре и Ахсартаге, охранявших чудесный яблоневоый сад, ночью пришли двенадцать оленей, чтобы похитить яблони [НК, I, с. 49, 69].

В одном сказании нарт Уырызмаг является одним из двенадцати братьев [там же, с. 455].

Мать нартов, вещь Шатана, в армянской традиции Сатеник, хранит ритуальные подношения нартов в двенадцати кладовых, причем объясняет это тем, что жертвенное животное также делится на двенадцать частей («кусарттаг дыуадаэс уэнджы у») [там же, с. 461, 364]. Мальчика, рожденного у Шатаны от черного ногойца, воспитал некий правитель, который отправил его к родителям в сопровождении двенадцати всадников [НК 2010, с. 117]. В другом варианте этого сказания мальчик сам возвращается в страну нартов в сопровождении двенадцати товарищей [там же, с. 123]. И в дальнейшем

этого мальчика мы видим в окружении двенадцати всадников [НК, V, с. 126, 132].

Возможно, прототипом Шатáны была царица Сатеник (армянская транскрипция имени), в I веке прибывшая из Алании в Армению в сопровождении царской свиты, во главе с Баракадом, для бракосочетания с царем Армении Арташесом. Схожие мотивы прослеживаются в нартах и армянском героическом эпосе «Випасанк». Армянским историком Моисеем Хоренским (Мовсес Хоренаци) было написано несколько легенд о царице Сатеник, в которых есть отдельные сюжеты, совпадающие с нартовскими сюжетами о Шатáне. Жорж Дюмезиль указывал на общие элементы в легендах о Сатеник Моисея Хоренского и Шатáне в нартовском эпосе.

Шатáна – дочь Уастырджи, рожденная Дзерассой (дочерью подводного царя Донбеттыра) в мире мертвых (загробное царство). За месяц выростала как за год, а за год – как за три года. Ни одна из нартовских девушек не могла сравниться с ней по красоте. От света ее лица темная ночь превращалась в день, а ее слова были острее меча и прямее солнечных лучей. Шатáна, обманув Эльду, получает себе в мужа доблестного и умного Урузмага.

Она считается матерью Сослана. Шатáна отличалась щедростью и гостеприимством, многократно спасала нартов от голодной смерти и прочих бед. Именно она является изобретательницей знаменитых напитков осетин (аланов) – пива и алутона, а также чудесного хмельного медового напитка – ронга.

Заключение

Как видим, культ числа «12» широко распространен по всем циклам нартовского эпоса, однако особо прочное место он занял в цикле сказаний о Сослане / Созрыко. Сакральное значение этого числа хорошо видно и из осетинской поговорки «нымæцы фыд – дьууадæс», что означает «двенадцать – отец счета».

В. Н. Топоров, интерпретируя числовую символику в мифопоэтической традиции, отмечает, что двенадцать – это счастливое число и наиболее употребительный шаблон в мифопоэтических культурах [Топоров 2010, с. 40].

В Нартиаде прослеживается, с одной стороны, характерное для фольклорных произведений триединство, с другой – соединение времени и пространства: в эпосе постоянно встречается число 12.

Конечно, в рамках одной статьи невозможно охватить весь спектр иллюстративного материала с числом 12, но те примеры, которые мы здесь привели, несомненно, являются свидетельством сакрализации данного числового символа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абаев В. И.* Происхождение осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1967. С. 5–14.
- Аверинцев С. С.* Двенадцать апостолов // Мифы народов мира. Т. I. М. : Советская энциклопедия, 1974. С. 355–357.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры : в 2 т. М. : Искусство, 1984. 350 с.
- Дзиццойты Ю. А.* К осетинско-персидским фольклорным связям // *Nartatongæ*. 2017. Vol. XII, № 1, 2. С. 234–267.
- Дюмезиль Ж.* Осетинский эпос и мифология. М. : Наука, 1976. 276 с.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты / под ред. Б.А. Калоева. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 231 с.
- Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. 713 с.
- Нарты кадджытæ. Орджоникидзе. Дзауджыхъæу, 1946.
- Нарты кадджытæ. Ирон адамы эпос. Владикавказ. Дзауджыхъæу. Т. I. 2003. 592 ф. ; Т. II. 2004. 896 ф. ; Т. III. 2005. 712 ф. ; Т. IV. 2007. 544 ф. ; Т. V. 2010. 768 ф.
- Ревуненкова Е. В.* Фольклор и этнография: У этнографических истоков сюжетов и образов. Л. : Наука, Ленинградское отд-ние, 1984. С. 35–41.
- Сокаева Д. В.* Сакральные персонажи и символы фольклорной прозы осетин: генезис, семантика, этнографический контекст : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 555 с.
- Соколова Г. А.* «Числовой код» как ключ к интерпретации событий в немецкой романтической сказке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2014. № 691. С. 138–152.
- Топоров В. Н.* Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 450 с.
- Хъазиты М.* Ирон хæзна: æмбисæндтæ. Цхинвал : Цыкура – Дзауджыхъæу: Орион, 2013. 352 с.

REFERENCES

- Abaev V. I.* Proishozhdenie osetin po dannym jazyka // Proishozhdenie osetinskogo naroda. Materialy nauchnoj sessii, posvjashhennoj probleme jetnogeneza osetin. Ordzhonikidze, Izd-vo 1967. S. 5–14.
- Averincev S. S.* Dvenadcat' apostolov // Mify narodov mira. T. I. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1974. S. 355–357.
- Gurevich A. Ja.* Kategorii srednevekovoj kul'tury : 2 t. M. : Iskusstvo, 1984. 350 s.
- Dziccojty Ju. A.* K osetinsko-persidskim fol'klornym svjazjam // Nartamongæ. 2017. Vol. XII, №1, 2. S. 234–267.
- Djumezil' Zh.* Osetinskij jepos i mifologija. M. : Nauka, 1976. 276 s.
- Djumezil' Zh.* Skify i narty / pod red. B. A. Kaloeva. M. : Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1990. 231 s.
- Miller Vs. F.* Osetinskie jetjudy. Vladikavkaz : Severo-Osetinskij institut gumanitarnyh issledovanij, 1992. 713 s.
- Narty kaddzhytæ. Ordzhonikidze. Dzæudzhyhjæu, 1946.
- Narty kaddzhytæ. Iron adæmy jepos. Vladikavkaz. Dzæudzhyhjæu. T. I. 2003. 592 f. ; T. II. 2004. 896 f. ; T. III. 2005. 712 f. ; T. IV. 2007. 544 f. ; T. V. 2010. 768 f.
- Revunenкова E. V.* Fol'klor i jetnografija: U jetnograficheskikh istokov sjuzhetov i obrazov. L. : Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1984. S. 35–41.
- Sokaeva D. V.* Sakral'nye personazhi i simvoly fol'klornoj prozy osetin: genesis, semantika, jetnograficheskij kontekst : dis. ...d-ra filol. nauk. M., 2017. 555 s.
- Sokolova G. A.* «Chislovoj kod» kak ključ k interpretacii sobytij v nemeckoj romanticheskoj skazke // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvističeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2014. № 691. S. 138–152.
- Toporov V. N.* Mirovoe derevo. Universal'nye znakovye komplekсы. T. I. M. : Rukopisnye pamjatniki Drevnej Rusi, 2010. 450 s.
- Hjazity M.* Iron hæzna: æmbisændtæ. Chinval : Cykura – Dzæudzhyhjæu : Orion, 2013. 352 s.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НК – Нарты кадджытæ

УДК 81'32

З. Б. Долгих

старший преподаватель кафедры португальского языка
переводческого факультета МГЛУ; соискатель;
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПЕРАТОРОВ ГРАДУИРОВАНИЯ МАКСИМАЛЬНОЙ СТЕПЕНИ И ПРЕВЗОЙДЕННОЙ МЕРЫ (на материале португальского языка)

Автор статьи считает необходимым разграничить степень и меру, до сих пор употребляющихся недифференцированно, говоря о том, что мера указывает предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества объекта, а степень показывает уровень интенсивности признака в пределах меры и связана с градуированием признака. В статье рассматриваются и сопоставляются операциональные средства градуирования максимальной степени и превзойденной меры, анализируются их семантические и прагматические особенности.

Ключевые слова: градуирование; градуирующие средства; операторы; степень; максимальная степень; мера; превзойденная мера.

Z. B. Dolguikh

Senior Lecturer of the Portuguese Language Department,
Faculty of Translation and Interpreting of MSLU,
applicant for a degree of candidate of Philology;
e-mail: zoyazoyazoya@gmail.com

SEMANTIC AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF THE MAXIMUM DEGREE AND SURPASSED MEASURE GRADUATION OPERATORS (based on the Portuguese language)

The author of the article considers it necessary to distinguish the degree and measure that remain undifferentiated in most of the works of modern linguists, saying that the measure indicates the limit beyond which the change in quantity entails a change in the quality of the object and the degree shows the level of intensity of the sign within the measure and is associated with the grading. The article considers and compares the operational grading means of the maximum degree and the surpassed measure as well as their semantic and pragmatic features.

Key words: graduation; graduation tools; operators; degree; maximum degree; measure; surpassed measure.

Введение

Вопрос о классификации градуаторов (показателей градуальности) и их распределения относительно нормы и определенных точек отсчета на градуальной шкале связан с необходимостью разграничения меры и степени. В большинстве работ современных лингвистов эти понятия употребляются недифференцированно, однако некоторые авторы различают степень и меру. Мера, таким образом, является своего рода зоной, в пределах которой данное качество может модифицироваться, сохраняя при этом свои существенные характеристики. Степень показывает уровень интенсивности признака в пределах меры и связана с градацией признака по шкале относительно разных точек отсчета: «нуля», «нормы», «предела».

Общая классификация средств градуирования

Опираясь на понятия меры и степени, на основе эмпирического материала на португальском языке, считаем возможным распределить градуаторы по следующим уровням:

- максимальная степень:

порт. extremamente, extraordinariamente, terrivelmente, fantasticamente, medonhamente, icrível, inacreditável, admirável;

рус. крайне, необычайно, необыкновенно, фантастически, удивительно, невероятно, поразительно;

- высокая степень:

порт. muito, consideravelmente, definitivamente, particularmente, profundamente и др.;

рус. очень, весьма, определенно, особенно, глубоко;

- достаточная степень:

порт. bastante, assaz, praticamente;

рус. довольно, достаточно, практически;

- низкая степень:

порт. um pouco, um bocado, levemente, ao de leve, pequeno, fraco;

рус. слегка, чуть-чуть, еле-еле, слабо, несильно, чуточку;

- превзойденная мера:
порт. demais, demasiado, demasiadamente, excessivo, além da conta;
рус. слишком, чрезмерно, сверх меры;
- предельная мера:
порт. perfeitamente, completamente, absolutamente, mesmo, inteiramente, totalmente, todo, realmente, sobretudo;
рус. совершенно, абсолютно, правда, действительно, весь, полностью, непосредственно, целиком, главным образом;
- полная мера:
порт. bem
рус. достаточно, вполне, весьма (*выражающие полноту охвата признака*);
- относительно полная мера:
порт. quase, algo / algum, assim, apenas, mal;
рус. почти, слегка, так, едва, только, лишь [Григоренко 1987; Долгих 2016].

Операторы градуирования максимальной степени

Операторы градуирования максимальной степени – это наиболее многочисленная и разнообразная по семантике группа операторов.

Данные операциональные средства, главным образом реализующие тактику акцентирования, а также тактику придания релевантности, могут быть подразделены на:

- общие (*extremamente, excessivamente, superiormente* и др.);
- эмоционально-оценочные (*admiravelmente, horrivelmente, medonhamente, terrivelmente, fantásticamente, incrivelmente* и т. д.);
- выделительные (*excepcionalmente, extraordinariamente, incomparavelmente, particularmente, precisamente, especialmente* и т. д.);
- количественные (*quanto, duas vezes mais*) [Григоренко 1987].

Самой широкой сочетаемостью в этой группе обладает наречие *extremamente*, способное градуировать не только неопредельные, но и предельные признаки:

...Leonardo sabia ferir as cordas de uma harpa como se fizesse vibrar as próprias fibras de um coração apaixonado e melancólico, ***extremamente delicado*** (*невероятно нежное, чуткое сердце*) [Régio 1942].

К эмоционально-оценочным операторам максимальной степени относится большая группа наречий, первичное лексическое значение которых связано с обозначением эмоций. В современном португальском языке эмоциональный компонент в семантике операторов градуирования значительно нейтрализовался и отошел на периферию их семантической структуры.

В эмоционально-оценочных операторах значение максимальной степени развилось на основе выражения эмоциональной реакции субъекта на признак высокой интенсивности. Причем данное значение чаще развивается у слов, связанных с выражением отрицательных эмоций: *assustadoramente* (*страшно*), *horrivelmente*, *terrivelmente*, *medonhamente* (*ужасно*):

Todos os meus colegas se mostraram *assustadoramente interessados* em incitar qualquer novato [Namora 1979, с. 22]. – Все мои коллеги были *страшно заинтересованы* в том, чтобы подшутить над каким-нибудь новичком¹.

При выражении максимальной (крайней) степени качества отрицательный оценочный компонент нейтрализуется, и наречие приобретает способность градуировать как положительно оцениваемые, так и отрицательно оцениваемые признаки. В португальском языке происходит постоянное пополнение этой группы операторов за счет аффективных единиц.

К выделительным операторам максимальной степени относятся наречия и наречные обороты, семантика которых включает элемент сравнения. Выделительные операторы выражают высокую интенсивность признака, выделяя его носителя из номинального класса объектов, обладающих тем же признаком (о номинальных классах см.: Шатуновский [Шатуновский 1983, с. 73–80]). Такое выделение характерно для таких наречий, как: *excepcionalmente*, *especialmente*, *extraordinariamente*, *singularmente*:

a estrategia nuclear é *excepcionalmente complexa* nos seus aspectos técnicos – ядерная стратегия *исключительно сложна* в техническом отношении.

Не все прилагательные сочетаются с выделительными градуаторами. Так, например, практически не сочетаются с ними прилагательные

¹Здесь и далее перевод наш. – З. Д.

эмоциональной сферы, что, вероятно, связано с подвижностью, динамичностью эмоций. Необходимо отметить, что в тех редких случаях, когда прилагательные эмоциональной сферы могут градуироваться, сопоставляются разные фазы эмоционального состояния, а не разные носители признака:

E eu *tão ingênuo*, eu sempre *tão ingênuo* [Losa 1958]. – И я *такой наивный*, я всегда *такой наивный*.

В высказываниях, включающих сочетания таких прилагательных с выделительными операторами, обычно имеются темпоральные обстоятельства (в наших примерах – наречие *nunca*).

В португальском языке градуаторами могут выступать некоторые числительные, в частности выражения типа *duas vezes*, *duas vezes mais* (дважды, в два раза более), *duplamente* (вдвойне) и т. п. Утрачивая свое количественное значение в сочетаниях с прилагательными, числительные приобретают градуирующее значение. Такие операторы достаточно экспрессивны и характерны для разговорной речи. Они усиливают любые градуируемые признаки – предельные и не-предельные. Для операторов, включающих количественные выражения, характерно употребление при прилагательных в сравнительной степени:

...todos diziam, amanhã não pode ser pior e no entanto sabiam que iria ser *pior mil vezes* [Saramago 1983, с. 257]. – ...все говорили: «Завтра не может быть хуже», – и тем не менее знали, что оно будет *в тысячу раз хуже*.

Сочетаемость с такими операторами допускают даже некоторые неградуируемые слова, в частности притяжательные местоимения:

...há de ser minha, três vezes minha, inteiramente minha... [Ribeiro 1977, с. 191]. – ...она должна быть моей, трижды моей, полностью моей...

Операторы градуирования превзойденной меры

Операторы градуирования превзойденной меры обозначают абсолютный предел в развитии признака. Как и для операторов предельной меры, точкой референции для них является предел, но зоны действия этих двух групп градуаторов находятся по разные стороны от этой точки.

Операторы превзойденной меры градуируют как неопредельные: *um preso excessivamente rebelde* [Filipe 1975, с. 212] (*слишком беспокойный узник*), так и предельные признаки: *o contraste era por demais concludente* (*контраст был слишком очевидным*).

С неградулируемыми прилагательными операторы этой группы сочетаются в тех случаях, когда признак, ими обозначаваемый, изменяется относительно окказиональной нормы:

...Celestina ... resolveu voltar atrás em sua intenção de ser leal e murmurou levemente confusa: – Estão muito bonitos todos eles... justamente julguei que eram **demasiado ricos para o passeio** que a senhora vai fazer [Penna 1954]. – Селестина ... решила вернуться к своему изначальному намерению быть верной и пробормотала, слегка сбитая с толку: «Они очень милые, все они... вот я и подумала, что они **слишком богаты для поездки**, которую Вы хотите им предложить».

Окказиональная норма в португальском языке, как правило, выражается придаточным следствия с союзом *para que* или же инфинитивным оборотом с предлогом *para*:

É **demasiado tarde para** salvar a Síria [Alves 2016, с. 3]. – букв.: **Уже слишком поздно для того, чтобы** спасти Сирию.

В некоторых случаях окказиональная норма определяет носителя признака, который эксплицитно выражается в высказывании:

Uma morte é **boa demais para** um rato da sua marca. – Быстрая смерть **слишком хороша для** такого поддлаца.

Способностью градуировать признак как относительно социальной, так и относительно окказиональной нормы операторы превзойденной меры отличаются от других градуаторов.

Между наречиями *excessivamente* и *demais*, *demasiadamente* существуют различия в их отношении к отрицанию. Наречие *excessivamente* допускает прямую сочетаемость с отрицательной частицей *não*:

Era alta, magra, não excessivamente magra, só os maldades sobressiam um tanto na palidez do rosto [Silva 1975, с. 92]. – Она была высокой, худой, не слишком худой, только скулы немного выступали на бледном лице.

В сочетании с отрицанием это наречие образует новый градуатор *excessivamente* (*не слишком*), означающий соответствие стереотипу.

Особенностью операторов превзойденной меры является также то, что в их семантику входит компонент отрицательной оценки, связанный с тем, что всякое превышение меры признака воспринимается как явление отрицательное. Оценочный компонент реализуется в разной степени. Наиболее полно он актуализируется в тех случаях, где критерием является социальная норма, а не окказиональная. Таким образом, градуаторы превзойденной меры имплицитно отрицают оценку даже в сочетаниях с прилагательными, обозначающими положительно оцениваемые признаки:

Pelo visto, a menina tratou-a com demasiado carinho [Lemos 1993]. – Очевидно, девочка относилась к нему невероятно / слишком нежно.

В случае модификации признака относительно окказиональной нормы последняя смягчает отрицательную оценку, в некоторых случаях нейтрализует ее полностью:

É demasiado inteligente para falar com esses tolos. – Он слишком умен, чтобы разговаривать с этими дураками.

Приведенные примеры показывают, что взаимодействие градуатора происходит не только с семантикой опорного слова, но и с семантикой высказывания в целом.

Заключение

Анализ сочетаемости операторов максимальной степени и превзойденной меры показывает, что зачастую они взаимодействуют не только с семантикой опорного прилагательного, но и с семантикой высказывания в целом.

Употребление операторов данной группы тесно связано с тактикой создания очевидности. Очевидными мы считаем те суждения, истинность которых подтверждается не логическим доказательством, а путем непосредственного наблюдения. Говоря о мере и степени проявленности и градуировании признака необходимо подчеркнуть, что в процессе формирования высказывания в сознании говорящего существует система мер, которую он подсознательно накладывает на признак и выявляет его соответствие или несоответствие норме. Система стереотипов, характерная для того или иного социума, лежащая в основе градуирующих высказываний, отражает национально-культурную специфику градуирующих суждений

и является важным элементом модальной рамки градуирования. Однако операторы каждого уровня приобретают свои смыслы (истинность, ложность, достоверность, категоричность, неопределенность и т. п.) прежде всего в результате непосредственного взаимодействия между автором и читателем, говорящим и реципиентом на базе текста или же конкретной коммуникативной ситуации. Следовательно, выбор операторов характеризуется высокой субъективностью, которая контролируется культурой, так как люди, принадлежащие к определенному языковому сообществу, обычно разделяют социально определяемые эстетические нормы и идеалы в силу общей образовательной базы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григоренко Т. Н.* Способы интенсификации в португальском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 204 с.
- Долгих З. Б.* Операциональные языковые средства градуирования в современном португальскоязычном дискурсе // Романские языки и культуры: от Античности до современности / отв. ред. Л. И. Жолудева : VIII Междунар. науч. конф. М. : ООО «МАКС Пресс», филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. С. 127–133.
- Шатуновский И. Б.* Синтаксически обусловленная многозначность («имя номинального класса – имя естественного класса») // Вопросы языкознания. 1983. № 2. С. 73–80.
- Alves Clara Ferreira.* Notas da Escuridão // E. A Revista do Expresso. 2016. № 2256. P. 3.
- Filipe Em. S. Nicolau.* Tarrafal angolano. Lisboa : África Editora, 1975. 240 p.
- Losa I.* Retta ou os ciúmes da morte. 1958. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 30.03.2016).
- Lemos G.* Espaço terrestre. 1993. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 29.04.2016).
- Namora F.* Domingo à tarde. Lisboa : Livraria Bertrand, 1979. 300 p.
- Penna C.* A menina morta. 1954. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 29.04.2016).
- Régio J.* O príncipe com orelhas de burro. 1942. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 15.12.2016).
- Ribeiro Aq.* Mónica. Lisboa : Livraria Bertrand, 1977. 320 p.
- Saramago J.* Memorial do Convento. Lisboa : Editorial Caminho, 1983. 357 p.
- Saramago J.* Levantado do chão. Lisboa : Editorial Caminho, 1980. 366 p.
- Silva A. de.* Terra do Nosso Pão. Lisboa : Livraria Bertrand, 1975. 283 p.

REFERENCES

- Grigorenko T. N.* Sposoby intensivifikacii v portugal'skom jazyke : dis. ... kand. filol. nauk. M., 1987. 204 s.
- Dolgih Z. B.* Operacional'nye jazykovye sredstva graduirovaniya v sovremennom portugalojazychnom diskurse // Romanskije jazyki i kul'tury: ot Antichnosti do sovremennosti / otv. red. L. I. Zholudeva : VIII Mezhdunar. nauch. konf. M. : OOO «MAKS Press», filologicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomono-sova, 2016. S. 127–133.
- Shatunovskij I. B.* Sintaksicheski obuslovlennaja mnogoznachnost' («imja nominal'nogo klassa – imja estestvennogo klassa») // Voprosy jazykoznanija. 1983. № 2. S. 73–80.
- Alves Clara Ferreira.* Notas da Escuridão // E. A Revista do Expresso. 2016. № 2256. P. 3.
- Filipe Em. S. Nicolau.* Tarrafal angolano. Lisboa : África Editora, 1975. 240 p.
- Losa I.* Retta ou os ciúmes da morte. 1958. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 30.03.2016).
- Lemos G.* Espaço terrestre. 1993. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 29.04.2016).
- Namora F. Domingo à tarde.* Lisboa : Livraria Bertrand, 1979. 300 p.
- Penna C.* A menina morta. 1954. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 29.04.2016).
- Régio J.* O príncipe com orelhas de burro. 1942. URL : www.corpusdoportugues.org/x.asp (дата обращения: 15.12.2016).
- Ribeiro Aq. Mónica.* Lisboa : Livraria Bertrand, 1977. 320 p.
- Saramago J.* Memorial do Convento. Lisboa : Editorial Caminho, 1983. 357 p.
- Saramago J.* Levantado do chão. Lisboa : Editorial Caminho, 1980. 366 p.
- Silva A. de.* Terra do Nosso Pão. Lisboa : Livraria Bertrand, 1975. 283 p.

УДК 81.342; 81.342.9; 811.133.1

Е. А. Когалова

кандидат филологических наук; доцент каф. фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: koelena05@mail.ru

ЗНАЧИМОСТЬ ТЕМПОРАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ИНТОНАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ТЕЛЕДИСКУССИИ

Любой человек в процессе коммуникации сможет понять, быстро или медленно говорят другие люди, но не каждый сможет объяснить, как он это определяет. Быстрая и невнятная речь нередко ассоциируется с невежливостью по отношению к собеседнику, замедленная – с неуверенностью и нерешительностью. Темп речи может варьироваться в зависимости от эмоционального состояния говорящего: в определенном состоянии люди способны произносить звуки быстрее обычного, например, в радости, злости, волнении, раздражении, страхе; в то же самое время некоторые эмоции, такие как грусть, отвращение, беспокойство, понижают нормальную скорость речи. Вариативность темпа также может зависеть от возрастных изменений (старшее поколение или молодежь), от социальных маркеров (житель города или деревни), гендерных различий (мужчина или женщина), от жанровой организации текста (чтение или спонтанная речь), от речевой ситуации в целом. Эффект замедленной речи может быть связан как с собственной длительностью звуков, так и с удлинением пауз.

Настоящая статья посвящена исследованию роли темпорального компонента интонации звучащей речи в процессе коммуникации. Анализируются типы темпа речи, коэффициент звукового убывания, среднезвуковой темп. Приводятся статистические данные, полученные в результате аудиторского и электронно-акустического анализа речи носителей нормативного французского языка.

Ключевые слова: темп речи; виды темпа речи; коэффициент звукового убывания; французская звучащая речь; аудиторский и электронно-акустический анализ.

Е. А. Kogalova

PhD; Associate Professor, Department of French Phonetics and Grammar,
Faculty of French Language, MSLU; e-mail: koelena05@mail.ru

THE IMPORTANCE OF THE TEMPORAL COMPONENT OF INTONATION IN FRENCH TV DISCUSSION

Any person in the process of communication will be able to understand how quickly or slowly other people speak but not everyone will be able to explain how he or she defines it. Fast and slurred speech is often associated with impoliteness towards the interlocutor, slow – with uncertainty and indecision. The pace of speech can vary depending on the emotional conditions of the speaker: in a certain state people are able to pronounce sounds faster than usual, for example,

in joy, anger, excitement, irritation, fear; at the same time some emotions such as sadness, disgust, anxiety reduce the normal speed of speech. The variability of the rate can also depend on age (the older generation or young people) and social markers (a resident of the city or a suburb / town / village), gender differences (male or female), genre of the text organization (reading or spontaneous speech), speech situation as a whole.

The effect of slow speech can be associated with its own duration of sounds and with the lengthening of pauses. The article deals with the temporal component of speech intonation and its role in communication. The types of speech rate, the sound descending index, the average sound rate are analyzed. There are the auding and the electronic-acoustic study results based on the native speakers standard French language speech analysis.

Key words: speech rate; rate types; sound descending index; the French vocal speech; the auding and the electronic-acoustic study.

Введение

Для восприятия устной речи слушателем большое значение имеет не только ее содержательная часть, но и фонетическая сторона, в частности просодическая.

Каждое речевое высказывание имеет определенные задачи, эти задачи должны быть правильно оформлены, не только семантически, синтаксически, но и просодически. Многочисленные факторы влияют на выбор супraseгментных параметров, например психофизиологические, ситуационные, потребностно-мотивационные и экстралингвистические [Белякова, Дьякова 1998].

Все вышеперечисленные моменты определяют в целом акустико-артикуляционные характеристики такого сложного феномена как просодия.

Понятие темпа

Интонация, являющаяся частью просодии, явление комплексное, состоящее из ряда акустических параметров: тон голоса, его тембральная окраска, интенсивность или сила звучания голоса, пауза и логическое ударение, темп речи. Перечисленные компоненты организуют речь, передают смысл и нюансы высказывания.

Каждый человек при общении понимает, как с ним разговаривают – в медленном темпе или быстром, но с чем это связано, зачастую трудно объяснить.

Темп речи (лат. *tempus* – *время*) определяется как «скорость протекания речи во времени или как число звуковых единиц, произнесенных в единицу времени» [Белякова, Дьякова 1998]. Звуковой единицей считаются и звук, и слог, и слово. Темп речи может также определяться как «скорость артикуляции и измеряться числом звуковых единиц за определенное время» [Иванова-Лукьянова 1998].

Средний темп речи в русском языке у взрослого человека в сдержанном, спокойном состоянии может модифицироваться от 90 до 175 слогов в минуту [Белякова, Дьякова 1998], или 60–100 слов в минуту, средний темп немецкой речи 110–130 слов в минуту, у англичан 140–150 слов в минуту [Бабушкина 2010].

Существует еще такой показатель, как «скорость слуха», то есть это та величина, за которой говорящего уже будут плохо воспринимать, и есть также «скорость восприятия», этот показатель ниже «скорости слуха», так как слушателям желательно понимать то, что им хочет донести говорящий [там же].

Скорость речи также может зависеть от региональных или гендерных показателей [Dubosson, Schwab, Avanzi 2013], а также от стилевой принадлежности звучащего текста [Lucci 1983; Léon 1997].

Виды темпа и его основные характеристики

Лингвистами выделяются три основных вида темпа: нормальный, быстрый и медленный.

Люди, говорящие со средней скоростью, наделяются в подсознании слушающего деловитостью, логичностью, уверенностью, часто собеседники характеризуют их как людей осмотрительных, надежных, знающих цену своим словам и поступкам. Умеренный темп речи характеризуется размеренностью, он отлично воспринимается на слух, поскольку паузы между словами и фразами не затянуты, наоборот, уместное употребление пауз помогает лучше воспринимать сказанное.

Медленный темп речи может свидетельствовать о том, что человек тщательно обдумывает каждое слово прежде чем его произнести. Как правило, при таком произношении растягиваются гласные звуки, что провоцирует замедленное звучание. Наличие длинных пауз между словами еще больше усугубляет картину: с одной стороны, можно подумать, что обладатель такой речи невозмутимый человек,

которого трудно вывести из душевного равновесия, с другой стороны, если речь слишком замедлена, то может создаться впечатление вялого и не слишком умного человека. У человека с замедленным произношением слов скорее всего можно отметить не слишком выразительную мимику, неторопливые движения, слабо интонированный голос, такой собеседник как правило больше слушает, чем говорит.

При ускоренном темпе речи многие слова путаются, произносятся с ошибками или усеченно. Человека с таким темпом речи понять очень сложно и практически невозможно уследить за его мыслями, его мимика очень богата, стремительные и резкие движения могут свидетельствовать о несдержанности или нетерпеливости, такой человек находится в постоянном движении в отличие от людей с замедленным темпом речи, которые никуда не торопятся и ведут размеренный образ жизни.

Таким образом, темп речи зависит от многих факторов. В первую очередь от скорости продуцирования речи, то есть от скорости, с которой мозг придумывает, что сказать, дает команду артикуляционному аппарату, который воспроизводит задуманное.

На скорость речи влияет также психическое состояние человека в момент речи, например от взволнованного человека трудно ожидать спокойной, неспешной речи.

Темп речи говорит о темпераменте индивида (что очень трудно изменить сознательно, даже если стараться говорить медленнее или наоборот ускорять свой темп речи при эмоционально окрашенной речи, искусственно созданный темп всё равно изменится на естественный). У темпераментного человека речь бойкая, живая, импульсивная (быстрый темп речи собеседника относит его к людям сообразительным, правда, здесь многое зависит и от содержательности речи). Темп речи обуславливается также ритмом жизни (например, если сравнивать темп речи сельского жителя и горожанина, то у горожанина он окажется несколько быстрее).

Эмоциональное состояние собеседников во время коммуникации накладывает отпечаток на вариативность темпа. Определенные эмоции, такие как радость, волнение, злость, страх, раздражение, заставляют произносить звуки быстрее обычного, а такие эмоции, как беспокойство, отвращение, грусть могут снизить нормальную скорость речи.

Личностный фактор также оказывает определенное влияние на скорость произношения, что объясняет тот факт, что носители одного и того же языка или диалекта в определенной схожей ситуации могут использовать разный темп речи [Бабушкина 2010].

Один и тот же человек может использовать и стабильный, и изменяющийся темп в процессе коммуникации. Стабильный темп речи реализуется только на ограниченных отрезках высказывания.

Речевой темп может меняться в процессе разговора. Если скорость речи убыстряется, значит человек глубоко погружается в предмет беседы, то, о чем он рассказывает, его вдохновляет. Если скорость речи у собеседника замедляется, то, возможно, он не совсем уверен в правильности того, о чем говорит, его замедленный темп может свидетельствовать о желании изменить тему разговора.

Несомненно, что темпо-ритмическое оформление устного высказывания служит основой, которая связывает все компоненты устной речи, включая грамматическое и лексическое структурирование, артикуляторно-дыхательную программу и всю совокупность супра-сегментных характеристик [Бабушкина 2010].

Результаты фонетического исследования

Одной из задач исследования, проведенного нами на материале французской теледискуссии, было изучение темпорального компонента интонации звучащей речи в процессе коммуникации. В основу анализа было положено экспериментально-фонетическое исследование «Роль фонетических средств в формировании культуры устной речи» [Коголова 2005]. Полученные данные стали подтверждением ранее обозначенным тенденциям. Корпус исследовательского материала был представлен передачами, относящимися к жанру «круглый стол»¹, который остается актуальным и наиболее частотным видом коммуникации в СМИ.

Принимавшие участие в аудиторском анализе франкофоны определили темп речи важным критерием при ее восприятии. Позитивно воспринимался оптимальный, ни быстрый, ни медленный темп речи, в то время как слишком ускоренный темп речи или слишком замедленный темп речи оказывали негативное впечатление.

¹ «On n'est pas couché» (France 2 – 2012, 2013, 2014), «Tout compte fait» (France 2 – 2013, 2014, 2015), «Ce soir (ou jamais!)» (France 2 – 2014, 2015, 2016).

Таблица 1

Восприятие темпа речи аудиторам

Передача	Информант	Речь	Темп речи																			
			очень медленный				замедленный				средний				ускоренный				очень быстрый			
			аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы			
1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4			
1		+																				
		-																				
2		+																				
		-																				
3		+																				
		-																				
4		+																				
		-																				
5		+																				
		-																				
6		+																				
		-																				
7		+																				
		-																				
8		+																				
		-																				
9		+																				
		-																				
10		+																				
		-																				

Передача	Информант	Речь	Темп речи																							
			очень медленный				замедленный				средний				ускоренный				очень быстрый							
			аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы				аудиторы							
			1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4				
6	11	+									+	+			+											
7	12	-																								
8	13	+																								
9	14	-																								
9	15	+																								
9	16	-																								
9	17	+																								
9	18	-																								

В таблице 1 отражены данные, зафиксированные аудиторам: в более удачном произносительном варианте оптимально воспринимался средний и немного ускоренный темп, в менее удачном произносительном варианте отрицательное воздействие на слушателей оказывал ускоренный и очень быстрый темп, и в меньшей степени – замедленный.

Для подтверждения результатов, полученных при аудиторском анализе, было проведено электронно-акустическое исследование данной просодической характеристики, был вычислен коэффициент звукового убывания¹, среднезвуковой темп² (в секундах) и среднеслоговой темп (количество слогов в минуту) [Блохина, Потапова 1982; Vaissière 1999].

Существует целый ряд факторов, который необходимо учитывать при определении длительности сегментов: собственная длительность звуков, наличие дополнительного (выделительного) ударения, непосредственный фонетический контекст и т. п.

Для того, чтобы коэффициент звукового убывания был вычислен, звучащий документ был затранскрибирован при помощи символов международного фонетического алфавита (API). Между параметром коэффициента звукового убывания и параметром темпа существует определенная тесная взаимосвязь: чем больше коэффициент звукового убывания, тем выше темп реализации высказываний в целом и тем меньше среднезвуковой темп. При сравнении двух произносительных вариантов – менее удачного и более удачного – в первом степень редукиции в подавляющем большинстве случаев превосходила этот же параметр во втором и оказалась примерно в два раза выше, соответственно, и темп высказываний был объективно быстрее. Например,

¹ Коэффициент звукового убывания (степень редукиции) вычисляется по формуле:

$$K_i = 10 \cdot (V_{\text{ификт}} - V_{\text{эфф}}) / V_{\text{ификт}}, \text{ где}$$

K_i – коэффициент звукового убывания,

$V_{\text{ификт}}$ – фиктивный темп (идеальная для данного экспериментального материала скорость произнесения),

$V_{\text{эфф}}$ – эффективный темп (характеризующий скорость артикуляции применительно к конкретному произнесению).

Коэффициент звукового убывания возрастает по мере увеличения темпа реализации высказываний [Блохина, Потапова 1982].

² Среднезвуковой темп реализации высказываний определяется соотношением времени звучания текста к количеству произнесенных звуков [Блохина, Потапова 1982].

в речи информанта № 18(-) было отмечено самое большое значение коэффициента звукового убывания (0,49), и, следовательно, самый высокий темп – 354 слога в минуту (среднезвуковой темп – 0,068 сек.). Самое меньшее значение коэффициента звукового убывания наблюдалось в речи информанта № 1(+) – 0,12 и темп, таким образом, не быстрый – 247 слогов в минуту (среднезвуковой темп – 0,092 сек.) и 247 слогов в минуту (среднезвуковой темп – 0,092 сек.), соответственно. Результаты вычислений этих параметров отражены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели темпа

Передача	Информант	Коэффициент звукового убывания (степень редукции)	Темп (слог / мин.)	Среднезвуковой темп (в сек.)
1	1(+)	0,12	247	0,092
	2(-)	0,23	298	0,059
2	3(+)	0,15	277	0,077
	4(-)	0,31	264	0,070
3	5(+)	0,19	281	0,078
	6(-)	0,10	207	0,098
4	7(+)	0,15	272	0,089
	8(-)	0,33	283	0,075
5	9(+)	0,19	291	0,078
	10(-)	0,29	267	0,073
6	11(+)	0,17	264	0,086
	12(-)	0,28	252	0,077
7	13(+)	0,12	263	0,087
	14(-)	0,37	303	0,071
8	15(+)	0,12	257	0,082
	16(-)	0,20	278	0,068
9	17(+)	0,30	324	0,074
	18(-)	0,49	354	0,072

В результате исследования параметра темпа мы пришли к выводу, что существует своеобразная модель скорости произнесения в современной французской теледискуссии, которая может быть представлена следующим образом:

- средний или немного ускоренный темп произнесения;
- среднезвуковой темп реализации высказываний 0,084 сек. (275 слогов в минуту в среднем);
- коэффициент звукового убывания (степень редукции) равняется 0,16.

Заключение

Данное исследование показало, что индивидуальные черты того или иного человека напрямую влияют на темп речи, который трудно изменить и скорректировать. Характер человека, его склад ума, привычки оказывают воздействие на то, как он говорит.

Невозможно отрицать, что при передаче эмоционально-модальной информации темпу отводится важная роль. Если говорящий отклоняется от средних величин, то как ускорение, так и замедление мешают восприятию смысла или вовсе затрудняют коммуникацию.

Признаком ораторского искусства и мастерства можно назвать умение варьировать, изменять при необходимости скорость речи. Каждый вид темпа разумен в определенной ситуации. Не всегда ускоренный темп воспринимается положительно аудиторией, и даже часто, наоборот, обдуманная, спокойная, медленная речь позволяет более глубоко вникнуть в обсуждаемые вопросы и проблемы, способствует обдуманному анализу и усвоению сказанного. Смена видов темпа также может помочь в достижении оптимального эффекта во время выступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкина Е. А.* Темп речи как социальный маркер // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 11. С. 13–17.
- Белякова Л. И., Дьякова Е. А.* Заикание. Учебное пособие для студентов педагогических институтов по специальности «Логопедия». М. : В.Секачев, 1998. 304 с.
- Блохина Л. П., Потапова Р. К.* Методика анализа просодических характеристик речи. Методические рекомендации. М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982. 75 с.

- Иванова-Лукьянова Г. Н.* Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. М. : Фланта : Наука, 1998. 200 с.
- Коголова Е. А.* Роль фонетических средств в формировании культуры устной речи (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного французского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 203 с.
- Dubosson P., Schwab S., Avanzi M.* La prosodie du «français fédéral». Étude de la vitesse d'articulation et de l'accentuation en français L1 et L2 // *Revue Tranel* (Travaux neuchâtelois de linguistique). 2013. № 59. P. 25–42.
- Léon P.* Précis de phonostylistique. P., Nathan, 1997. 336 p.
- Lucci V.* Phonétique du français contemporain à travers la variation situationnelle (débit, rythme, accent, intonation, ə muet, liaisons, phonèmes). Grenoble : L'université de langues et des lettres de Grenoble, 1983. 360 p.
- Vaissière J.* Utilisation de la prosodie dans les systèmes automatiques: un problème d'intégration des différentes composantes // *Faits de langues*. 1999. Vol. 7, N 13. P. 9–16.

REFERENCES

- Babushkina E. A.* Temp rechi kak social'nyj marker // *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010. № 11. S. 13–17.
- Beljakova L. I., D'jakova E. A.* Zaikanie. Uchebnoe posobie dlja studentov pedagogicheskikh institutov po special'nosti «Logopedija». M. : V.Sekachev, 1998. 304 s.
- Blohina L. P., Potapova R. K.* Metodika analiza prosodicheskikh harakteristik rechi. Metodicheskie rekomendacii. M. : MGPIIJa im. M. Toreza, 1982. 75 s.
- Ivanova-Luk'janova G. N.* Kul'tura ustnoj rechi: intonacija, pauzirovanie, logicheskoe udarenie, temp, ritm. M. : Flinta : Nauka, 1998. 200s.
- Kogalova E. A.* Rol' foneticheskikh sredstv v formirovanii kul'tury ustnoj rechi (jeksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materiale sovremennogo francuzskogo jazyka) : dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005. 203 s.
- Dubosson P., Schwab S., Avanzi M.* La prosodie du «français fédéral». Étude de la vitesse d'articulation et de l'accentuation en français L1 et L2 // *Revue Tranel* (Travaux neuchâtelois de linguistique). 2013. № 59. P. 25–42.
- Léon P.* Précis de phonostylistique. P., Nathan, 1997. 336 p.
- Lucci V.* Phonétique du français contemporain à travers la variation situationnelle (débit, rythme, accent, intonation, ə muet, liaisons, phonèmes). Grenoble : L'université de langues et des lettres de Grenoble, 1983. 360 p.
- Vaissière J.* Utilisation de la prosodie dans les systèmes automatiques: un problème d'intégration des différentes composantes // *Faits de langues*. 1999. Vol. 7, N 13. P. 9–16.

УДК 659.1:81'22

Б. О. Корепанов, Г. М. Фадеева

Корепанов Б. О., аспирант каф. лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: b.korepanov@gmail.com

Фадеева Г. М., кандидат филологических наук, доцент; доцент каф. лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка МГЛУ; e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

РЕАЛИИ В РЕКЛАМЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ФРГ

В статье рассматриваются особенности функционирования реалий в рекламных текстах Вооруженных сил Германии. Проводится дискурсивный анализ различных типов реалий и определяется их роль в достижении запланированного воздействия на целевую аудиторию. Обращается внимание на некоторые трудности перевода рекламных текстов. Авторы приходят к выводу, что реалии можно рассматривать как один из инструментов достижения коммуникативного эффекта рекламы бундесвера.

Ключевые слова: реалии; рекламные заголовки; Вооруженные силы Германии; рекламное воздействие.

B. O. Korepanov, G. M. Fadeeva

Korepanov B. O., PhD Student, Department of German Lexicology and Stylistics, Faculty of German, MSU; e-mail: b.korepanov@gmail.com

Fadeeva G. M., PhD (Philology), Assoc. Prof., Department of Lexicology and Stylistics of German, Faculty of German, MSU; e-mail: galina_fadeeva@rambler.ru

REALIA IN BUNDESWEHR ADVERTISING

The article considers the functioning of culture-specific language realia used in Bundeswehr advertising texts. The authors carry out a discourse analysis of various types of realia and also define the role of the realia in achieving advertising impact on the target group. Several of the problems with the translation of the advertisement texts are pointed out. The authors come to the conclusion that culture-specific language realia can be considered as an instrument of achieving the communicative effect of the Bundeswehr advertising.

Key words: realia; advertising headline; German Armed Forces; advertising impact.

Введение

Актуальность настоящей статьи заключается в исследовании прагматилистического потенциала реалий в рекламе Вооруженных сил ФРГ (бундесвера). Ученые-лингвисты еще только начинают

обращаться к изучению данного аспекта рекламного дискурса бундесвера. Актуальность обусловлена значимостью задачи изучения средств конструирования современного образа Вооруженных сил Германии в контексте концепции «Staatsbürger in Uniform» («Граждане государства в военной форме»).

Цель статьи состоит в рассмотрении реалий как одного из средств конструирования современного образа вооруженных сил и как составляющей комплексного феномена исследуемых рекламных текстов.

Термин «реалия» в его современном понимании был впервые введен Л. Н. Соболевым в 1952 г. [Словарь терминов ... 2013]. Согласно определению Л. Н. Соболева, реалии – это «... слова из национально-быта, которых нет в других языках, потому что нет этих предметов и явлений в других странах» [Соболев 1952, с. 281].

Сегодня существуют многочисленные определения данного понятия (ср.: [Влахов, Флорин 2006; Швейцер 1988; Вайсбурд 1972; Томахин 1988; Россельс 2002 и др.]). С. Влахов и С. Флорин представили глубокий аналитический обзор существующих определений *реалии* и близких по значению понятий. В итоге они предлагают следующую дефиницию реалий как особой категории средств выражения с позиции теории перевода: «слова (и словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и / или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) в других языках, а, следовательно, не поддаются переводу “на общем основании”, требуя особого подхода» [Влахов, Флорин 1986, с. 55]. Если рассматривать реалию не только с позиции теории перевода, то реалия это: а) предмет, понятие, явление и т. д.; б) слово (словосочетание), обозначающее такой предмет, понятие, явление [там же, с. 53].

Особая заслуга в разработке типологии данной части словарного состава языка принадлежит Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, которые изучали национально-культурную семантику слова, феномен лексической и понятийной безэквивалентности и заложили основы лингвострановедения как лингводидактической дисциплины, изучающей язык с точки зрения его культуруносной функции [Верещагин, Костомаров 1990]. По определению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, безэквивалентными являются слова, план содержания которых

невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями. Такие слова в строгом смысле неперебиваемы и обычно заимствуются из языка в язык [Верещагин, Костомаров 1990]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров разработали классификацию безэквивалентной и фоновой лексики, которая включает семь групп слов русского языка, наделенных национально-культурной семантикой [там же].

Г. Д. Томахин выделяет две основные группы реалий: ономастические реалии и реалии, обозначаемые апеллятивной лексикой. К *первой* группе автор относит: топонимы, особенно имеющие культурно-исторические ассоциации; антропонимы (имена исторических личностей, общественных деятелей, ученых, писателей, деятелей искусства и т. п.); названия произведений литературы и искусства; исторические факты и события в жизни страны; названия государственных и общественных учреждений и т. д. Во *вторую* группу входят: географические термины, обозначающие особенности природно-географической среды, флоры и фауны; некоторые слова (в том числе общеизвестные термины), относящиеся к государственному устройству, общественно-политической жизни страны, юриспруденции, военному делу, искусству, системе образования, производству и производственным отношениям, быту, обычаям, традициям и др. [Томахин 1988].

В настоящей статье мы опираемся на классификацию болгарских ученых и переводчиков С. Влахова и С. Флорина, полностью разделяя их взгляд на понятия «реалия» и «безэквивалентная лексика». *Безэквивалентная лексика* является более широким по своему содержанию понятием, чем *реалия*. Главное отличие реалии от безэквивалентного слова состоит в том, что «если данное слово – реалия, то оно будет реалией безотносительно к тому или иному языку, а безэквивалентность устанавливается в рамках данной пары языков, иными словами, список реалий данного языка в синхроническом плане более или менее устойчив, независимо от ПЯ, в то время как разные пары языков будут иметь для каждого из них разные словари БЭЛ» [Влахов, Флорин 1986, с. 52].

С. Влахов и С. Флорин справедливо отмечают сложность разработки строгой типологии, так как многие из реалий можно отнести одновременно к различным рубрикам, и подчеркивают, что их деление реалий на основе нескольких показателей в определенной мере условно и схематично и не претендует ни на абсолютную полноту,

ни на окончательную закреплённость единиц за соответствующими рубриками [Влахов, Флорин 1980]. Тем не менее мы считаем, что эта классификация, расширенная за счёт деления реалий по их коннотативным значениям, т. е. в зависимости от местного и временного колорита и других показателей, является достаточно полной и универсальной.

Поскольку в данной статье исследуются реалии рекламного дискурса, подчеркнем, что мы разделяем мнение французского исследователя рекламы Ж. Дрю (Dru), который рассматривает рекламу как часть мирового медиапространства и социокультурное явление. Понимаемая таким образом реклама отражает менталитет страны, где ее создали. Ж. Дрю доказал это в своей книге «Ломая стереотипы», установив характерные особенности рекламы разных европейских (и не только европейских) стран [Дрю 2002]. В настоящей статье предпринимается попытка подтвердить этот тезис на примере рекламы Вооруженных сил ФРГ (бундесвера), которую мы рассматриваем как социальную рекламу.

Реалии в рекламе Вооруженных сил ФРГ и некоторые проблемы перевода рекламных текстов

Реклама как социальное средство коммуникации отражает социально-политические тенденции и исторические изменения. Х. Норд (Nord) провел анализ немецкой рекламы в период с 1945 по 1989 гг. и пришел к выводу, что в рекламе 1950-х гг. подчеркивается возрастающая роль женщин в обществе. В 1960-е гг. одной из актуальных тем было протестное движение (Protestbewegung). В следующий период вплоть до воссоединения Германии также можно выделить ведущие темы, которые всегда находили отражение в рекламе. Таким образом, Х. Норд приходит к выводу, который мы разделяем, что реклама определенным образом «вбирает» в себя повседневную историю и становится своего рода историческим документом [Nord 1996]. Изучение собранного нами рекламного материала бундесвера подтверждает обоснованность этого тезиса. Рекламные тексты бундесвера как сегмент общего рекламного дискурса отражают суть происходящих исторических и культурных событий в современном немецком обществе. Реалии играют в этом немаловажную роль. Рассмотрим несколько показательных примеров.

1. Wir kämpfen auch dafür, dass die re:publica gegen uns sein kann. – Мы боремся и за то, чтобы re:publica могла быть против нас¹.

Рис. 1

Рис. 2

Re:publica – название крупнейшей европейской конференции, по вопросу развития Интернета и цифрового сообщества. Конференция проводится ежегодно с 2007 г. в Берлине, и по данным официального сайта в 2018 г. в ней приняли участие более 19,5 тыс. человек из 80 стран, что свидетельствует о серьезных масштабах данного мероприятия².

В 2018 г. представители Министерства обороны Германии подали заявку на участие в конференции, однако в официальном ответе организаторов было сказано, что участие в конференции людей в военной форме нежелательно (*unerwünscht*). В бундесвере расценили такое решение как отказ и как нарушение основных принципов конференции – открытости и толерантности. В этой связи была организована акция у входа в здание, где проходила конференция. Военнослужащие бундесвера раздавали листовки (см. рис. 1), возле припаркованного грузового автомобиля с крупным рекламным баннером (см. рис. 2), который гласил: *Zu bunt gehört auch grün.*

О прагматистическом потенциале данного заголовка и возможности его различной интерпретации говорят отзывы и комментарии носителей немецкого языка в социальной сети (www.facebook.com/

¹ Зд. и далее перевод наш. – Б. К., Г. Ф.

² Официальный сайт конференции re:publica. URL : re-publica.com/de

bundeswehr/posts), а также мнения опрошенных нами профессиональных немецко-русских переводчиков из университета им. И. Гутенберга (Майнц / Гермерсхайм).

На наш взгляд, одним из вариантов перевода может быть: *Зеленый – тоже часть палитры цветов*. На основании анализа заголовка можно сделать следующие выводы:

а) здесь обыгрывается значение слова *grün* (*зеленый*), которое в контексте протестной акции ассоциируется в первую очередь с военным камуфляжем, и соответственно может быть понято как сформулированное в заголовке мнение одного из социальных институтов Германии (ее Вооруженных сил);

б) обыгрывается значение слова *bunt* (*яркий, красочный, многообразный*), которое в данном заголовке может быть наряду с иными толкованиями интерпретировано как плюрализм мнений современно-го немецкого общества.

Однако зеленый цвет не всегда ассоциируется только с бундесвером. На наш взгляд, здесь используется языковая игра, основанная на фонетическом сходстве слов *bunt* и *Bund* (***Bundeswehr***). В таком случае, один из возможных вариантов перевода: *Военная форма – тоже часть бундесвера*. Обоснованно и понимание слова *Bund* как «федеративное государство», тогда допустимы толкования *Вооруженные силы – тоже часть (нашего) государства* или *Люди в военной форме – тоже часть государства (страны)*.

По мнению немецких переводчиков, которое мы разделяем, этот текст невозможно абсолютно точно перевести на русский язык. Его необходимо адаптировать для сохранения смысловой нагрузки. Это так называемый адаптивный перевод (*adaptives Übersetzen*), т. е. перевод, предполагающий приспособление текста перевода к восприятию реципиента, являющегося носителем другой лингвокультуры. Этим объясняется допустимость (и даже неизбежность) разных вариантов перевода.

Приведенный пример подтверждает сложность перевода рекламных заголовков и слоганов, о чем пишет, например, И. С. Алексеева, которая считает, что рекламные слоганы являются материалом повышенной сложности для переводчиков: «Чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода» [Алексеева 2001, с. 232].

Заголовок рекламной листовки на рисунке 1 является намеренно измененной формой широко распространенного рекламного заголовка бундесвера *Wir kämpfen auch dafür, dass du gegen uns sein kannst* («Мы боремся и за то, чтобы ты мог быть против нас»). Можно утверждать, что использование в заголовке названия конференции *Re:publica*, которое является общественно-политической реалией, позволяет достичь цели рекламного сообщения и привлечь внимание к важной социальной проблеме. Наличие реалии актуализирует информацию, о которой идет речь в рекламе. Помимо этого, подчеркивается тот факт, что бундесвер вместе с другими социальными институтами борется за сохранение плюрализма общественного мнения в Германии со всей его «многоцветной палитрой».

Рис. 3

2. Zwischen Wiesn und Wissenschaft. In München studieren. – Между Визеном и наукой. Учеба в Мюнхене.

Особое внимание в рекламе бундесвер уделяет военному образованию и тем возможностям, которые предоставляются будущим слушателям и курсантам. Сегодня в Германии два ведомственных университета бундесвера – в Гамбурге и Мюнхене. На анализируемом рекламном плакате речь идет о Мюнхенском университете. Заслуживающим внимание представляется наличие слова *Wiesn* в заголовке. *Wiesn* – обиходное название Theresienwiese (Луг Терезы), специальной территории в Мюнхене, где ежегодно проводится известный во всем мире немецкий фольклорный фестиваль Октоберфест (Oktoberfest). Наряду с эффективным применением фоностилистического приема аллитерации (*Wiesn* – *Wissenschaft*) использование реалии-топонима (в Мюнхене этот праздник называют именно *Wiesn*), имеющего большое национально-культурное и историческое значение, способствует реализации запланированного воздействия на реципиента и привлекает его внимание к рекламному плакату. В сознании реципиента возникают ассоциации с праздником, развлечением, яркой, насыщенной жизнью, которую можно сочетать с серьезной учебой.

Важно отметить, что на рекламном плакате присутствует изображение Мюнхена, его наиболее известных достопримечательностей – центральной площади Мариенплац (Marienplatz), Новой ратуши (Neues Rathaus) и Собора Пресвятой Девы Марии (Frauenkirche), которые также являются общественно-культурными *реалиями-предметами*. Можно сделать вывод, что визуальный компонент рекламы несет не меньшую, а во многих случаях и большую, смысловую нагрузку, чем вербальный рекламный текст. Система визуально-когнитивных единиц оказывается чрезвычайно востребованной, так как языковая составляющая рекламы бундесвера, как правило, сжата до заголовка и слогана. В такой ситуации тесное взаимодействие вербального и невербального компонентов рекламы становится особенно важным. «С точки зрения семиотической комплексности рекламы можно говорить о взаимодействии визуального и вербального семиотических кодов в целях достижения запланированного воздействия. Заголовок и визуальный ряд находятся в отношениях взаимовлияния и взаимодополняемости» [Фадеева 2013, с. 223]. Таким образом, можно утверждать, что как языковые реалии (слова-реалии), так и изображения реалий-предметов выступают в качестве инструментов, способствующих реализации запрограммированного коммуникативного эффекта.

3. Du kannst an Käfern schrauben. Oder an Tiger, Leopard und Puma. – Ты можешь чинить жука. Или тигра, леопарда и пуму.

В данной рекламе речь идет о наборе специалистов, имеющих техническое образование (например, автомехаников), на службу в вооруженные силы на соответствующие должности. Целевой группой рекламного сообщения являются молодые люди, стоящие перед выбором места работы, думающие о своих профессиональных интересах, карьерном росте, удовлетворенности своей трудовой деятельностью. Прочитав данный текст, реципиент должен разгадать закодированный создателями рекламы смысл, а именно то, что речь идет о противопоставлении известной

Рис. 4

массовой модели автомобиля «фольксваген “жук”» (Volkswagen Käfer), напоминающей своим внешним видом жука, и самой передовой военной техники немецкого производства: ударного вертолета «тигр» (Kampfhubschrauber Tiger), основного боевого танка «леопард» (Kampfpanzer Leopard) и боевой машины пехоты «пума» (Schützenpanzer Puma). Данное противопоставление усиливается на синтаксическом уровне благодаря точке, разделяющей текст на две полярные части, и за счет графостилистических средств (использование мелкого шрифта в первой части и крупного, бросающегося в глаза шрифта во второй части текста). Все представленные названия видов военной техники являются реалиями, которые основаны на метафорическом переносе (зооморфная метафора) таких отличительных качеств хищных животных, как сила, мощь, скорость и др. В соответствии с классификацией реалий С. Влахова и С. Флорина по предметному делению, автомобиль «фольксваген “жук”» можно отнести к бытовым реалиям, а «леопард», «тигр» и «пума», как виды оружия, к общественно-политическим (военным) реалиям.

В рекламе убедительно противопоставляется рутинная работа на гражданском предприятии, где будут обслуживаться «жуки», и престижная служба в вооруженных силах с их передовой техникой.

Заключение

Анализ печатных рекламных материалов бундесвера позволяет утверждать, что в данном сегменте рекламного дискурса используются различные виды реалий: географические, общественно-политические, общественно-культурные и др.

Слово *Bundeswehr* и его логотип являются основными реалиями, которые присутствуют во всех рекламных текстах Вооруженных сил Германии как их константные элементы.

Особую группу составляют названия военной техники. Эти реалии по своим характеристикам близки к терминологии и передаются с помощью однозначных эквивалентов. Для названий боевой техники в Германии традиционно используются зооморфные метафоры «Tiger», «Leopard» и др.

Языковые реалии не относятся к наиболее частотным средствам повышения эффективности рекламы бундесвера. В большинстве случаев реалии представлены не как «реалии-слова» в вербальной части

рекламы, а как изображение «реалий-предметов» (военная техника и военная форма, знаковые памятники архитектуры и т. д.) в ее визуальном компоненте. Отражающие реалии визуальные компоненты позволяют компенсировать краткость вербальной части рекламы и способствуют декодированию рекламного сообщения реципиентом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева И. С.* Профессиональный тренинг переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб. : Союз, 2001. 288 с.
- Верещагин Е. М., Костомаров Е. Г.* Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Русский язык, 1990. 246 с.
- Влахос С., Флорин С.* Непереваемое в переводе. М. : Высшая школа, 1986. 416 с.
- Дрю Ж.* Ломая стереотипы. Разрыв: реклама, разрушающая общепринятое. СПб. : Питер, 2002. 272 с.
- Словарь терминов межкультурной коммуникации / И. Н. Жукова [и др.]. М. : Флинта : Наука, 2013. 632 с.
- Соболев Л. Н.* Пособие по переводу с русского языка на французский. М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. 298 с.
- Томахин Г. Д.* Реалии-американизмы : пособие по страноведению. М. : Высшая школа, 1988. 240 с.
- Фадеева Г. М.* Социальная реклама в защиту животных как семиотически гетерогенный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2013. Вып. 15 (675). С. 216–228.
- Официальный сайт конференции re:publica [Электронный ресурс]. URL : re-publica.com/de/page/ueber-republica-gmbh
- Nord H.* Werbung als Spiegel der Gesellschaft. InfoDaF 23 (1/1996) S. 61–68.

REFERENCES

- Alekseeva I. S.* Professional'nij trening perevodchika: uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu dlja perevodchikov i prepodavatelej. SPb. : Sojuz, 2001. 288 s.
- Vereshhagin E. M., Kostomarov E. G.* Jazyk i kul'tura: lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo. 4-e izd., pererab. i dop. M. : Russkij jazyk, 1990. 246 s.
- Vlahov S., Florin S.* Neperevodimoe v perevode. M. : Vysshaja shkola, 1986. 416 s.
- Drju Zh.* Lomaja stereotipy. Razryv: reklama, razrushajushhaja obshheprinjatoe. SPb. : Piter, 2002. 272 s.

- Slovar' terminov mezhhkul'turnoj kommunikacii / I. N. Zhukova [i dr.]. M. : Flinta : Nauka, 2013. 632 s.
- Sobolev L. N.* Posobie po perevodu s russkogo jazyka na francuzskij. M. : Izd-vo literatury na inostrannyh jazykah, 1952. 298 s.
- Tomahin G. D.* Realii-amerikanizmy : posobie po stranovedeniju. M. : Vysshaja shkola, 1988. 240 s.
- Fadeeva G. M.* Social'naja reklama v zashhitu zhivotnyh kak semioticheski geterogenyj fenomen // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. Vyp. 15 (675). S. 216–228.
- Oficial'nyj sajt konferencii re:publica [Elektronnyj resurs]. URL : re-publica.com/de/page/ueber-republica-gmbh
- Nord H.* Werbung als Spiegel der Gesellschaft. InfoDaF 23 (1/1996) S. 61–68.

УДК 811.13

О. Е. Лаптева

соискатель кафедры португальского языка переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

О НЕКОТОРЫХ СРЕДСТВАХ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА «ВОЗРАСТ» В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье предпринимается попытка краткого обзора некоторых средств вербализации концепта «возраст» в португальском языке. Материалом исследования послужили отдельные лексемы, словосочетания, фразеологические единицы, синтаксические конструкции и тексты (включая прецедентные микротексты – паремии). Исследование проводилось с применением методов компонентного, контекстуального и дефиниционного анализа лексических единиц. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о многообразии и в некоторых случаях национальной специфичности средств выражения понятия «возраст» в португальском языке.

Ключевые слова: концепт; вербализация концепта; когнитивная лингвистика; португальский язык.

O. E. Lapteva

Post-Graduate Student, Portuguese Language Department,
Faculty of Translation and Interpretation, MSLU;
e-mail: laptevaolga2009@rambler.ru

ON SOME MEANS OF VERBALIZATION OF CONCEPT 'AGE' IN THE PORTUGUESE LANGUAGE

The paper provides a brief review of some means of verbalization of the concept 'Age' in the Portuguese language. These include various lexemes, phraseological units, syntactic constructions and texts (along with precedent microtexts, or proverbs). The means of verbalization of the concept 'Age' were analysed with the use of several methods such as: componential analysis method, contextual analysis method and definition analysis method. The research shows the variety and, in some cases, national specificity of verbalization means of the concept 'Age' in the Portuguese language.

Key words: concept; concept verbalization; cognitive linguistics; Portuguese.

Введение

Концепт «возраст» имеет бытийную природу: интерес к данному концепту, изучение его вербализации в разных языках и культурах обусловлены тем, что содержание подобных концептов «определяется нормами бытования социума» [Бабушкин 1997, с. 170]. Языковая

репрезентация концепта «возраст», средства его вербализации отображают восприятие возраста и разных возрастных этапов носителями португальского языка.

Актуальность исследования определяется общей антропоцентрической направленностью современной лингвистики и аксиологической значимостью концепта «возраст» для португальской лингвокультуры.

В португальском языке концепт «возраст» вербализуется при помощи отдельных лексем, словосочетаний, фразеологических единиц, синтаксических конструкций и текстов (включая прецедентные микротексты – паремии). В статье предпринимается попытка дать краткое описание основным средствам, используемым для языковой репрезентации концепта «возраст» в португальском языке.

Основная часть

Изучение средств вербализации концепта представляется целесообразным начинать с построения его лексико-семантического поля (ЛСП). Именно лексикографическое описание концепта позволяет наблюдать его структуру, а также выделить свойственные ему классификационные и дифференциальные признаки. Кроме того, «семантика, которая не может быть отделена от познания, выступает в качестве связующего звена между теорией языка и теориями других когнитивных способностей. Изучая семантику языка, мы изучаем структуру мышления» [Харитончик 1992, с. 102].

Слова, принадлежащие к разным частям речи, но имеющие в своем значении общий компонент, архисему поля, объединяются внутри ЛСП в лексико-тематические группы (ЛТГ). Объединение лексем в лексико-тематические группы происходит на основе сходства или общности функций обозначаемых словами предметов и процессов [Уфимцева 1962]. В составе ЛТГ выделяются лексико-семантические группы (ЛСГ), в которые входят лексические единицы одной части речи, объединенные семой более низкого порядка, так называемой дифференциальной семой. Выделение лексико-семантических групп позволяет выявить внутренние связи слов в пределах семантической системы языка. Критерием выделения ЛСГ является «наличие... свободных смысловых связей между словами по линии их лексических значений» [там же, с. 138].

Анализ семантики отдельных лексем, фразеологических и свободных словосочетаний, репрезентирующих концепт, проводился именно в рамках выделяемых ЛСГ. Материал исследования отбирался с применением метода сплошной выборки из лексикографических источников португальского языка, произведений португальских писателей и португальских СМИ.

Для наглядности предлагается рассмотреть фрагмент ЛТГ «молодость» в португальском языке. Так, среди единиц, номинирующих непосредственно данный возрастной этап, выделяются различные по коннотации, частоте употребления и стилю лексемы *juventude, mocidade, puberdade*. Для номинации молодости также используются фразеосочетания *flor da vida, Primavera da vida, idade do armário, idade da parvalheira*, а также сложные словосочетания типа *idade de votar pela primeira vez*, входящие в периферию группы.

Среди номинаций лиц, находящихся в данной возрастной группе, можно упомянуть как нейтральные *o/a jovem, rapaz, rapariga*, так и стилистически маркированные, акцентирующие своим значением разные характеристики молодых людей номинации *efebo, mancebo, moçoilo, latagão*.

Указание на возраст человека может производиться и имплицитно с использованием лексем, не имеющих в составе значения возрастную сему. Часто, к примеру, для указания на возраст используются лексемы, обозначающие профессию человека, его социальный статус или место работы / учебы:

Um belo dia, *era já o meu irmão engenheiro químico e professor na faculdade* [Guedes de Carvalho 2017, с. 424].

Foi no liceu, *na escola de enfermagem, no hospital*, o pouco que aconteceu já conhecia as mulheres, sabia-lhes o nome [Guedes de Carvalho 2017, с. 463].

Имена прилагательные, входящие в ЛСГ «молодость», также содержат в составе значений компоненты, указывающие на разные свойственные молодежи качества: *imberbe, verde, novito, jovenzinho*. Компонентный анализ значений данных лексем, а также анализ их употребления позволяет описать смысловые отношения между рассматриваемыми лексемами, выявить присущие им когнитивные признаки, структурировать их в систему.

В португальском языке также представлены глаголы и глагольные конструкции, обозначающие переход из одной возрастной группы в другую либо нахождение на определенном возрастном этапе.

Среди глаголов, указывающих на смену возрастных состояний, можно упомянуть глаголы *crescer*, *envelhecer*, а также конструкцию *tornar-se* + *прилагательное* / *существительное* (например: *tornar-se velho*, *tornar-se adulto*, *tornar-se homem* и т. п.). В группу словосочетаний, эксплицирующих сему «старение», входят перифрастические конструкции типа *estar ficando velho* и *ir envelhecendo*.

Для указания на достижение человеком какого-либо возраста используется устойчивое глагольное словосочетание *chegar aos* + *количественное числительное* + *anos*, а также *virar* + *количественное числительное* + *anos* и *completar* + *количественное числительное* + *anos*. Семантика используемых глаголов свидетельствует о том, что в португальской языковой картине мира возраст, достижение определенного возрастного этапа считается точкой маршрута (*chegar a*), достижением поставленной цели (*completar*) и частью жизненного цикла человека (*virar*).

Глагольная конструкция, объединяющая глагол *ir* в личной форме с герундием смыслообразующего глагола, указывает на «развитие действия», на постепенное старение, увядание человека. То же верно для второй конструкции, состоящей из личной формы глагола *estar* и герундия смыслового глагола. Стоит отметить, что сами по себе данные конструкции не могут самостоятельно эксплицировать значение процесса старения, его актуализация происходит только при сочетании данных глагольных лексем (*estar*, *ir*) с лексемами, имеющими в структуре своего значения сему «старый» (глагол *envelhecer*, прилагательное *velho*).

Кроме того, для выражения принадлежности человека к той или иной возрастной группе используются типичные для португальского языка глагольные словосочетания, имеющие следующую структуру: глагол *ser* / *estar* + *прилагательное* (*jovem*, *pequeno*, *idoso*, *aposentado* и т. п.):

Está velho, mas, se o fitar nos olhos, parece que tem quinze anos [Reis Cabral 2014, с. 118].

Глагольное словосочетание *estar na idade* (букв. «быть в возрасте») также используется для обозначения принадлежности человека

к пожилому возрасту (например: *Está na altura. Ele está na idade, de qualquer forma* [Guedes de Carvalho 2017]).

Конструкции же *estar na idade + de + глагол* или *estar na idade + de + существительное, ter idade* (букв. ‘иметь возраст’) могут употребляться для обозначения нахождения лица в любом возрасте, в зависимости от семантики используемых в них глаголов и существительных:

...os seis anos são uma *idade de muitas coisas pela primeira vez*, mais do que uma por dia [Peixoto 2015, с. 13].

Antes de *ter idade de ir para a escola*, passava os dias a brincar [Peixoto 2014, с. 65].

Указание на возраст также осуществляется при помощи числительных. Для точного указания возраста человека используются количественные числительные (например: *Ele tinha vinte e oito anos*).

Для приблизительного указания возраста при помощи числительных применяются различные языковые средства:

- постановка перед количественным числительным неопределенного артикля во множественном числе – *uns* (*Ele tinha uns oitenta anos. – Ему было около восьмидесяти лет*);
- использование оборота *na casa dos* (*Ele estava na casa dos cinquenta [anos]. – Ему было около пятидесяти лет*);
- употребление после количественного числительного местоимений *tal, tantos* и *muitos* с союзом *e*:

Ele tinha *trinta e tal* anos. – Ему было за тридцать.

Ele estava *nos seus quarenta e tantos*. – Ему было за сорок.

Despertar para a música *com trinta e muitos anos* fez de Luís Gustavo, de novo, um estudante [Guedes de Carvalho 2017, с. 324].

В третьем примере конструкцию *estar com trinta e muitos anos* можно перевести как *далеко за тридцать*.

Конструкция *estar com + количественное числительное + anos acabados de fazer* используется для указания на то, что человеку недавно исполнилось определенное количество лет, например:

No primeiro dia em que fui à escola, *com seis anos acabados de fazer*, foi a minha irmã Anabela que me levou [Peixoto 2014, с. 27].

Помимо вышеупомянутых конструкций, для указания на возраст человека используется конструкция [*estar*] *nos seus vintes / trintas / quarentas / cinquentas / sessentas / setentas / oitentas / noventas* (на своем втором / девятом десятке), например:

Na sua cabeça, ele ainda *estava nos seus quarentas* e ela quase nos trinta.

Интересно также отметить, что в некоторых случаях возраст в португальском языке можно считать с помощью лексем *janeiros* (января) и *invernos* (зимы), имеющих значение «количество прожитых лет применительно к пожилым людям» [Dicionário Priberam], например, в предложениях типа *Ele tem 70 janeiros* (Ему семьдесят) и *Ele cumpriu 80 Invernos* (Ему исполнилось восемьдесят), и лексемы *primaveras* (вёсны), использующейся в значении «количество прожитых лет применительно к молодым людям» [Dicionário Priberam]. В русском языке лексемы *зима* и *лето* используются преимущественно в выражении *сколько лет, сколько зим* для обозначения продолжительного периода времени, прошедшего с момента встречи с кем-либо.

Для указания на возраст с помощью числительных и придания единице номинации определенной коннотации в разговорном португальском языке широко используется суффиксация. Например, для более мягкого указания на пожилой возраст в португальском языке возможно добавление к количественному числительному уменьшительно-ласкательного суффикса *-inha*, например:

O senhor já tem *uns sessentinha*, não? – Вам ведь, наверное, уже под шестьдесят?

Увеличительный суффикс *-ão* также часто используется при субстантивации числительных для указания на возраст человека, например:

Ele é já um *quarentão*. – Ему уже исполнилось сорок лет.

Анализируя особенности речевого поведения современных носителей португальского языка, португальский писатель и журналист Мигел Эштевиш Кардозу отмечает, что на настоящий момент имена существительные, образованные по модели *основа числительного + суффикс -inho* португальцами воспринимаются как обозначающие более молодых людей, чем лексемы, образованные по модели *основа числительного + суффикс -ão*. Э. Кардозу пишет: «Já que os *inhos* são por definição mais jovens que os *ões*, conclui-se que *uma trintinha* é

sempre mais nova que uma vintonona». Также журналист отмечает тенденцию португальцев разделять в сознании (и, как следствие, в речи) возрастные десятки на половины: «O primeiro lustro é sempre um lustro de juventude, enquanto o segundo é sempre um lustro de velhice» [Esteves Cardoso 2016]. Так, по отношению к людям от 30 до 34 лет будет применяться лексема с положительной коннотацией *trintinho* (*тридцаточка*), а по отношению к людям от 35 до 39 – лексема с приобретенной в речи отрицательной коннотацией *trintão* (*тридцатник*). По замечанию Эштевиша Кардозу, в употреблении уменьшительных суффиксов португальцы зашли так далеко, что при переходе в первую половину нового десятка вместо *fazer anos* они говорят *fazer aninhos*: «Esta teoria também é animadora para os Ões e para as Onas, porque sabem que dentro em breve, num máximo de 5 anos, serão Inhos e Inhas outra vez. Imagine-se a alegria do vintão de 29 anos a dizer «Amanhã faço anos!». Faz aninhos. Não há nada melhor que fazer aninhos» [там же].

Словообразовательная модель *основа числительного + суффикс -ão* достаточно продуктивна и широко используется в речи. В одноязычных толковых словарях португальского языка зафиксированы единицы *trintão, trintonona, quarentão, quarentona, cinqüentão, cinqüentona, sessentão, sessentona, oitentão*. Впрочем, даже несмотря на то, что образованные по той же модели лексемы *vintão, vintonona, setentão, setentona, oitentona* не зафиксированы в словарях португальского языка, они употребляются в разговорной речи и в СМИ. Например, в заголовке статьи португальского новостного агентства «Sapo»: «Harrison Ford: um “setentão” cheio de charme» – примечательно, что и данном случае суффикс *-ão* придает лексеме *setentão* скорее положительную коннотацию, так как в статье говорится о том, что знаменитый актер даже в почтенном возрасте сохраняет отличную форму и продолжает сниматься в кино. Еще один пример употребления в СМИ не зафиксированной в лексикографических источниках лексемы:

De repente, a visão é outra: uma viúva *oitentona* vestida de cor-de-rosa a expulsar um batalhão de jornalistas do quintal de casa (*Observador*. 08.11.2017).

Лексема *oitentona* не упоминается в словарях португальского языка, однако ее используют в материалах одного из крупнейших новостных изданий Португалии.

Еще одним средством языкового выражения концепта «возраст» являются прецедентные микротексты, или паремии, образующие *паремиологическую зону* концепта. Паремии – образные устойчивые высказывания, синтаксически оформленные как простые или сложные предложения, отражающие обобщенную формально закрепленную ситуацию, возведенную в формулу [Кацюба 2013].

Число паремий португальского языка, содержащих в своем значении возрастную сему, достаточно велико. Так, в результате сплошной выборки из словарей португальского языка по формально-семантическому признаку нами были выявлены 229 паремий, в составе которых имеются лексемы *velhice*, *anos*, *juventude/mocidade*, *infância*, *velho*, *jovem/moço*, *menino*, *criança*, *filho*, например:

A criança é pai do homem.
Quem tem filhos, tem cadilhos;
Mocidade nunca é fealdade;
Aos vinte anos cabeça oca, aos trinta – riqueza pouca;
A idade não perdoa;
Nem na juventude virtude, nem na velhice saúde.

Анализ паремиологического фонда позволяет выявить присущие понятию «возраст» дифференциальные когнитивные признаки, т. е. «отдельные признаки объекта, осознанные сознанием человека и отображенные в структуре соответствующего концепта как отдельные элементы его содержания» [Попова, Стернин 2007, с. 90].

Заключение

Исследование показало, что в португальском языке существует многообразие средств выражения понятия «возраст», которые позволяют не только выразить количество прожитых человеком лет, но и в рамках одной и той же лексемы, одного фразеосочетания выразить оценку данного возрастного периода и дать ему характеристику. Подобная номинативная плотность концепта свидетельствует о его рекуррентности, актуальности для португальской лингвокультуры, значимости понятия «возраст» для ее представителей.

Некоторые примеры позволяют говорить о национальной специфичности представлений о возрасте в португальской языковой картине мира. Компонентный анализ лексических средств вербализации

концепта «возраст» показал, что семантика лексем отражает особенности восприятия носителями португальского языка понятия «возраст» и разных возрастных периодов жизни человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.
- Кацюба Л. Б.* Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции). Вестник ЮУрГУ, Серия: Лингвистика. 2013. Т. 10, №1. С. 65–67.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика : учебное издание. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 226 с.
- Уфимцева А. А.* Опыт изучения лексики как системы. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 286 с.
- Харитончик З. Х.* Способы концептуальной организации знаний в лексике языка // Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналит. обзоров. М. : ИНИОН, 1992. С. 97–123.
- Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL : www.priberam.pt/dlpo/
- Esteves Cardoso M.* Os meus problemas. Porto Editora, 2016. 224 p.
- Guedes de Carvalho R.* O pianista de hotel. Publicações Dom Quixote, 2017. 468 p.
- Peixoto J. L.* Abraço. Quetzal Editores, 2014. 665 p.
- Peixoto J. L.* Livro. Quetzal Editores, 2015. 263 p.
- Reis Cabral A.* O meu irmão. Leya SA, 2014. 365 p.

REFERENCES

- Babushkin A. P.* Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka, ih lichnostnaja i nacional'naja specifika : dis. ... d-ra filol. nauk. Voronezh, 1997. 330 s.
- Kacjuba L. B.* Opredelenie paremii (lingvisticheskij aspekt definicii). Vestnik JuUrGU, Serija: Lingvistika. 2013. T. 10, №1. S. 65–67.
- Popova Z. D., Sternin I. A.* Kognitivnaja lingvistika : uchebnoe izdanie. M. : AST : Vostok-Zapad, 2007. 226 s.
- Ufimceva A. A.* Opyt izuchenija leksiki kak sistemy. M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1962. 286 s.
- Haritonchik Z. H.* Sposoby konceptual'noj organizacii znaniy v leksike jazyka // Jazyk i struktury predstavlenija znaniy : sb. nauch.-analit. obzorov. M. : INION, 1992. S. 97–123.
- Dicionário Priberam da Língua Portuguesa. URL : www.priberam.pt/dlpo/
- Esteves Cardoso M.* Os meus problemas. Porto Editora, 2016. 224 p.

Guedes de Carvalho R. O pianista de hotel. Publicações Dom Quixote, 2017. 468 p.

Peixoto J. L. Abraço. Quetzal Editores, 2014. 665 p.

Peixoto J. L. Livro. Quetzal Editores, 2015. 263 p.

Reis Cabral A. O meu irmão. Leya SA, 2014. 365 p.

УДК 81'362

А. О. Манухина

кандидат филологических наук; доцент каф. фонетики и грамматики французского языка факультета французского языка МГЛУ;
e-mail: amanuhina@mail.ru

АРХЕТИПЫ РЫЦАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДОКУМЕНТАХ БРАТСТВА ГОСПИТАЛЬЕРОВ

В статье анализируются архетипические представления и образы, сформировавшиеся под влиянием канонов эпохи Средневековья и вербализованных в документах ордена братства госпитальеров. Исследование проводилось на материале хроники Гильома Каурсина (латинского письменного памятника XV в.) в сопоставлении с ее анонимным переводом на среднефранцузский язык. Оба сочинения впервые привлекаются в качестве материала лингвистического анализа. В работе рассматриваются архетипические образы «книга», «бог» и «герой», их содержание и способы реализации в тексте. Оба исследуемых документа представляют собой авторские произведения, однако оценочные суждения в них – продукт не столько индивидуального восприятия мира, сколько система архетипических образов, сформировавшаяся под влиянием коллективного опыта и наследия предыдущих поколений.

Ключевые слова: архетип; вербальная реализация архетипа; нравственные стереотипы рыцарства; латинские и французские письменные памятники эпохи Крестовых походов.

A. O. Manuhina

PhD (Philology), Associate Professor,
Department of Phonetics and Grammar of the French language,
Faculty of the French Language, MSLU;
e-mail: amanuhina@mail.ru

ARCHETYPES OF THE CHIVALRIC CULTURE IN THE DOCUMENTS OF THE HOSPITALLERS BROTHERHOOD

The article is devoted to analyzing the means of realization of the archetypal notions and images formed under the influence of the moral rules of the epoch of the Middle Ages and verbalized in the documents of the institution of the hospitallers. The archetypal images "Book", "God" and "Hero" are examined in the work. Their content and the means of realization in the text are examined in our research. The research is conducted on the material of the chronicle of Guillaume Caoursin (the Latin written monument of the 15th century) and the anonymous Middle French translated text.

Key words: archetype; verbal realization of the archetype; moral stereotypes of chivalry; Latin and French written monuments of the epoch of Crusades.

Введение

Орден госпитальеров, основанный в 1099 г., один из самых могущественных в эпоху Крестовых походов, оставил богатое письменное наследие. Материал нашего исследования – сочинение XV в. «*Exordium hospitalarium*» («Истоки госпитальеров»), компилятивный труд, объединяющий свидетельства как современников Крестовых походов, так и более поздних авторов. В рамках статьи изучаются два отрывка из этого произведения. Выбор обусловлен тем, что памятники были созданы в одно время, но написаны на латинском и среднефранцузском языках. Латинский документ «*Primordium et origo Sacri Xenodochii atque ordinis militiae sancti Johannis Baptistae Hospitalarium Hierosolimitani*» («Возникновение и начало Святого странноприимного дома и ордена воинства госпитальеров Святого Иоанна Крестителя в Иерусалиме») традиционно приписывается Гийому Каурсину (Guillaume Caoursin, 1430–1501), историку и дипломату, занимавшему должность вице-канцлера и секретаря ордена госпитальеров. Гийом Каурсин жил спустя несколько веков после описываемых им событий, поэтому составил историю ордена на основе имевшихся в его распоряжении манускриптов¹. Как считает ряд исследователей [Захаров 2009, с. 47; Recueil 1895, с. 116], изучаемая книга была написана в 1493 году. Второй документ – «*Le fondement de S. hospital et de l'ordre de la chevalerie de S. Jehan baptiste de Jerusalem*» («Основание Святого госпиталя и ордена рыцарей Святого Иоанна Крестителя в Иерусалиме»), является сокращенной анонимной среднефранцузской версией латинского текста [Flori 1998], так как ордонанс от 5 августа 1493 г. предписывал перевод «*Primordium*» на различные народные языки для использования среди христианских народов. Оба сочинения привлекаются впервые в качестве материала лингвистического анализа².

Цель работы – выявить архетипические образы и изучить архетипические представления, отраженные в языковом сознании сред-

¹ Манускрипты не дошли до наших дней, и поэтому уже невозможно установить первоисточники, на которые ориентировался Г. Каурсин.

² Оба письменных памятника издавались только один раз в XIX в. [Recueil 1895]: латинский документ был опубликован на основе единственного сохранившегося манускрипта XVI в. (рукописи № 244 из библиотеки Мальты), среднефранцузский документ – на основе рукописей № 23133 и № 5645 конца XV – начала XVI вв. из Парижской национальной библиотеки.

невекового рыцарства, описать средства их вербализации в нарративных источниках по истории ордена госпитальеров.

В лингвистике и литературоведении архетип рассматривается исследователями как первообраз с общезначимой и вневременной идейной ценностью, что позволяет обращаться к архетипам сквозь века: они остаются востребованными и в современном мире [Красных 1998; Мелетинский 1994]. В то же время архетип как элемент ценностного восприятия окружающего мира формируется под влиянием канонов, присущих соответствующей эпохе.

Оба исследуемых текста были созданы в период заката рыцарства, однако Гильом Каурсин, а следовательно, и анонимный французский переводчик, ориентировались на документы своих предшественников. Это своего рода ретроспективный взгляд, обращенный на прошлое ордена: в сочинениях XV в. отразились представления рыцарей более ранних эпох. Учитывая время и обстоятельства написания, можно говорить об «архетипе рыцарской культуры» как «интенциональной модели мира, связанной с рыцарской идеологией», которая, в свою очередь, заключалась в «идее иерархического вассалитета и рыцарского этикета» [Игнатъева 2001, с. 94–95].

Рассмотрим, какими способами архетипические образы реализованы в каждом из текстов.

Архетипический образ «книга»

Гильом Каурсин вместо введения с первых строк «Primordium» ссылается на некий важный первоисточник, призванный подтвердить истинность излагаемых событий:

Xenodochium, sacramque domum et religionem militiae Hospitalariorum Sancti Joannis Baptistae Hierosolymitani, illustribus ac veris sacrarumque veterum historiarum monumentis hoc exordium sumpsisse constat [Recueil 1895, с. 431].

Известно, что странноприимный дом, святой дом и святыня воинства госпитальеров Святого Иоанна Крестителя в Иерусалиме, согласно выдающимся и истинным памятникам Священной древней истории имели такое начало¹.

Субъект повествования здесь формально не выражен: посредством безличного выражения *illustribus ac veris sacrarumque veterum*

¹ Зд. и далее перевод наш. – А. М.

historiarum monumentis (согласно выдающимся и истинным памятникам Священной древней истории) вербализована отсылка к авторитетам прошлого, имеющим ценность для адресата.

Аналогичным образом построено введение в среднефранцузской версии памятника:

Selon la verité et ancienne et saintes hystoires, l'Ospital et sainte maison et religion de la Chevalerie des Hospitaliers de Saint Jehan Baptiste de Jherusalem a prins ce commencement [Recueil 1895, с. 433].

Согласно истине и древним и святым историям у госпиталя, странноприимного (букв.: 'святого') дома и у святыни рыцарей госпиталя Святого Иоанна Крестителя в Иерусалиме было следующее начало.

В обоих отрывках использованы схожие лексические средства: *illustria ac vera monumenta* (выдающиеся и истинные памятники) / *sacra vetus historia* (святая древняя история) / *anciennes et saintes hystoires* (древние и святые истории), которые характеризуют источник знаний, но не называют его конкретно. Положительная этическая оценка выражена семантическим компонентом «книга», с коннотатом «древний» → «заслуживающий уважения». По сути, эти выражения являются лексическими стереотипами и их употребление можно объяснить архетипическими представлениями: духовная жизнь Средневековья опиралась на авторитеты и «древность» была гарантией почетности. Появление субъекта повествования «Книга» имплицитно реализует прагматическую цель произведения «сообщить читателю истину»: если из текста устранено авторское «я», рассказ приобретает большую объективность и «правдивость».

Архетипический образ «Бог»

Система европейских ценностных представлений, имеющих многовековые корни, основана на теоцентрическом миропонимании: воплощением высшего признанного человеком Блага был Бог. Восприятие Всевышнего человеком Средневековья существенно отличается от современного. Так, в латинской хронике речь идет об Иисусе Христе как о реальной личности, внесшей вклад в организацию ордена:

Quare pie arbitrare licet Hospitale ipsum corporali praesentia saepius visitasse, multaque pietatis et miraculorum opera suae divinae clementiae ostendisse [Recueil 1895, с. 431].

Поэтому благочестиво можно отметить, что Он сам (Иисус) часто посещал госпиталь, физически присутствуя, и проявил великое милосердие, показал много чудес и проявлений (букв. ‘дел’) своей божественной милости.

С одной стороны, Гильом Каурсин представил помощь Бога как чудо, с другой – как часть обыденной жизни госпитальеров, делая акцент на физическом присутствии Иисуса: *corporali praesentia Hospitale saepius visitasse* (часто посещал госпиталь, физически присутствуя).

Переводчик достаточно вольно обошелся с оригиналом, и в среднефранцузской версии события изложены более обобщенно:

Notre Sauveur Jhesu Christ par clemence a illuminé et decouré icelluy hospital de Jherusalem, lieu saint, refuge des pouvres et malades [Recueil 1895, с. 435].

Наш Спаситель Иисус Христос по милости прославил и украсил этот госпиталь в Иерусалиме, святое место, пристанище бедных и больных.

Описывая роль Бога в жизни героев, оба автора стремились подчеркнуть особую важность происходящих событий. В этом их личностная ценностная ориентация полностью совпадает со стереотипами эпохи. В авторской позиции реализован архетипический образ Творца, укорененный с древнейших времен в западноевропейском сознании. Но если в латинском тексте осязаемое присутствие Иисуса отражает наиболее архаичные черты образа Творца, непосредственно вступающего в общение с людьми, то в среднефранцузском документе можно говорить об эволюции миропонимания и более высоком уровне абстракции. На наш взгляд, выражение *Jhesu Christ a illuminé et decouré icelluy hospital* (Иисус Христос прославил и украсил этот госпиталь), употребленное при описании соучастия Бога в истории ордена, скорее понимается как метафора, нежели свидетельство о реальном присутствии Бога. Разночтения в двух версиях произведения можно объяснить, видимо, тем, что Гильом Каурсин пользовался при составлении хроники более древними рукописями, откуда он и взял дословно этот сюжет; что касается француза-переводчика, при изложении истории он находился под влиянием современных ему религиозных представлений XV в.

Архетипический образ «герой»

В текстах хроник встречается упоминание о легендарных персонажах Античности, например, об Александре Македонском. Латинский оригинал и среднефранцузский перевод при описании этого сюжета практически совпадают:

Post subactam Indiam, extincto in Babilonia Alexandro Magno, Macedonum rege, ejusque obitu vulgate, a sancta civitate Hierusalem, Machabaeorum fortissimorum quidem victoriosissimorum militum virtute, prophanae gentes pulsae sunt [Recueil 1895, с. 431].

После покорения Индии, после того как был поражен в Вавилоне Александр Великий, Македонский царь, и стало известно о его кончине, доблестью храбрейших и победоноснейших воинов Маккавеев языческие народы были изгнаны из святого города Иерусалима.

Après que Alexandre le Grand, roi de Macedonne, eust conqesté les Indes et après son trespas en Babylonne, acertenez de sa mort, les vaillans et vertueux chevaliers les Macchabées, par leur vertu, bouterent hors de Jerusalem les gentils prophanes generation [Recueil 1895, с. 434].

После того как Александр Великий, царь Македонии, завоевал Индию и после его смерти в Вавилоне, удостоверившись в его смерти, храбрые и доблестные рыцари Маккавеев, по их доблести, изгнали из Иерусалима благородные языческие семьи.

Гильом Каурсин, будучи образованным аристократом, несомненно был знаком с историей Античности, о чем свидетельствует упоминание в тексте о походе Александра на Индию и смерти Александра в Вавилоне.

В то же время Александр Македонский воспринимается не как реальный правитель эпохи Античности, а скорее как популярный в рыцарской среде эпический герой¹.

¹ Биография Александра, дополненная вымышленными эпизодами, была одним из популярнейших в Средневековье сюжетов на античную тему и нашла отражение во многих произведениях (самое знаменитое – анонимный старофранцузский «Роман об Александре» XII в., а также более поздние поэмы-переложения различных средневековых поэтов: Александра де Берне, Ги де Камбрэ, Альберика де Безансон и др.). Многочисленность версий поэмы показывает, что она была одной из любимейших книг средневекового читателя, с сюжетом которой без сомнения был знаком Гильом Каурсин.

Среди выдающихся исторических лиц в тексте указан правитель Иудеи Иоанн Гиркан:

Devotissimus propheta et generosus athleta, Joannes Hircanus, xenodochium instituit [Recueil 1895, с. 431].

Благочестивейший пророк и щедрый воин (букв. 'атлет') Иоанн Гиркан установил странноприимный дом.

Très devout Jehan Hircanus prophète et genereux chevalier du peuple d'Israël, institua ung hospital, qu'on appelloit xenodoche [Recueil 1895, с. 434].

Очень благочестивый Иоанн Гиркан, пророк и щедрый рыцарь из народа Израиля, учредил госпиталь, который называли странноприимным домом.

Иудейский правитель Иоанн Гиркан в латинском тексте охарактеризован лексемой *athleta* (*атлет*), имеющей значение «воин»¹, в среднефранцузском – лексемой *chevalier* (*рыцарь*); в обоих фрагментах по отношению к Иоанну употреблен эпитет *generosus* / *genereux* (*щедрый*), а также выражение *devotissimus propheta* / *très devout prophète* (*благочестивейший пророк*), имеющее положительную этическую оценку. Иоанн Гиркан фигурирует во многих документах, касающихся ордена госпитальеров [Настенко 2005, с. 25]. Его образ как доблестного и праведного правителя сложился благодаря преданиям, услышанным западноевропейскими крестоносными авторами во время первых Крестовых походов на Иерусалим, когда они впервые соприкоснулись с миром Востока [Горелов 2006, с. 24]. Как можно видеть из анализа примеров, по отношению к царю Иудеи II в. до н. э. применяется система ценностей Средневековья.

Видение истории Гильомом Каурсином и анонимным французским автором необычно: Александр (IV в. до н. э.) оказался связан с ветхозаветными Маккавеями (II в. до н. э.), смерть Александра была причиной изгнания язычников из Иерусалима, а Иоанн Гиркан (II в. до н. э.) основал странноприимный дом (в действительности основанный в XI в.). Но то, что шокирует читателя современного, было привычным для читателя XV в.

¹Привычное «борец, участник состязаний» в данном контексте неприменимо.

По отношению к категории времени, которая отличалась от современной, проявляются архетипические представления человека Средневековья: исторические персонажи и события, разделенные столетиями, стали частью единого сюжета. Например, на картинах средневековых живописцев нередко «последовательные действия изображаются симультанно, пространство заменено плоскостью» [Гуревич 1984, с. 120]. Сюжет с соединенными вместе лицами из разных эпох можно рассматривать как берущий свое начало в древних устных сказаниях архетипический сюжет, запечатленный в сознании автора и адресата, «способный отключать критическое восприятие и убеждения» [Карасик 2004, с. 43].

Помимо персонажей древних легенд, Гильом Каурсин в своей хронике описывает предшественников-руководителей ордена и своих старших современников. Особая роль в рассказе отведена Герарду де Торну, основавшему орден в 1080 г. [Настенко 2005, с. 31] и вошедшему в историю как фратр Жерар Блаженный. История Герарда, изложенная Каурсином, представляет собой не его биографическое описание, а оценочную характеристику:

Divinoque Spiritu impulsus, vir quidam, peregrinus devotissimus, cui nomen Giraldus fuit, virtute celebris, Deum timens, de animae quoque salute sollicitus observationem piissimam Judae Machabaei et devotissimi Joannis Hircani, propugnatorum clarissimorum, suscitando, renovando, instar illius prisca Hospitalis, novum xenodochium, condere et erigere decernit [Recueil 1895, с. 431].

Вдохновленный Святым Духом, некий муж, благочестивейший паломник, имя которому было Гиральд, известный своей доблестью, боящийся Бога, беспокоящийся также о спасении души, возобновляя и возрождая набожнейшее почитание Иуды Маккавея и благочестивейшего Иоанна Гиркана, известнейших защитников, решил основать и воздвигнуть новый гостеприимный дом наподобие того прежнего госпиталя.

Для сравнения рассмотрим тот же отрывок на среднефранцузском языке:

Induit du Saint Esprit ung homme de sainte et vertueuse vie, nommé Gerard, très devot pelerin, creignant Dieu et desirant le salut de son ame, delibera faire et edifier ung nouveau hospital, a exemple du premier xenodoche, et renouant par imitation la sainte observation des très vaillans chevaliers Judas Machabeus et Jehan Hircanus, tres nobles combatteurs [Recueil 1895, с. 435].

Побуждаемый Святым Духом, человек святой и добродетельной жизни, названный Герард, очень набожный паломник, боящийся Бога и желающий спасения своей души, постановил создать и воздвигнуть новый госпиталь, по образцу первого странноприимного дома, возобновив святое покровительство по образцу очень доблестных рыцарей Иуды Маккавея и Иоанна Гиркана, очень знатных воинов.

В обоих тестах Герард получает исключительно положительную этическую оценку схожими оценочными средствами – описывается его религиозность: *peregrinus devotissimus / très devout pelerin* (благочестивейший паломник), *Deum timens, de animae quoque salute sollicitus / creignant Dieu et desirant le salut de son ame* (боящийся Бога, беспокоящийся о спасении души). В среднефранцузском тексте автор добавляет от себя *ung homme de sainte et vertueuse vie* (человек святой и добродетельной жизни), что служит интенсификатором положительной оценки. В латинском оригинале, с другой стороны, оцениваются и воинские добродетели Герарда: *virtute celebris* (известный своей доблестью), что отсутствует в переводе.

В приведенных отрывках внимание читателя акцентируется на Иуде Маккавее и Иоанне Гиркане. Они предстают как объект почитания, наравне со святыми, со стороны Герарда: *suscitando, renovando observationem piissimam Judae Machabaei et devotissimi Joannis Hircani propugnatorum clarissimorum* (возобновляя и возрождая набожнейшее почитание Иуды Маккавея и благочестивейшего Иоанна Гиркана, известнейших защитников) / *renouant par imitation la sainte observation des très vaillans chevaliers Judas Machabeus et Jehan Hircanus, tres nobles combateurs* (возобновив святое покровительство по образцу очень доблестных рыцарей Иуды Маккавея и Иоанна Гиркана, очень знатных воинов). Положительно оценивается стремление возродить орден *instar / par imitation*, т. е. в точном соответствии с ранее установленными нормами. Для усиления положительной оценки указано, что Герард действовал не по собственной воле, но по велению Всевышнего: *Divinoque Spiritu impulsus / Induit du Saint Esprit* (побуждаемый Святым Духом). Так подчеркивается верность Герарда традициям, преклонение перед легендарным прошлым, что совпадает с архетипическими представлениями Средневековья: неизменность, стабильность считались признаком божественности, где временное противопоставлялось вечному [Челышева 1996, с. 136].

Интересно отметить, что положительная оценка вербализована по отношению к легендарным личностям и историческим персонажам следующими практически идентичными языковыми средствами:

- эпитеты и оценочные существительные, описывающие воинские добродетели:

fortissimus, victoriosissimus, vaillans, virtueux, virtus/ vertu, generosus athleta, genereux chavalier;

- лексемы, характеризующие набожность персонажа:

devotissimus / devot, propheta / prophète, peregrinus / pelerin, Deum timens / creignant Dieu, de animae quoque salute sollicitus / desirant le salut de son ame.

Заключение

Как можно видеть из рассмотренных примеров, оценочные лексемы в латинском и среднефранцузском текстах практически совпадают. Этот факт объясняется тем, что средневековый текст, «не должен быть оригинальным и неожиданным» [Челышева 1996, с. 128]: в европейской литературе к XV в. у авторов сложилась своя «матрица видения положительного героя», а также арсенал средств выражения для описания персонажа.

Повторяющееся употребление схожих оценочных средств создает образ-архетип идеального героя: это набожный человек, отважный рыцарь-воин, верный канонам прошлого и почитающий святыни.

Применительно к данному письменному памятнику, можно говорить об актуализации «орденского спиритуалитета» (особого «кодекса чести» госпитальеров, заключающегося в концепции «служения господам бедным», особой символике, «собирательном уставе» ордена), который определил роль госпитальеров на Святой Земле и их особое место в истории Крестовых походов.

Если же рассматривать эти произведения через призму стереотипов эпохи в целом, следует отметить, что такой набор положительных качеств представляет собой реализацию в образе конкретных героев «базового кода культуры, в котором фиксируются представления о мироздании» [Красных 1998], свойственные Средневековью.

Таким образом, хотя оба исследуемых текста, взятые из «*Echordium hospitalariorum*», представляют собой авторские произведения,

оценочные суждения в них – продукт не только индивидуального авторского восприятия мира. Это система архетипических образов, сформировавшаяся через призму коллективного опыта, наследия предыдущих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Горелов Н. С.* Царствие небесное: легенды крестоносцев XII–XIV веков. СПб. : Азбука-классика, 2006. 448с.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М. : Искусство, 1984. 350 с.
- Захаров В. А., Чибисов В. Н.* Орден госпитальеров. СПб. : Алетейя, 2009. 461 с.
- Игнатьева Т. Г.* Типология старофранцузского текста. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2001. 201 с.
- Карасик В. С.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис, 2004. 390 с.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Мелетинский Е. М.* О литературных архетипах. М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. 136 с.
- Настенко И. А., Яшнев Ю. В.* История Мальтийского ордена : в 2 кн. Кн. I. Из глубины веков: госпитальеры в Святой Земле, на Кипре, Родосе и Мальте. XI–XVIII вв. М. : Русская панорама, 2005. 416 с.
- Чельшева И. И.* Выражение ценностной ориентации в средневековом тексте // Функциональная семантика. Оценка, экспрессивность, модальность. In *memoriam* Е. М. Вольф. М. : Изд. РАН, 1996. С. 126–137.
- Flori J.* Chevalier et Chevalerie au Moyen Âge. Paris : Hachette, 1998. 272 p.
- Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome cinquième. Paris : Imprimerie royale, MDCCCXCV. 1090 p.

REFERENCES

- Gorelov N. S.* Carstvie nebesnoe: legendy krestonoscev XII–XIV vekov. SPb. : Azbuka-klassika, 2006. 448 s.
- Gurevich A. Ja.* Kategorii srednevekovoj kul'tury. M. : Iskusstvo, 1984. 350 s.
- Zaharov V. A., Chibisov V. N.* Orden gospital'eroev. SPb. : Aletejja, 2009. 461 s.
- Ignat'eva T. G.* Tipologija starofrancuzskogo teksta. Krasnojarsk : Krasnojars. gos. un-t, 2001. 201 s.
- Karasik V. S.* Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M. : Gnozis, 2004. 390 s.
- Krasnyh V. V.* Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'? Chelovek. Soznanie. Kommunikacija. M. : Dialog-MGU, 1998. 352 s.

- Meletinskij E. M.* O literaturnyh arhetipah. M. : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 1994. 136 s.
- Nastenko I. A., Jashnev Ju. V.* Istorija Mal'tijskogo ordena : v 2 kn. Kn. I. Iz glubiny vekov: gospital'ery v Svjatoj Zemle, na Kipre, Rodose i Mal'te. XI–XVIII vv. M. : Russkaja panorama, 2005. 416 s.
- Chelysheva I. I.* Vyrazhenie cennostnoj orientacii v srednevekovom tekste // Funkcional'naja semantika. Ocenka, jekspressivnost', modal'nost'. In memoriam E. M. Vol'f. M. : Izd. RAN, 1996. S. 126–137.
- Flori J.* Chevalier et Chevalerie au Moyen Âge. Paris : Hachette, 1998. 272 p.
- Recueil des historiens des croisades, publié par les soins de l'Académie royale des inscriptions et belles-lettres. Historiens occidentaux. Tome cinquième. Paris : Imprimerie royale, MDCCCXCV. 1090 p.

УДК 811

Т. С. Мозоль

кандидат педагогических наук;

доцент каф. восточных языков переводческого факультета МГЛУ;

e-mail: yoondanhee@gmail.com

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПАРЕМИЯХ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье анализируются гендерные стереотипы в поговорках корейского языка. Корейские поговорки отражают ценности патриархального андроцентричного общества. В корейских поговорках женщины, как правило, изображаются с негативной стороны, а мужчины – с положительной: женщины обладают дурным характером, слабы, невежественны, главное их достоинство – молодость и красота, с другой стороны, мужчины – способные, смелые, предусмотрительные и т. п.

Ключевые слова: гендер; гендерный стереотип; поговорки корейского языка; корейский язык.

T. S. Mozol

Ph.D. in Education, Associate professor, Department of Oriental languages,

The Faculty of Translation and Interpreting, MSLU;

e-mail: yoondanhee@gmail.com

GENDER STEREOTYPES IN KOREAN PROVERBS AND SAYINGS

The aim of the present study is to analyze the ways in which gender stereotypes are expressed in Korean proverbs and sayings. This study argues that Korean proverbs encode and articulate patriarchal values. Gender inequality is evident in the stereotypical depiction of women, who are described as ill-tempered, weak and dependent on men, and who are valued for their physical charm and age. For men, on the other hand, values are placed on their talents and bravery.

Key words: gender; gender stereotypes; Korean proverbs; Korean language.

Введение

Понятия «феминность» и «маскулинность» не являются феноменом неизменной природной данности, а представляет собой «динамический продукт развития человеческого общества, поддающийся социальному манипулированию и моделированию» [Кириллина 2000, с. 7].

Паремиология, сочетающая в себя черты фразеологии и фольклора, представляет собой важный источник анализа исторически сложившихся стереотипов, в том числе гендерных. Корейское общество

традиционно отличали черты патриархальности: в соответствии с конфуцианскими ценностями мужчине отводилась главенствующая роль, а женщине – подчиненная. Эти прочно укоренившиеся в подсознании корейцев культурные стереотипы продолжают существовать и в наши дни¹ [이혜영 2009, с. 212]². В статье анализируются паремии корейского языка с гендерной спецификой. Методом сплошной выборки были отобраны и классифицированы 140 паремий о женщинах и 27 паремий о мужчинах из следующих словарей: «Словарь пословиц о женщинах» (여성속담사전, 1995), «Словарь пословиц» (속담사전, 2014), «Словарь корейских пословиц» (한국속담사전, 2001), «Словарь наших пословиц» (우리속담사전, 2003), «Большой словарь стандартного корейского языка» Национального института корейского языка (국립국어원 표준국어대사전).

Гендерные стереотипы о женщинах

1. *Женщина – источник эстетического наслаждения и удовольствия.* Женщина должна обладать молодостью и красотой, чтобы получить признание и одобрение. В паремиях отражается потребительское отношение к женщине:

여자는 첫째가 인물이고, 둘째가 마음씨고, 셋째가 건강이다

Самое главное в женщине, во-первых, внешность; во-вторых, душа; в-третьих, здоровье.

여자는 얼굴이 밑천이다

Лицо – это капитал для женщины.

쌀밥과 여자는 흰수록 좋다

Рис и женщина – чем белее, тем лучше.

여자는 젊은 것이 재산

Молодость – это имущество женщины.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Т. М.

² В 2015 г. Министерство гендерного равенства и семьи в преддверии вступления в силу Основного закона о гендерном равенстве проводило опрос, в котором участникам предлагалось подумать о существующих гендерных асимметриях и стереотипах, а также предложить способы борьбы с ними. Больше половины (57,8%) предложенных участников было связано с искоренением пословиц и терминов, связанных с гендерными асимметриями.

여자는 이십이 꽃이고, 남자는 삼십이 꽃이다
Женщина расцветает в двадцать лет, мужчина – в тридцать.

정월 지난 무에 삼십 넘은 계집
Женщина за тридцать, что прошлогодняя редька.

호박꽃도 꽃이나
Некрасивая женщина не женщина
(букв. ‘Разве цветы тыквы – это цветы’).

꽃이 고와야 나비 날아든다
На красивый цветок и бабочка летит.

고운 꽃이 먼저 꺾인다
Красивый цветок срывают первым.

여자는 익은 음식 같다
Женщина похожа на приготовленную пищу.

여자와 군밤은 곁에 있으면 먹게 된다
Женщина и печеный каштан, если оказываются под рукой, попадают в рот.

계집과 음식은 훔쳐먹는 것이 별미이다
Женщину и еду лучше всего есть тайком.

여자와 돛자리를 새 것이 좋다
Лучше, чтобы женщина и циновка были новыми.

В то же время красота женщины не всегда оценивается положительно, она приносит несчастья самой женщине и опасна для мужчин:

물에 빠진 사람은 건져도 여자에게 빠진 사람은 못 건진다
Тонущего можно спасти, а влюбленного в женщину не спасешь.

여자에게 빠진 사람은 구하기 어렵다
Трудно спасти влюбленного в женщину.

향기가 있는 꽃은 가시 돋친 나무에 핀다
Душистые цветы распускаются на деревьях с шипами.

미인은 팔자가 세다
У красавиц нелегкая судьба.

여자는 예쁘면 얼굴값을 한다
Красивая женщина платит за свое лицо.

2. *Женщина подчиняется мужчине.* В паремиях транслируется идея превосходства мужчин, согласно которой женщины должны быть мягкими, послушными и верными:

계집 웃음이 담장 넘어가면 안 된다
Смеха женщины не должно быть слышно за оградой.

여자 소리 울 밖에 나가면 집구석이 망한다
Если голос женщины будет слышен за оградой – беда дому.

여자 딱딱한 것과 두부 딱딱한 것은 쓸모가 없다
Жесткая женщина и соевый творог никуда не годятся.

아내로서 보물은 유순이다
Главное украшение женщины – ее кротость.

아내는 남편 손에 달렸다
Жена зависит от мужчины.

아내는 남편 손에 붙은 밥풀이다
Жена – это рис, прилипший к рукам мужа.

아내는 남편이 하자고 하는 대로 하면 된다
Жена должна слушать мужа.

여자 팔자는 남자 손끝에 달렸다/남자 만나기에 달렸다 /
여자 팔자는 시집을 가봐야 안다
Судьба женщины – в руках мужчины / зависит от того, какого мужчину она встретит / решается после замужества.

여자와 집은 임자 만날 탓이다/가꾸기 탓이다
Судьба женщины и дома зависят от хозяина / от того, кто будет за ними смотреть.

여자하고 개는 길들이기에 달려 있다
Как приучишь женщину и собаку, так они и будут себя вести.

여자는 남편 사랑 먹고 산다
Женщина живет любовью мужа.

여자 팔자는 뒤옹박 / 두레박 팔자다

Судьба женщины зависит от мужа (букв. ‘судьба женщины – судьба тыквенного черпака / колодезной бадьи’).

여자는 남편 하나 믿고 시집간다

Женщина доверяется мужу и выходит замуж.

암탉이 울면 집안이 망한다

Если курица закукарекает – беда в доме.

암탉이 울어 날 샌 일 없다

Рассвет не приходит, если курица кукарекает.

남자는 하늘이고 여자는 땅이다

Мужчина – небо, женщина – земля.

바늘 가는 데 실 간다

Нитка следует за иглой.

여필종부 / 아내는 남편을 따라야 한다

Жена должна слушаться мужа.

집안이 망하려면 맘머느리 수염이 난다

Невестка с усами – беда дому.

죽어도 시집 울타리 밑에서 죽어라

Женщина умирает под забором дома мужа.

여자와 바가지는 내돌리면 깨진다 / 그릇과 여자는 돌리면 깨진다

Женщину и ковш / тарелку, если пустить по рукам – треснет.

Таким образом, женщина находится в подчинении у мужа и принадлежит ему, что, в свою очередь, оправдывает насилие над женщиной:

명태와 여자는 두드려야 부드러워진다

Минтай и женщину нужно бить, чтобы были мягкими.

여자는 사흘을 안 때리면 여우가 된다

Если не бить женщину три дня, она становится лисой.

여자는 사흘만 안 맞으면 불여시가 된다

Если не бить женщину три дня, она становится рыжей лисой.

여자는 사흘에 한 번은 맞아야 사람이 된다
Женщину нужно бить раз в три дня, чтобы была человеком.

여자는 하루에 세 차례 안 맞으면 엉덩이에 꼬리가 난다
Если не бить женщину три раза в день, у нее вырастает хвост.

여자와 개는 맞아야 길이 든다
Собаку и женщину нужно бить, чтобы приручить.

계집 고집 센 것은 도리깨 작대기로 고쳐야 한다
Упрямую женщину нужно воспитывать палкой от молотилки.

북어와 계집은 사흘에 한 번씩 패야 한다
Сушеный минтай и женщину нужно бить раз в 3 дня.

여자는 고집이 센 것은 몽둥이 약이다
Упрямую женщину вылечит палка.

3. *Женщина – хранительница очага и помощница мужа.* Существует немного пословиц, представляющих женщин с положительной точки зрения в роли помощницы и опоры для мужа:

여편네 활수하면 벌어들여도 시루에 물 붓기
Если женщина расточительна, то зарабатывать деньги, что лить воду в горшок для варки на пару.

여자가 살림을 못 하면 남자 등골이 빠진다
Если женщина не умеет вести хозяйство, мужчине приходится тяжело.

집안 화목은 여자가 하고, 외부 화목은 남자가 한다
Согласие в доме – заслуга женщины, мир за пределами дома – заслуга мужчины.

남편은 두레박, 아내는 항아리
Муж зарабатывает, жена сохраняет
(букв. ‘Муж колодезная бадья, жена – кувшин’).

아내가 앓으면 살림이 망하고, 남편이 앓으면 집안이 망한다
Если жена болеет – некому вести хозяйство, если муж болеет – беда во всем доме.

어진 아내를 가진 남자는 근심할 일이 안 생긴다 / 남편에게 걱정이 없는 것은 아내가 어질기 때문이다
Если у мужчины добрая жена – ему не о чем беспокоиться.

어진 아내는 남편을 귀하게 만들고, 악한 아내는 남편을 천하게 만든다

Добрая жена делает мужа аристократом, а злая – простолюдином.

남자 없는 여자는 살아도, 여자 없는 남자는 못 산다

Женщина может прожить без мужчины, а мужчина без женщины – нет.

오복 중에 처복이 제일이다

Среди пяти благ, самое большое – хорошая жена.

이 복 저 복 해도 처복이 제일이다

Среди разных благ, главное – хорошая жена.

이 집 저 집 좋다 해도 내 계집이 제일 좋다

Своя жена лучше всех жен.

발이 편하려면 버선을 크게 짓고, 집안이 편하려면 계집을 하나 뉘라

Для удобства ног нужны носки побольше, а для уюта в доме – женщина.

보기 싫은 처도 빈 방보다 낫다

Нелюбимая жена лучше пустой комнаты.

효자가 불여악처라/ 열 자식이 한 처만 못하다

Жена важнее детей. / Одна жена лучше десяти детей.

가유현처면 장부는 부조형사

Если в доме хорошая жена, мужчина не совершает плохих поступков.

4. *Женщина – некомпетентная и невежественная.* Женские умственные способности и способность зарабатывать деньги получают низкую оценку:

여자는 서 발 앞도 못본다

Женщина не видит дальше своего носа.

남자 버는 것은 황소걸음이고, 여자가 버는 것은 거북 걸음이다

Мужчина зарабатывает деньги шагами быка, а женщина шагами черепахи.

여자 벌이는 쥐벌이다

Женский заработок, как у мыши.

여자 공부해서 도원수 된 데 없다

Сколько бы женщина ни училась, полководцем ей не стать.

여자가 너무 알아도 팔자가 세다

Если женщина много знает, у нее тяжелая судьба.

여자의 식견은 남자의 의견 못 하다

Женская премудрость не сравнится с мужским мнением.

여자는 제 고을 장날을 몰라야 팔자가 좋다

Если женщина ничего не знает (букв. 'не знает даже дня ярмарки в своем уезде'), то у нее хорошая судьба.

여자(아내)의 말은 잘 들어도 패가하고, 안 들어도 망신한다

Послушаешь женщину /жену – обнищаешь, не послушаешь – разоришься.

여편네 말 잘 들으면 오뉴월에 팥밥 먹는다

Послушаешь женщину – будешь есть фасолевую кашу в мае и июне.

여자가 바깥일에 나서면 될 일도 안 된다

Если женщина будет вмешиваться в дела, не относящиеся к домашнему хозяйству, то всё пойдет насмарку.

5. *Женщина – источник бед и неприятностей.* В паремиях женщины при разных обстоятельствах приносят несчастья.

아침에 여자와 말다툼하면 재수가 없다

Если с утра поругаешься с женщиной, не будет везения.

여자가 남자의 신을 밟으면 재수가 없다

Если женщина наступит на мужскую обувь, не будет везения.

여자가 남자 앞을 가로질러 가면 재수가 없다

Если женщина перейдет дорогу мужчине, не будет везения.

여자 입에 오르내리면 남자는 못 크다

Если мужчина станет предметом женских пересуд, он не сделает карьеры.

여자 안 낀 살인 없다

Нет убийства, где не была бы замешана женщина.

가게 첫 손님이 여자면 재수 없다

Если первый клиент в магазине женщина, не будет удачи.

여자가 아침 일찍 찾아 오면 재수가 없다
Если рано утром в дом придет женщина, не повезет.

여자가 머리 위로 지나가면 재수 없다
Если женщина переступит через голову, не повезет.

홍정끝에 여자가 들면 될 일도 안 된다
Если в конце торга появится женщина, ничего не выйдет.

칠석날 여자가 밭에 가면 곡식이 덜 익는다
Если 7 июля по лунному календарю женщина пойдет в поле, злаки не дозреют.

여자가 남자 넘어 다니면 키가 안 크다
Если женщина переступит через мужчину, он не будет расти.

꿈에 여자를 보면 재수가 없다
Если увидишь во сне женщину, не повезет.

참외 밭에 여자가 들어가면 참외가 곧다
Если женщина зайдет на поле с дынями, дыни пропадут.

아내 잘 못 만나면 백년 원수 / 아내를 잘못 얻은 건 평생 원수
Плохая жена – враг на век/ на всю жизнь.

물과 불과 악처는 삼대 재액
Есть три беды – вода, огонь и женщины.

여자가 잔소리 많으면 집안이 망한다
Из-за женской ворчливости рушится семья.

간사한 아내는 온 가족의 화목을 깨뜨린다
Хитрая жена разрушает мир в семье.

계집이 꼬리 흔들고 다니면 집구석이 망한다
Распущенная (букв. ‘трясущая хвостом’) женщина разрушает семью.

장작불과 계집은 쭈석거리면 탈난다
Если дергать огонь и женщину, быть беде.

여자가 울면 3년 간 재수가 없다
Если женщина заплачет, 3 года не будет удачи.

6. *Женский характер.* Как правило, женский характер в корейских пословицах описывается с негативной стороны: женщины ревнивы, непостоянны, болтливы, злобны.

- **Ревность:**

여자는 질투 빼면 두 근도 안 된다

Если отнять у женщины ее ревность, то от нее останется не больше килограмма.

여자는 남편 옆에 암고양이만 있어도 질투한다

Женщина ревнует, даже если рядом с мужем кошка.

투기 없는 여자 없고, 먹지 않는 종 없다

Нет женщины, которая не ревнует, нет слуги, который не ест.

질투가 많은 여자는 오래 살지 못한다

Ревнивая женщина долго не живет.

여자는 질투심과 허영심을 빼면 두 근도 안 된다

Если от женщины отнять ревность и тщеславие, от нее не останется и килограмма.

- **Непостоянство:**

가을 날씨와 계집의 마음은 못 믿는다

Осенней погоде и женскому сердцу нельзя верить.

가재와 여자는 가는 방향을 모른다

Рак и женщина не понимают, куда идут.

여자는 문턱을 넘으면서도 열 두 가지 생각을 한다

Женщина, пока переступает через порог, успевает подумать о 12 разных вещах.

여자의 속은 한 품에 든 남편도 모른다

Душу женщины не понимает даже муж, которого она обнимает.

겨울 날씨와 여자의 마음은 못 믿는다

Зимней погоде и женскому сердцу нельзя верить.

여자 마음은 하루 열 두 번 변한다

Сердце женщины меняется 12 раз на дню.

여자는 하루 아침에도 열 두 번 마음이 변한다

Настроение женщины меняется по 12 раз за утро.

천 길 물 속은 알아도 계집의 마음속은 모른다

Даже зная водные глубины, не возможно узнать сердца женщины.

남편 죽었다고 슬피 울던 년이 시집은 먼저 간다
Горько плакавшая на похоронах мужа первая выходит замуж снова.

뱀 굴과 여자의 속은 모른다
Не понять, что в змеиной норе и у женщины в душе.

겉 다르고 속 다른 게 계집이다
Внешность женщины обманчива.

- Болтливость, многословие:

계집 말 많은 것은 하늘도 안다
Даже небо знает о болтливости женщин.

계집의 입 막기는 냇물 막기보다 어렵다
Заставить женщину умолкнуть труднее, чем преградить ручей.

여자는 긴 혀가 있다
У женщин длинный язык.

여자가 남달리 말이 많으면 집안이 망한다
Слишком болтливая женщина разрушает семью.

여자가 말이 많으면 과부 된다
Болтливая женщина становится вдовой.

여자의 예절은 말이 적어야 한다
Вежливость женщины – ее немногословность.

여자 셋이 모이면 사발도 말을 한다/ 접시에 구멍을 뚫는다
Если собирается трое женщин, то и тарелки говорят / в тарелке появляется дыра.

여자가 셋이면 나무접시가 드논다
Если женщины собираются втроем, то даже деревянные тарелки качаются.

여자가 열이 모이면 쇠도 녹인다
Если собирается 10 женщин, то железо плавится.

여자가 말이 많으면 장맛이 쓰다
Если женщина болтлива, то соусы соленые.

여자는 혀가 길고 남자는 손이 길다
У женщины длинный язык, а у мужчины – длинные руки.

계집 주둥이는 사기접시를 뒤집어놓는다
Женский рот переворачивает фарфоровые тарелки.

계집 입 짠 것
Женщина болтлива.

- Мелочность и злость:

여자 속은 밴댕이 속이다
Женщины мелочные (букв. ‘Душа женщины – душа сардинеллы’).

여자가 한을 품으면 여름에도 서리가 내린다 / 계집의 곡한 마음
오뉴월에 서리 친다
Если женщина затаит злость, то и летом иней выпадет.

여자 악담은 무쇠도 녹인다
От женского злословья и чугуна плавится.

여자는 요물이다
Женщины коварны.

계집이 늙으면 여우가 된다
Женщина к старости становится лисой.

여자의 속은 뱀 창자다
Женская душа – змеиные кишки.

Корейские паремии, репрезентующие стереотипную картину мира, передают обобщенный образ женщины преимущественно с отрицательной стороны. Положительно оцениваются красота и роль женщины как хранительницы домашнего очага, отрицательно – женский характер и интеллект (к прототипическим чертам женщины относят болтливость, непостоянство, ревнивость, мелочность, злость, невежество), а также женская красота, таящая в себе опасность. В корейских паремиях представлен андроцентричный взгляд на гендерные отношения: женщины и их деятельность представляются с точки зрения их места в жизни мужчин. Женщины представляют собой зависимый объект, практически лишенный агентивности. Неслучайно, женщины уподобляются предметам домашнего обихода, еде и домашним животным. В рассмотренных пословицах были представлены следующие способы метафоризации образа женщины:

1) реификация – женщина часто воспринимается не как самостоятельный человек, а как неодушевленный предмет, вещь, у которой есть свой хозяин – дом, тарелка, тыквенный черпак, колодезная бадья, ковш, кувшин, циновка. Кроме того, в пословицах, где женщина уподобляется тарелке и ковшу, транслируется мысль о том, что женщина должна находиться в семье, а все ее контакты с внешним миром должны быть сведены к минимуму. Судьба женщины, как и вещи, зависит от того, кто ее хозяин, что также подчеркивает ее зависимость и несамостоятельность;

2) зоометафора – женщина уподобляется животным: собаке, курице, лисе, змее, мыши и черепахе. У женщины есть хвост, что подчеркивает ее принадлежность к животному миру. Часто в корейской пословицах женщина представляется в образе домашнего животного, которое нужно приручать;

3) фитометафора – в корейских паремиях женщина часто уподобляется цветку, не из-за своей красоты, а как объект обладания, который можно сорвать и присвоить. Некрасивые женщины уподобляются тыкке и редьке;

4) пищевая метафора – женщина уподобляется еде, что подчеркивает ее роль в качестве источника удовольствия. Женщина уподобляется рису, налипшему на руки мужа, что указывает на ее зависимость. Кроме того, женщина уподобляется печеному каштану и сушеному ментау, которые едят для перекуса, что подчеркивает роль женщины как объекта развлечения, средства от скуки;

5) физическая метафора – женщины уподобляются воде, что подчеркивает их опасность, а плохую жену вместе с водой и огнем относят к трем бедствиям.

Гендерные стереотипы о мужчинах

Корейских паремий, посвященных мужчинам, значительно меньше, чем паремий о женщинах (в данной работе паремии о мужчинах составляют 16%). В андропоцентричном обществе, где представлен мужской взгляд на мир, тема женщины представляет больший источник внимания. В соответствии с идеями о мужском превосходстве женщина представляется зависимой от мужчины, а значит, в паремиях ей адресовано много поучений. В паремиях мужчина, в отличие от женщины, предстает с положительной стороны.

1. *Мужчина – хозяин своего слова.* Мужчина должен быть верен своему слову:

장부일언이(장부일락이 / 남아일언) 증천금이라/남자의 말 한마디는 천금보다 무겁다

Слово мужчины тяжелее тысячи золотых.

장부가 칼을 빼었다(뽑았다) 도로 꽃나

Мужчина не отказывается от своего решения (*букв.* ‘Разве мужчина возвращает меч в ножны, если уже достал его’).

남자의 말은 천년이 가도 변하지 않는다

Слово мужчины не меняется тысячу лет.

2. *Мужчина – глава семьи.* Мужчина должен быть кормильцем и главой семьи, при этом он не должен заниматься работой по дому:

수탉이 울어야 날이 샌다

Чтобы рассвело, должен пропеть петух.

집안은 가장이 맡는다

Дом держится на главе семьи.

하늘같은 가장이자

Глава семьи подобен небу.

처가살이가 굶는 내 집만 못하다

Лучше мужчине голодать в собственном доме, чем жить в доме тещи и тестя.

처가 채물 양가 채물은 쓸데 없다

Мужчина всё должен заработать сам (*букв.* ‘Имущество семьи жены и родителей бесполезно’).

쥐 안 잡는 고양이는 뒤두어도 일 안 하는 사내 뒤서 뭐하나

Можно держать кошку, которая не ловит мышей, а для чего нужен мужчина, который не работает.

사내는 돈을 잘 써야 하고 여편네는 물을 잘 써야 한다¹ / 남편은 두레박 아내는 항아리

Мужчина должен зарабатывать, а женщина вести хозяйство.

¹Северокорейская пословица.

남자가 여자에게 놀려 지내면 집안이 망한다

Если муж будет жить в подчинении у жены, семья разрушится.

사내가 바가지로 물을 마시면 수염이 안 난다

Если мужчина будет пить воду из ковша, у него не вырастут усы.

밥주걱은 밥주걱 구실을 하고 삽은 삽 구실을 한다

Лопатка для риса и лопата должны использоваться по назначению.

남자는 부엌 출입이 잦으면 고추가 떨어진다

Если мужчина будет часто ходить на кухню, то перестанет быть мужчиной.

여자는 바깥일에 말하지 말고, 남자는 안일에 말하지 말랬다

Женщина не должна вмешиваться в дела мужа, а мужчина в домашние дела.

3. *Мужчина предусмотрителен.* В паремиях подчеркивается роль превосходства мужчин, а значит, для них важно быть предусмотрительными и готовыми к любым трудностям:

사내자식 길 나설 때 갓모 하나 거짓말 하나는 가지고 나서야 한다/
사나이가 우비하고 거짓말은 가지고 다녀야 한다

Отправляясь в путь, мужчина должен взять с собой чехол на шляпу от дождя (одежду от дождя) и ложь.

사내는 변소길을 가도 돈 열 냇은 넣고 간다

Даже отправляясь в туалет, мужчина должен захватить с собой деньги.¹

4. *Мужчине нужна жена.* Мужчина не может жить один, особенно в старости:

남자 팔자는 여자에게 달렸다

Судьба мужчины зависит от женщины.

마누라가 예쁘면 처가집 말뚝 보고도 절한다

Если жена красивая, то кланяешься даже трубе дома тещи и тестя.

사내는 죽을 때 계집과 돈을 머리맡에 놓고 죽어라

Когда мужчина умирает, у него в изголовье должны быть женщина и деньги.

¹Северокорейская пословица.

5. *Мужчина – достойный и знающий.* В отличие от женщин мужчины много знают и умеют:

남자 셋이 모이면 없는 게 없다

Трое мужчин, собравшись вместе, смогут всё.

사내는 도둑질 빼고 다 배워라

Мужчине нужно учиться всему, кроме воровства.

사내가 어디 가나 옹술하고 계집은 있다

Для мужчины всегда найдется еда и женщина.

사내는 대로행이다

Мужчина живет достойно (букв. ‘Идет по большой дороге’).

6. *Мужчина должен быть отважным:*

남자가 죽어도 전장에 가서 죽어라

Мужчина должен умереть на поле боя.

Образ корейского мужчины предстает с положительной стороны. Мужчина – это, как правило, независимый субъект. В паремиях о мужчинах было обнаружено две метафоры: мужчина уподоблялся небу и петуху, приносящему рассвет, что подчеркивает его роль как деятельностного субъекта. Вместе с тем в паремиях говорится о зависимости мужчин от женщин, особенно в пожилом возрасте, однако мужчина при этом не изображается, в отличие от женщины, в виде предмета или животного.

Заключение

Корейским паремиям свойственная высокая степень андроцентричности, в них, как правило, транслируется идея превосходства мужчин над женщинами. Гендерные ассиметрии, передаваемые в паремиях, продолжают существовать в корейском языке. Согласно исследованию Мин Хёнсика (2001) в современном языке используется большое количество выражений, отражающих гендерные ассиметрии, которые созвучны идеям из паремий о женщинах (зависимость от мужа, ведение домашнего хозяйства, идеи бесполезности женщин и насилия над ними). Гендерно окрашенных выражений о мужчинах было обнаружено Мин Хёнсиком гораздо меньше (глава семьи,

способности и таланты, запрет заниматься работой по дому и т. п.) [민현식 2001, с. 295–310]. Таким образом, гендерные асимметрии, представленные в корейских паремиях, не являются лишь пережитком прошлого, но продолжают существовать в современном языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кирилина А. В.* Гендерные аспекты языка и коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.: ил.
 국립국어원표준국어대사전. URL : stdweb2.korean.go.kr/main.jsp (дата обращения 15.01.2019).
 민현식 국어교육을 위한 응용국어학 연구. 서울: 서울대학교출판부. 2001.
 송재선(편저) 여성 속담 사전. 서울: 동문선. 1995.
 이기문, 조남호(편저) 속담 사전. 서울: 일조각. 2014.
 이해영 한국어와 일본어의 젠더표현 연구. 서울: 한국학술정보. 2009.
 원영섭 (편저) 우리말속담사전. 서울: 세창미디어. 2003.
 한국속담사전 편찬위원회(편저) 한국 속담 사전. 서울: 여강출판사. 2001.

REFERENCES

- Kirilina A. V.* Gendernye aspekty jazyka i kommunikacii : dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2000. 369 s.: il.
 국립국어원표준국어대사전. URL : stdweb2.korean.go.kr/main.jsp (data obra-shhenija 15.01.2019).
 민현식 국어교육을 위한 응용국어학 연구. 서울: 서울대학교출판부. 2001.
 송재선(편저) 여성 속담 사전. 서울: 동문선. 1995.
 이기문, 조남호(편저) 속담 사전. 서울: 일조각. 2014.
 이해영 한국어와 일본어의 젠더표현 연구. 서울: 한국학술정보. 2009.
 원영섭 (편저) 우리말속담사전. 서울: 세창미디어. 2003.
 한국속담사전 편찬위원회(편저) 한국 속담 사전. 서울: 여강출판사. 2001.

УДК 491.550+491.71+80/81

М. Б. Нагзибекова, Т. Н. Нагзибекова

Нагзибекова М. Б., доктор филологических наук, профессор каф. перевода и межкультурной коммуникации Таджикского национального университета; e-mail: mnagzibekova@mail.ru

Нагзибекова Т. Н., ассистент каф. общего языкознания и сравнительной типологии Таджикского национального университета; e-mail: nagzibekova007@gmail.com

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СПОСОБОВ ПЕРЕДАЧИ ТАДЖИКСКИХ РЕАЛИЙ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

Выбор темы статьи обусловлен научным поиском, заключающимся в отборе и изучении лексических единиц языка, в которых наиболее ярко проявляется своеобразие национальной культуры и которые невозможно понять, не владея определенными знаниями культурно-исторического плана, что ощущается во всех случаях межкультурной коммуникации. В статье проводится сопоставительный анализ способов передачи таджикских реалий на русский язык на основе романа основоположника таджикской советской литературы С. Айни «Воспоминания» и его русских переводов, выполненных переводчиками А. Розенфельд и С. Бородиным.

Ключевые слова: сопоставительный анализ; таджикский язык; русский язык; способы передачи; бытовые реалии; роман С. Айни «Воспоминания»; перевод на русский язык.

M. B. Nagzibekova, T. N. Nagzibekova

Nagzibekova M. B., Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor at the Department of Translation and Intercultural Communication, Tajik National University; e-mail: mnagzibekova@mail.ru

Nagzibekova T. N., Post-graduate student of the Department of General Linguistics and Comparative Typology, Tajik National University; e-mail: nagzibekova007@gmail.com

COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSFER METHODS OF TAJIK REALITIES IN RUSSIAN TRANSLATIONS

The choice of the topic of the article is due to the scientific search, which consists in the selection and study of lexical units of the language in which the peculiarity of national culture is most pronounced and which cannot be understood without having certain cultural and historical knowledge, which is acutely felt in all cases of intercultural communication. The article is devoted to a comparative analysis of the methods of transmitting Tajik realities into Russian based on the novel by the founder of Tajik Soviet literature S. Aini "Memoirs" and his Russian translations by translators A. Rosenfeld and S. Borodin.

Key words: comparative analysis; Tajik language; Russian language; modes of transmission; everyday realities; S. Aini's novel "Memoirs"; translation into Russian.

Введение

Вопрос о переводе реалий – один из самых сложных в теории перевода и вместе с тем исключительно важный для любого переводчика художественной литературы, поскольку связан с целым рядом разнородных элементов, таких как переводческий аспект страноведения, культура переводчика, учет фоновых знаний читателя перевода (знакомство с соответствующей средой, культурой, эпохой) и с другими литературоведческими и лингвистическими моментами.

Способы перевода таджикских реалий на русский язык

Реалии таджикского языка можно выделить лишь в результате сопоставления лексических единиц таджикского языка с лексическими единицами русского языка, поэтому за основу нами выбран сопоставительный метод, позволяющий определить соответствие оригинала и его перевода, эквивалентность языковых средств, использованных при переводе художественных произведений с таджикского языка на русский.

Необходимость систематизации анализируемого материала на основании общности определенных лексико-семантических черт предопределила использование описательного метода, основанного на анализе и классификации изучаемой лексики, отобранной методом сплошной выборки из указанных источников.

Способы передачи таджикских реалий переводчиками А. Розенфельд и С. Бородиным на русский язык и частота их использования показана в таблице 1.

Таблица 1

№ п/п	Способы передачи реалий	Переводчик А. Розенфельд	Переводчик С. Бородин
1	Транскрипция	188 случаев	154 случаев
2	Описание	34 случая	18 случаев

Продолжение таблицы 1

№ п/п	Способы передачи реалий	Переводчик А. Розенфельд	Переводчик С. Бородин
3	Приблизительный перевод	30 случаев	46 случаев
4	Опущение	12 случаев	48 случая
5	Транскрипция + описание	16 случаев	8 случаев
6	Приблизительный перевод + транскрипция	–	3 случая
7	Неверный перевод	16 случаев	18 случаев

Как видно из таблицы, чаще всего оба переводчика для передачи реалий использовали транскрипцию. Далее по употребительности у А. Розенфельд отмечены описание и приблизительный перевод, а у С. Бородина – приблизительный перевод или опущение, значительно реже у А. Розенфельд встречаются неверный перевод реалий, опущение, а у С. Бородина неверный перевод и описания. К другим способам передачи реалий переводчики обращались реже.

Совпадение в переводе реалий у разных переводчиков

Совпадение в переводах А. Розенфельд и С. Бородин в передаче таджикских реалий в романе С. Айни «Воспоминания» небольшое, так лишь 25% таджикских реалий переданы на русский язык переводчиками одинаково. Многие таджикские реалии вошли в русский литературный язык. Проведенный анализ переводов романа «Воспоминания» позволяет отметить в тексте перевода такие реалии, как *мечеть, имам, казий, медресе, теньге, ходжи, эмир* и др. Например:

Аз рӯи кавли ӯ, вай дар Бухоро бо писари *козии* Гичдувон – *кози* Абдулвоҳид шарикдарс будааст (С. Айни, с. 71).

Он рассказал, что в Бухаре он учился вместе с сыном гиджудванского *казия* Абдулвохида (пер. А. Розенфельд, с. 80).

В Бухаре он учился вместе с сыном иждуванского *казия* Абдулвахида (пер. С. Бородин, с. 60).

...ба ӯ рӯ оварда аз номи чамоат аз вай талаб кардаанд, ки *имоматии масчидеро...* кабул намояд (С. Айни, с. 11).

Они стали просить деда от имени общины быть *имамом* той *мечети...* (пер. А. Розенфельд, с. 15).

Они все обратились к моему деду с просьбой стать у них *имамом* в *мечети...* (пер. С. Бородин, с. 11).

Несовпадение в приемах передачи таджикских реалий на русский язык

Несовпадение в переводах наблюдаются в следующих тематических подгруппах бытовых реалий:

1) названия сладостей – *набот-набат*

...падарам Соиби Исфаҳониро бисъёр дуст медошт, шеърҳои ӯро, чунон ки бачагон *наботро* макида мазақунон мехӯрда бошанд (С. Айни, с. 96).

Отец очень любил стихи Соиба Исфахони и читал их с таким наслаждением, как маленькие дети сосут *леденец* (пер. А. Розенфельд, с. 107).

Когда отец читал его, у него был вид, какой бывает у ребенка, дорвавшегося до *варенья* (пер. С. Бородин, с. 81).

А. Розенфельд передала реалию *набот* как *леденец*, т. е. она смогла приблизительно передать значение, а С. Бородин перевел как *варенье*. Считаем, что С. Бородин неверно передал таджикскую реалию, так как *набот* – кристаллический сахар, *леденец*, а не *варенье*;

2) названия тканей:

а) *карбос*

...аз ҳама бештар *карбос* мебофт... (С. Айни, с. 66).

Он чаще всего изготавливал *хлопчатобумажную ткань* – *карбос* (пер. А. Розенфельд, с. 74).

Лучше всего отец ткал *карбос* (пер. С. Бородин, с. 56).

А. Розенфельд передала реалию *карбос* комбинированным способом: кратким описанием и транскрипцией, а С. Бородин – только при

помощи транскрипции. Считаем, что А. Розенфельд выбрала лучший способ передачи реалии, так как она объяснила, что *карбос* – хлопчатобумажная ткань;

б) *калами*

Калами монда ба мо курта-лозими ва ба худаш, хам ба мо *яктаҳ* дӯзонид (С. Айни, с. 66).

Пестрядь-калами отец оставлял дома, из нее шили для нас халаты без подкладки – «як-так»... (пер. А. Розенфельд, с. 74).

Опущение (пер. С. Бородина).

В данном предложении две реалии: *калами* и *яктаҳ*. А. Розенфельд *калами* передала комбинированным способом – приблизительным переводом и транскрипцией; *яктаҳ* – описанием и транскрипцией, а С. Бородин в переводе опустил это предложение.

Необходимо отметить, что таджикский исследователь З. А. Муллоджанова отметила, что «С. Бородин значительно сократил текст оригинала за счет пространственных авторских отступлений. Что его смутило в данном случае? Объем? Он выбрасывал целые страницы, причем очень важные для понимания замысла произведения и общей концепции книги» [Муллоджанова 2014, с. 53];

в) *алоча*

Алоча монда худаш ва хамаамонро бо чомаҳои тахпӯши ва рӯпӯши таъмин кард (С. Айни, с. 66).

Более тщательно выделанная цветная ткань *алача* шла на верх и на подкладку ватных халатов (пер. А. Розенфельд, с. 74).

Из *алочи*, *пестрой хлопчатой ткани*, отец шил не только нижние, но и верхние халаты для себя и для всех нас (пер. С. Бородина, с. 56).

Оба переводчика таджикскую реалию *алоча* перевели комбинированным способом – описанием и транскрипцией: у А. Розенфельд – *Более тщательно выделанная цветная ткань алача*, а у С. Бородина – *Из алочи, пестрой хлопчатой ткани*, что считаем удачным вариантом передачи таджикской реалии *алоча*;

3) названия мер длины – *газ*:

Вакте ки кор сар шуда ҳар даҳа аз саҳми худ тахминан як-ду газ замин кофта буд... (С. Айни, с. 69).

Когда работа началась, каждый десяток выкопал на своем участке приблизительно *один-два газа* земли (пер. А. Розенфельд, с. 79).

От начала работ до наступления темноты каждая деревня выкопала *несколько шагов* земли (пер. С. Бородин, с. 59).

Таджикская реалия *газ*, обозначающая меру длины, А. Розенфельд передала способом транскрипции, а С. Бородин передал неверно – *несколько шагов*, так как *газ* – мера длины, равная приблизительно 100 см;

4) названия хозяйственно-бытовых реалий:

а) *суфа*

Дар тарафи шимоли меҳмонхона як *суфаи* тобистоннишинӣ буд... (С. Айни, с. 14).

К северу от мехмон-хоны над невысокой глиняной *суфой*... (пер. А. Розенфельд, с. 19).

...а в стороне, над *суфой*, как зовут у нас *глинобитное возвышение для отдыха* (пер. С. Бородин, с. 14).

Дар шабҳои тобистон ҳар дуй инҳо дар *суфаҳои* худ меҳобиданд (С. Айни, с. 49).

Летом они обе ночевали каждая на своей *суфе* (пер. А. Розенфельд, с. 55).

В теплые летние ночи они обе спали на *этих глинобитных возвышениях* во дворе (пер. С. Бородин, с. 40).

Таджикскую реалию *суфа* С. Бородин передал комбинированным способом – транскрипцией + описанием: *суфа, как зовут у нас глинобитное возвышение для отдыха*, а А. Розенфельд – транскрипцией. Далее, С. Бородин во всех десяти других случаях передачи реалии *суфа* использовал короткий описательный перевод *глинобитное возвышение*, хотя *суфа* – небольшое глиняное или кирпичное возвышение во дворе или в саду, на котором летом проводят время днем,

а ночью спят. На наш взгляд, С. Бородин правильно смог передать значение этой реалии, а А. Розенфельд во всех случаях оставляет слово *суфа*, которое непонятно для русского читателя;

б) *сандали*

Баъд аз вохӯри ва пурсупоси мукарраи ва гузашта нишастани мо дар атрофи *сандали* акаам ошашро кашида овард (С. Айни, с. 134).

Послеобычных приветствий и расспросов мы разместились вокруг *сандали*, а брат принялся нас угощать (пер. А. Розенфельд, с. 148).

Мы поздоровались, обменялись обычными вопросами, и нас усадили к *столику над жаровней* + описание (пер. С. Бородина, с. 115).

Таджикскую реалию *сандали* А. Розенфельд оставила в переводе без описания, т. е. передала при помощи транскрипции, а С. Бородин передал приблизительно как *столлик над жаровней*, а затем дал очень подробное описание этого понятия, хотя *сандали* – низкий столик, который ставится над углублением с горячими углями и накрывается одеялом, используется для согревания ног.

На вопрос таджикского исследователя З. А. Муллоджановой, почему он вклинивает в авторский текст развернутое описание предмета, С. Бородин ответил: «Сноски, по моему глубокому убеждению, тормозят восприятие художественного произведения при чтении. В своих книгах я категорически избегаю сносок...» [Муллоджанова 2014, с. 114].

На наш взгляд, загромождать авторский текст пространными пояснениями не совсем верно;

в) *хӯрчин* – *хурджин*

...*хӯрчинро* аз дасти падарам гирифт ва саломатиашро пурсид (С. Айни, с. 68).

...взяла у него из рук *переметную суму* и осведомилась о здоровье (пер. А. Розенфельд, с. 77).

Мать вышла на встречу, взяла у отца *суму* и спросила о здоровье (пер. С. Бородина, с. 57).

Реалию *хӯрчин* А. Розенфельд передала словосочетанием «переметная сума», хотя в двуязычных словарях переводится как

переметная сумка, а не *сума*, как в переводе. С. Бородин же эту реалию перевел как *сума*;

г) ***пиёла – пиала***

Падарам як *пиёла* чой нӯшида кадре хомӯш монд... (С. Айни, с. 69).

Отец, выпив *пиалу* чая...
(пер. А. Розенфельд, с. 79).

Отец допил свою *чашку* чая...
(пер. С. Бородина, с. 59).

Реалия ***пиёла*** у А. Розенфельд передана способом транскрипции, а у С. Бородина – приблизительным переводом: *пиала* – чашка, хотя *пиала* не является безэквивалентной лексикой в русском языке.

Заключение

На основе сопоставительного исследования способов передачи таджикских реалий в произведении С. Айни «Воспоминания» на материале двух переводов, выполненных переводчиками А. Розенфельд и С. Бородиным, нами выявлено:

- а) совпадение в переводах А. Розенфельд и С. Бородина в передаче таджикских реалий небольшое, так из трехсот реалий лишь 25% передано переводчиками одинаково: *ходжи*, *эмир* и др., т. е. тех реалий, которые освоены русским языком;
- б) научный интерес вызывают не совпадения в переводе, а различия, поскольку часто причинами расхождений в переводах становятся различия в языковой картине мира автора текста, переводчиков и читателей, поэтому основное внимание нами уделено случаям, когда переводчики по-разному переводили таджикские реалии на русский язык;
- в) сопоставительный анализ переводов названного романа позволяет говорить о том, что у обоих переводчиков наблюдаются удачные приемы передачи таджикских реалий на русский язык;
- г) у обоих переводчиков отмечено немало случаев неверного перевода и использования приема опущения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. 2-е изд., испр. и доп. М. : Международные отношения, 1986. 416 с.

Айни С. Воспоминания / пер. С. Бородина. М. : Художественная литература, 1973. Ч. 1. 273 с.

Айни С. Воспоминания / пер. А. Розенфельд. М., 1960. 1086 с.

Айнӣ С. Ёддоштҳо // Куллиёт. Душанбе : Нашрдавтоҷик. Ҷ. 1. 1962. 352 с.

Муллоджанова З. А. Стиль оригинала и перевод: к проблеме изучения прозы С. Айни. Душанбе : ТНУ, 2014. 136 с.

REFERENCES

Vlakhov S. I., Florin S. P. Neperevodimoe v perevode. 2-e izd., ispr. i dop. M. : Mezhdunarodnye otnosheniya, 1986. 416 s.

Ajni S. Vospominaniya / per. S. Borodina. M.: KHudozhestvennaya literatura, 1973. CH. 1. 273 s.

Ajni S. Vospominaniya / per. A. Rozenfel'd. M., 1960. 1086 s.

Ajnӯ S. Yoddoshtxo // Kulliyot. Dushanbe: Nashrdavtoҷik. Ҷ. 1. 1962. 352 s.

Mullodzhanova Z. A. Stil' originala i perevod: k probleme izucheniya prozy S. Ajni. Dushanbe : TNU, 2014. 136 s.

УДК 81.23

И. В. Скуратов, П.-А. Дюмон

Скуратов И. В., доктор филологических наук, профессор;
заведующий кафедры романской филологии
факультета романо-германских языков
Московского государственного областного университета;
e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Дюмонт П.-А., лектор французского языка
кафедры романской филологии факультета романо-германских языков
Московского государственного областного университета;
e-mail: pierre-alain-dumont@yandex.ru

**ИЗМЕНЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
ПУТЕМ ЗАИМСТВОВАНИЯ НЕОЛОГИЗМОВ**

В статье рассматриваются особенности лексики французского языка. Общеизвестно, что всякий язык обладает определенными номинативными средствами, с помощью которых дается наименование элементам внеязыковой действительности. Новые слова возникают с помощью внешних средств номинации. К ним относятся заимствования. На современном этапе доминируют английские заимствования, благодаря которым французский язык динамично развивается.

Ключевые слова: лексика; французский язык; номинативные средства; английские заимствования; неология.

I. V. Skuratov, P.-A. Dumont

Skuratov I. V., Doctor of Philology, Professor;
Head of Romance Philology Dpt, Faculty of the Romance and Germanic Languages,
Moscow Region State University; e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Dumont P.-A., Lecturer of Romance Philology Dpt, Faculty of the Romance
and Germanic Languages, Moscow Region State University;
e-mail: pierre-alain-dumont@yandex.ru

**CHANGE OF FRENCH LANGUAGE VOCABULARY
BY MEANS OF BORROWINGS OR NEOLOGISMS**

The article touches upon some special features of the French language vocabulary. It is commonly known that every language possesses certain nominative means with the help of which elements of extralinguistic reality are named. The appearance of new words is assisted by external nomination means, including loanwords. English loanwords prevail at the modern stage. The French language is developing dynamically due to English borrowings.

Key words: vocabulary; the French language; nominative means; English loanwords; neology.

Introduction

De nos jours, on note une hésitation entre recours à l'emprunt et formation de nouvelles unités lexicales. Le langage est un produit social, un organe vivant.

Le mode d'introduction d'un vocable donné n'est pas sans importance. S'il est lu sans avoir été entendu prononcer dans la langue originale il subit fatalement des déformations plus ou moins graves [Sauvageot 1964, p. 221].

La réalité des emprunts du français à l'anglais est d'une telle évidence pour tout usager de la langue qu'il est inutile de chercher loin des arguments pour le prouver.

Si l'on ouvre au hasard un dictionnaire français, il est rare que l'un au moins des mots-vedettes ne soit pas d'origine anglaise [Tournier 1997, p. 185].

Les emprunts d'origine anglaise sont de plus en plus fréquents en français. Doit-on les supprimer, en réglementer l'emploi, les accepter ou les subir ?

On peut distinguer dans le français actuel diverses sortes d'emprunts :

Certains emprunts peuvent avoir une traduction française (*deadline* (ded.lajn), d'autres sont utilisés tels quels : *smoothie* [smu.si], *drone*, *dumping* [dœm.piŋ] etc.

Emprunts et grammaire : la présence d'un terme anglais est parfois utilisée pour pallier l'absence d'une catégorie grammaticale: le *crash* de l'avion remplace l'écrasement alors que la forme verbale est remplacée par le français : *L'avion s'est écrasé* (plutôt que s'est crashé).

De même le *hold-up* à la banque s'est produit lorsque les malfaiteurs l'ont dévalisée.

Des mots anglais ont une traduction française, mais apportent une nuance: le *dealer* est un revendeur de produits illicites. *Un shunt* est une dérivation dans un sens technique ou chirurgical.

Certains mots anglais constituent un nouveau jargon d'entreprise. Les impressions deviennent *des feed-back*, on organise *des meetings* (réunions), on privilégie le *team-building* (cohésion du groupe) pour *booster* (améliorer) les résultats.

«Alors, tu es bien *fulltime* sur le *draft du call* ? Parce que j'ai besoin d'un *feedback ASAP en one to one* ! » [Bailly 2016, p. 58]

Les termes anglosaxons à l'assaut du lexique français

Malgré une «invasion» anglosaxonne, le lexique français est loin de s'appauvrir puisque les lexèmes existants ne voient pas leur sens modifié.

Au contraire, le terme d'emprunt apporte sa propre sémantique qui se démarque de la sémantique de terme français.

Bien plus grave semble l'emploi d'un mot anglais (à l'origine emprunt français) revenant en français avec une acception anglaise.

Aucune loi ne combattrait l'utilisation du mot *Menu* dans les programmes d'ordinateurs.

C'est pourtant là que se situe le danger, quand l'utilisateur du menu informatique confondra les termes *menu* et *carte*.

Notre vocabulaire compte une grande quantité de termes issus des langues étrangères modernes.

Une analyse du lexique ferait apparaître une succession de catégories d'emprunts parallèle à la succession des influences économiques qui se sont exercées de manière prépondérante sur les différentes communautés.

L'«anglomanie» qui est une mode dans les sociétés modernes, propose des termes nouveaux.

Comme disait Daniel Moscovitz, directeur de la traduction à l'École supérieure d'interprètes et de traducteurs de Paris III :

«Quand on s'exprime dans sa langue maternelle, on plie sa langue à sa pensée; quand on s'exprime dans une langue étrangère, on plie sa pensée à la langue» [Toinet 1991, p. 79].

Les traducteurs et les nouvelles technologies

Le travail quotidien des traducteurs est une source inépuisable de néologismes.

Les traducteurs constituent aussi des antennes sensibles pour une «*veille néologique*».

Les traducteurs traduisent des textes écrits en général dans leur langue maternelle qu'ils doivent donc connaître parfaitement.

Les nouvelles technologies ont profondément modifié les conditions de travail des traducteurs, avec l'apparition d'ordinateurs, de dictionnaires électroniques, de la traduction assistée par ordinateur.

Ces professionnels doivent disposer de connaissances spécialisées qui leur permettent de comprendre plus facilement les ouvrages relatifs à tel ou tel domaine: sciences, économie, informatique, etc...

Une partie travaille pour l'édition, qu'il s'agisse de la traduction des différents genres d'œuvres littéraires, d'articles de presse ou encore de livres professionnels ou de manuels, avec souvent une rémunération en droits d'auteur.

Les autres sont surtout employés dans le secteur industriel et commercial ou ils traduisent des documents techniques, entre autres des notices d'utilisation.

On peut aussi se spécialiser dans les traductions juridiques, le sous-titrage audiovisuel, etc...

Dans tous les cas, il s'agit de montrer que la démarche du traducteur est fondamentalement la même, quelles que soient les langues et le texte en cause.

La recherche du sens et sa réexpression sont le dénominateur commun à toutes les traductions.

Nous nous retrouvons devant ce problème, bien que nous ayons aisément tendance à penser que les mots sont neutres et qu'un mot en vaut un autre dans une autre langue.

L'emprunt en tant que phénomène sociolinguistique

L'emprunt est le phénomène sociolinguistique le plus important dans tous les contacts de langues.

L'intégration du mot emprunté à la langue emprunteuse se fait de manières très diverses selon les mots et les circonstances.

Ainsi, le même mot étranger, emprunté à des époques différentes, prend des formes variées.

A un niveau plus avancé d'intégration, seuls quelques traits très fréquents sont maintenus. Ainsi, les affixes anglais *-ing* (*rating, marketing*) ou *-er* (*maker, hacker* – informatique).

L'emprunt implique toujours, au moins au départ, une tentative pour répéter la forme ou le trait étranger.

On entend par emprunt un mot qu'on va chercher tel quel dans une autre langue, en lui donnant un des sens de la langue d'origine ou parfois même un sens différent.

On distingue *l'emprunt extérieur*, fait à une langue autre que le français, et *l'emprunt intérieur*, fait à l'intérieur du français, mais dans une langue de spécialité.

Ce genre d'emprunt est courant dans toutes les langues. Il représente une source importante d'enrichissement des langues vivantes.

Il est souvent fonction des rapports socio-économiques qui s'établissent entre les locuteurs de langues diverses.

La grande fréquence des emprunts à la langue anglaise par le français à l'heure actuelle s'explique par la prépondérance des États-Unis dans un grand nombre de secteurs de l'activité humaine.

Alors qu'autrefois les emprunts servaient surtout à désigner des phénomènes exotiques, ils constituent une sorte de passeport pour les machines et procédés mis au point dans un pays et transplantés dans un autre.

Au moment de l'invention des ordinateurs, le vocabulaire de l'informatique a été littéralement inondé d'emprunts: *software, processor, listing etc...*

Ce vocabulaire s'est francisé depuis, grâce au pouvoir d'auto-épuration d'une langue en situation d'autonomie.

Mais le recours systématique à l'emprunt comporte des risques de pollution grave si la langue emprunteuse est en position faible par rapport à la langue prêteuse, ce qui est le cas, par exemple, du français au Canada.

A côté de ces emprunts intégraux, il existe une autre forme d'emprunt qu'on appelle le calque.

Par ce procédé, on donne à un mot de forme française le sens qu'il a dans la langue prêteuse. Le mot «*routine*» en informatique est un calque.

Une forme d'emprunt qui paraît beaucoup plus féconde, mais qui pourtant suscite souvent des résistances assez vives, est l'emprunt entre vocabulaires spécialisés au sein d'une même langue.

Ainsi la gestion a emprunté au vocabulaire militaire toute une série d'expressions telles que: *cadres, logistique, cible, contingent etc...*

Ce procédé est tout à fait normal et constitue une source saine d'enrichissement du vocabulaire d'une langue.

Le vocabulaire économique français à différentes échelles

Dans le domaine économique, on importe souvent d'un pays étranger le mot avec la chose. La difficulté du vocabulaire économique consiste précisément à en déterminer les dimensions.

- *Le principal objectif* est de savoir lire et situer dans le contexte général des textes économiques français, que ces textes soient des manuels, des ouvrages de théorie ou d'analyse ou encore des articles de la presse spécialisée.

- *Un second objectif* lié au premier est de permettre l'expression orale et écrite en utilisant les termes adéquats en français et en anglais. Il convient de souligner qu'il s'agit de l'emploi de termes économiques du vocabulaire anglais: celui-ci est très lié aux institutions étrangères et aux développements de la science économique à l'étranger.

Les éléments du vocabulaire, contrairement à un dictionnaire, sont regroupés pour récapituler le vocabulaire employé à l'occasion du traitement d'un problème. Le vocabulaire a en effet souvent une spécialité, un caractère «étranger» très affirmé, résultant de sa formation. Il s'agit le plus souvent d'expressions combinant plusieurs mots, qui ont été élaborées pour les besoins d'une étude précise [Skouratov 2016, p. 101–102].

Conclusion

Enfin, il faut souligner que l'apprentissage du vocabulaire économique anglais est facilité par deux faits culturels:

- Il renvoie à des structures économiques analogues, et surtout à des procédures d'enregistrement des données économiques très semblables.
- La théorie économique s'exprime souvent en faisant des emprunts à d'autres sciences. De façon encore plus large, l'exposé fait souvent appel à l'image ou au sens figuré de certaines expressions ou encore à l'allusion littéraire et cette pratique est commune aux deux cultures.

Ce second fait culturel est aussi valable pour l'ensemble des représentants provenant des pays où la langue véhiculaire est d'origine européenne: ainsi la structure du raisonnement économique pour les pays francophones, pour les pays anglophones est-elle toujours assez proche de celle des pays d'Europe puisqu'elle emprunte le vocabulaire et la syntaxe d'une langue européenne.

RÉFÉRENCES

- Скуратов И. В. Типологическая характеристика неологизмов в современном французском языке : монография. М. : ИИУ МГОУ, 2016. 158 с.
- Bailly S. *Stagiaires : le guide de survie!* P. : Editions Larousse, 2016. 226 p.
- Sauvageot A. *Portrait du vocabulaire français.* P. : Larousse, 1964. 285 p.
- Toinet M-F. Les mots ne sont pas neutres // *Echos.* 1991. № 63. P. 79.

Tournier J. Un champ d'emprunts du français à l'anglais : La désignation des personnes // Cah. de lexicologie.1997. № 70-1. P. 185.

REFERENCES

- Skuratov I. V.* Tipologičeskaja harakteristika neologizmov v sovremennom francuzskom jazyke : monografija. M. : IIU MGOU, 2016. 158 s.
- Bailly S.* Stagiaires : le guide de survie! P. : Editions Larousse, 2016. 226 p.
- Sauvageot A.* Portrait du vocabulaire français. P. : Larousse, 1964. 285 p.
- Toinet M-F.* Les mots ne sont pas neutres // Echos. 1991. № 63. P. 79.
- Tournier J.* Un champ d'emprunts du français à l'anglais : La désignation des personnes // Cah. de lexicologie.1997. № 70-1. P. 185.

УДК 81'42

Е. Л. Туницкая

доктор филологических наук, доцент;
заведующая кафедрой романских языков
ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития Российской Федерации»;
e-mail: thon@list.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ КОННЕКТОРОВ «EN FAIT» И «EN EFFET» ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Несмотря на значительное количество публикаций, анализирующих семантику и функции союзных наречий «en fait» и «en effet», соответствующие словарные дефиниции и комментарии носят противоречивый характер. Дискурсивно-прагматический подход в духе теории О. Дюкро позволяет дать более детальное сопоставительное описание этих коннекторов. Для обеих анализируемых единиц – «en fait» и «en effet» – в статье описываются многочисленные нюансы аргументативно-логического развертывания высказываний, что позволяет дать им более полную лингвопрагматическую характеристику. Аргументативный потенциал коннектора «en effet» включает толкование, доказательство через ссылку на конкретные практические примеры или указание причины явления, усиленное подтверждение. Потенциал коннектора «en fait», в случае противоположенного характера второй части высказывания по отношению к первой, может выражаться через отрицание (опровержение), которое чаще затрагивает лишь диктум первой части. Во многих случаях второе суждение не опровергает первое, но устраняет ложное противоречие между ними.

Ключевые слова: союзное наречие; лингвопрагматика, прагматический коннектор; аргументативный анализ высказывания; сонаправленность аргументации; противоположенность аргументации.

E. L. Tunitskaya

Doctor of Philology, Associate Professor;
Head of the department of Romance languages
of Russian academy of foreign trade
(Ministry of Economic Development of the Russian Federation);
e-mail: thon@list.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF DISCOURSE CONNECTORS «EN FAIT» AND «EN EFFET» IN FRENCH

Despite a significant number of publications analyzing the semantics and functions of allied adverbs “en fait” and “en effet”, the corresponding dictionary definitions and comments are of contradictory nature. A discursive-pragmatic approach in the spirit of O. Ducro’s theory allows us to give a more detailed comparative description of these connectors. For both units analyzed, numerous nuances of the argumentative-

logical unfolding of statements are described, which allows them to give a more comprehensive pragmatic description. The argumentative potential of the connector “en effet” includes interpretation, proof by reference to specific practical examples or indication of the cause of the phenomenon, reinforced confirmation. The potential of the connector “en fait”, if the second part of the utterance opposes the first, can be expressed through denial (refutation), which often affects only the dictum of the first part. In many cases, the second proposition does not refute the former, but eliminates the false contradiction between them.

Key words: conjunctive adverbs; pragmatic linguistics, pragmatic connector; argumentative analysis of utterance; co-directivity arguments; opposing arguments.

Введение

Прагматические коннекторы *en fait* (*de fait*) и особенно *en effet* не обделены вниманием исследователей; исследования проводились, в частности, на материале экономических научных текстов. Тем не менее словарные дефиниции или сопоставительный анализ, представленный в различных аутентичных учебных пособиях и справочниках, оставляет больше вопросов, чем ответов. Лишь прагматико-аргументативный подход к исследованию данных коннекторов позволяет дать их полную характеристику.

Основная часть

Приведем для примера соответствующие статьи из словаря «Petit Robert» [Petit Robert 1978, с. 608, с. 754]:

En effet (= en réalité, effectivement), mod., s’emploie pour introduire un argument, une explication (v. car); en fait – en réalité (v. effectivement, en effet, réellement, véritablement).

Опираясь на подобные объяснения, невозможно понять, являются ли данные союзные наречия в некоторых случаях синонимами и в каких именно.

Приведем в пример также пояснения, из аутентичного электронного пособия для изучающих французский язык [Espace Français URL]:

En effet – connecteur de cause ou de conséquence, en effet s’utilise pour confirmer et justifier ce qui vient d’être dit. Il est synonyme de «donc, effectivement».

En fait est synonyme de «en réalité, effectivement». Il peut exprimer une opposition.

Из объяснений видно, что два союзных наречия, скорее всего, функционально различны: *en effet* указывает на причину или подтверждает, *en fait* – противопоставляет. Но наречие *effectivement* указывается как синоним для обоих.

Кратко и вполне корректно формулирует базовое отличие двух коннекторов другое электронное издание «Français Facile» [Français-Facile URL]:

en effet sert à apporter une preuve;
en fait / *en réalité* / *en vérité* sert à rectifier.

Сопоставление базируется, таким образом, на различии в форме аргументации: *en effet* – доказывает, *en fait* – исправляет неточность.

Однако и эта краткая формулировка не отвечает на вопрос о возможности сближения значений, которую мы иногда наблюдаем на конкретных примерах, что объясняет и повторяющееся в ряде дефиниций указание на общий для исследуемых наречий синоним (*effectivement*).

Обсуждение на различных форумах, в которых участвуют носители языка и даже специалисты, не приходя к единому мнению, говорит о том, что вопрос остается непростым даже для них.

Не очень помогает в дидактических целях и перевод на русский язык. Представим наиболее типичные варианты перевода, предлагаемые отечественными словарями:

en effet – действительно, в самом деле, вправду;
en fait – фактически, на деле.

Учитывая, что к наречию *действительно* словари русского языка предлагают до 80 синонимов, среди которых фигурируют и слова *фактически, на деле*, перевод никак не проясняет ситуацию.

Разумеется, выше мы ссылались лишь на словарные и учебные издания, не касаясь «серьезных» лингвистических изысканий, чтобы показать практическую необходимость и своевременность последних.

Попытаемся рассмотреть значение и функции союзных наречий *en fait* / *en effet* с дискурсивно-прагматических позиций, т. е. на основе прагматического анализа, который, по мнению Дж. Россари, описывает актуализацию прагматических коннекторов [Rossari 1994]. Напомним, что прагматический коннектор – в форме союза, союзного наречия или иной языковой форме – является связующей

единицей дискурса и устанавливает отношения между различными семантическими сущностями: между пропозициями, между речевыми импликатурами, между пропозицией и речевой импликатурой / иллюкцией / экстралингвистическим контекстом [Кудрявцева 2006]. Причем речь идет не только о формальной связи (когезия), но и о связи логико-аргументативной (когерентность). Аргументация и связь сопутствуют, а не противоречат друг другу [Гак 2004]. С прагматической точки зрения, среди интерактивных коннекторов Э. Руле предлагает различать:

- аргументативные (*car, parce que, en effet*);
- следственные (*donc, par conséquent, aussi*);
- контраргументативные (*bien que, mais, quand même*);
- коннекторы переоценки (*bref, en somme, finalement*) [Roulet 1991].

Общепрагматический подход детализируется в трудах по теории аргументации О. Дюкро и Ж.-К. Анскомбра [Anscombre, Ducrot, 1988]. Разработанная в рамках данной теории методика в наибольшей степени решает поставленные нами задачи сопоставительного анализа высказываний с коннекторами *en effet* и *en fait*, и тем самым сопоставительного анализа самих союзных наречий. Каждое анализируемое высказывание мы представим как результат виртуального диалога между субъектом А, выдвигающим некий тезис, и субъектом Б, реагирующим на предшествующую реплику в том или ином направлении, развивая высказанную в ней мысль. Коннектор же несет в себе сведения об этом развитии мысли. В основе логико-семантического отношения между двумя частями высказывания лежит сохранение предмета речи (объекта описания и рассуждения), но с изменением точки зрения на этот объект. Причем аргументативная сила коннектора заключается в том, что изменение точки зрения «навязывается» говорящим адресату, обеспечивая формулирование окончательно вывода.

Таким образом, коннекторы могут быть рассмотрены и классифицированы с точки зрения программируемого ими значения. Выделяются обычно две их основные группы: сонаправленные и противоположенные.

Необходимо отметить, что один коннектор может программировать несколько отличных друг от друга сценариев, вплоть до того,

что один и тот же коннектор предстает то как сонаправленный, то как противонаправленный и понимание его конкретной роли возможно лишь в контексте.

Существует ряд исследований, в которых предпринята попытка применения данного подхода для интересующих нас коннекторов. Более последовательно и подробно эта работа проделана для союзного наречия *en effet* [Зацман, Кружков, Лошилова 2017].

По мнению авторов, *en effet* – один из наиболее часто встречающихся коннекторов французского языка. Он используется для ввода сонаправленного аргумента, но выражаемые с его помощью отношения намного многогранней. *En effet* имеет четкое местоположение в предложении и может употребляться либо в начале аргумента, либо непосредственно после глагола. Аргументативная сила анализируемой единицы описывается четырьмя параметрами: доказательство, объяснение причины, уточнение (разъяснение), подтверждение (повторение).

Коннектор *en fait* не описан столь подробно. Однако некоторыми указаниями нельзя пренебречь. (Обратим внимание, что при помощи этого коннектора вводятся не только развернутые, но и свернутые предикативные структуры – однородные члены предложения).

Коннекторы *en fait*, наряду с *de fait*, *en réalité*, позволяют, по мнению Е. С. Кулаковой, осуществить переформулирование предыдущей точки зрения, установление нового факта языковой действительности, из чего следует, что новая точка зрения в большей или меньшей степени отклоняется от первой и представлена как вытекающая из реального положения дел, т. е. более правомерная. Автор именует их коннекторами дистанцирования, что соответствует противонаправленности [Кулакова 2017]. Хотя сам термин «дистанцирование» кажется нам не совсем удачным, ведь для того, чтобы высказать свое суждение, мы всегда, в определенной степени, дистанцируемся от предыдущего, иначе наше высказывание будет тавтологией.

Аналогично О. Ю. Инькова-Манзотти в своем диссертационном исследовании относит *en fait* и *de fait* к коннекторам противопоставления с той разницей, что *de fait*, отсылает к уже установленным фактам, тогда как компонент, вводимый *en fait*, сообщает факт новый, неизвестный: обоснованность точки зрения, вводимой *en fait*, связана с ее большим соответствием действительности, по сравнению

с предшествующим суждением, от которого говорящий отталкивается [Инькова-Манзотти 2001].

Добавим, что по степени отклонения нового суждения от первого гипотетически можно, выделить полное отрицание, уточнение, добавление и т. п. К аналогичным выводам приходит М. Форсгрэн [Forsgren 2009].

Однако все приведенные выше рассуждения не дают исчерпывающего перечня логико-семантических отношений, возникающих между частями высказываний, включающих *en fait* и *en effet*. Тем более нельзя ответить на вопрос об их возможном функциональном пересечении, объясняющим трудности в их употреблении в речи, которые испытывают даже носители языка.

Анализ корпуса примеров из электронной прессы и электронных обзоров политико-экономической тематики, выполненный на основе методики дискурсивной полифонии О. Дюкро, позволил выявить ряд вариантов взаимоотношения двух частей высказывания. В целом он подтверждает выводы исследования И. М. Зацман и других ученых, касательно прагматической функции коннектора *en effet*. Мы вносим в предложенную авторами схему лишь некоторые дополнения.

Смысл второй части высказывания, вводимой через *en effet*, является, безусловно, сонаправленным первой части.

Дословное или почти дословное повторение первой части служило бы для выражения полного согласия. Однако такой случай возможен лишь в диалогическом единстве, т. е. в реальном диалоге, где второй говорящий реагирует на реплику первого говорящего словами *En effet*. Причем повторять первое высказывание в развернутой форме нет никакой необходимости:

NS: La politique moderne, c'est l'honnêteté !

SR: *En effet* ! [Libération 2007]

Интересно, что в этом случае, согласие, выраженное через *en effet*, легко может служить основой для последующего противоположного суждения (*en effet, mais*):

– Votre fille Marine qui vous a tant aimée, votre fille tellement reconnaissante des sacrifices consentis pour lui faire atteindre le sommet ... mais vous même aviez autrefois raté le concours d'entrée de l'Opéra si je ne m'abuse.

– *En effet* mais je ne vois vraiment pas ce que ça a à voir [Forsgren 2009, с. 57].

Мы же анализируем роль *en effet* в рамках высказывания одного говорящего субъекта, а поэтому функцию повторения не рассматриваем.

1. Сонаправленность мысли может передаваться через ее разъяснение (уточнение, толкование):

Suivons la pensée de Hobbes. Pour celui-ci, à l'état de nature, le droit s'identifie au fait. *En effet*, la seule loi qui s'exerce est celle de la force, autrement dit le «droit» n'est alors rien d'autre que le fait de la puissance [Longeart URL]

В данном случае, наиболее близки по значению коннекторы: *cela veut dire que, autrement dit, c'est-à-dire*.

2. Сонаправленным доказательством или подтверждением соответствия первой части высказывания действительности может служить:

а) ссылка на факты действительности, часто общеизвестные, напоминаемые адресату:

Bien qu'il s'agisse de prendre en considération des modifications législatives postérieures à la date imposée dans l'avis motivé, ni la nature ni l'objet du contrôle de la Cour n'en sont modifiés pour autant: cette dernière est *en effet* toujours appelée à vérifier si l'État s'est effectivement conformé à l'avis motivé, en faisant cesser l'infraction qui lui a déjà été dûment reprochée... [Assemblée Nationale URL]

В этом случае, близки по значению обороты *comme vous le savez, comme on le sait*;

б) в качестве аргумента в защиту первоначального тезиса может выступить конкретизация:

Comme le mode l'annexe, à l'issue de l'opération de [...] concentration, l'écart séparant les deuxième et troisième plus grandes entreprises en termes de parts de marché ne sera pas significatif: il ne sera *en effet* supérieur à 10% que dans deux États membres (Allemagne et Espagne), et atteindra un peu plus de 10% dans l'ensemble de la Communauté [...] et 3% au niveau mondial [Décision de la Commission ... 1990]

Близкие по значению коннекторы – *notamment, plus précisément, effectivement*;

- в) интересная форма доказательства – ссылка на практику, когда реальные события подтвердили данное суждение:

Cependant, cette stratégie a rencontré des réserves dans le chef du conseil d'administration. D'une part, les membres du conseil d'administration étaient réticents à dévier des procédures initiales telles qu'elles étaient décrites dans les guides BIT/STEP. D'autre part, ils ne voulaient pas contrarier les responsables des bureaux de zone en réduisant leur rôle. Ces postes de responsabilité avaient été distribués avec discernement parmi les leaders communautaires dans le but de préserver l'harmonie sociale. Supprimer leur rôle dans la collecte risquait de troubler l'équilibre. *En effet*, ces derniers ont retardé la distribution routinière des listes aux formations sanitaires, mais grâce à l'effort continu de la gérante, la stratégie simplifiée s'est avérée fonctionnelle à partir de 2008 [Etudes littéraires 2008].

Бликие по значению коннекторы – *effectivement, en réalité*;

- г) подтверждение может быть осуществлено с усилением:

On dit que Marie ressemble à sa soeur. *En effet*, elles ont exactement le même visage.

В этом случае, близки по значению коннекторы – *on pourra (pourrait) même dire, dirons même*;

- д) усиление может выступать в форме распространения суждения на иные сферы действительности:

C'est un grand succès pour le Parlement et *en effet* pour les citoyens européens [Décision de la Commission ... 1990].

Бликие по значению коннекторы *c'est aussi vrai (pour), il en est de même (pour, de)*. В данном случае, анализируемое союзное наречие вводит не предложение, а однородную именную группу. Употребление синонима *effectivement* здесь невозможно.

3. Распространено и выражение сонаправленности суждения через указание на причину явления:

Je mis longtemps à avoir le pied dans l'étrier; il existe *en effet* beaucoup plus de pieds que d'étriers [Le Parisien URL].

Синонимом является в этом случае сочинительный союз *car* с учетом изменения его места в предложении.

Отметим возможность избыточного указания причины сразу двумя коннекторами, вероятно, с целью усиления:

C'est pourquoi, chers collègues, je vous demande de soutenir les amendements déposés par Bernd Lange, qui seront soutenus par le groupe du parti des socialistes européens *car, en effet*, ils concilient l'ensemble des intérêts en présence... [Traité de Lisbonne 2007]

Таким образом, мы выделили три основных сценария сонаправленной реакции на первоначальное суждение для коннектора *en effet*: пояснение (толкование, уточнение), доказательство и подтверждение (в различных вариантах); указание на причину первоначального события. Нюансы смыслов внутри каждого сценария разнообразны и выявляются лишь в контексте.

Рассмотрим высказывания с союзным наречием *en fait*.

Встречаются, хотя и нечасто, случаи сонаправленного суждения, вводимого *en fait*:

Ils ne sont pas allés à Venise. *En fait*, ils ont décidé de changer de destination à la dernière minute.

Вторая часть высказывания поясняет и дополняет первую. В качестве синонимов в этом случае закономерно выступают *effectivement, en effet*. В таком случае, представление анализируемых коннекторов как синонимов получает некоторое основание, но требует пояснений и оговорок, поскольку для *en fait* противонаправленность не является основной функцией.

Гипотетически, можно предположить, что это употребление возникло на основе свертывания следующей логической цепочки суждений, где коннекторы употреблены в их базовых функциях:

Toi, tu avais cru qu'ils étaient allés à Venise → *en fait* ils n'y sont pas allés → *en effet* ils ont décidé de changer de destination à la dernière minute.

Однако в большинстве случаев, *en fait* реализует противонаправленный сценарий, довольно часто усиливаемый противительным союзом *mais*.

По нашим наблюдениям, отрицание предыдущего суждения с использованием *en fait* чаще является неполным, что отличает *en fait* от собственно противительных коннекторов типа *au contraire*.

Полным является отрицание первой, имплицитной части высказывания в следующем отрывке:

Après sa condamnation, Galilée aurait dit : «Et pournat, elle [la Terre] tourne». Ce pourtant est une protestation à voix basse contre sa condamnation, qui avait jugé que la Terre ne tournait pas autour du Soleil. Adverbe de relation logique d'opposition. Mais il aurait pu dire aussi: «*En fait*, elle tourne.» Ce *en fait* aurait été l'affirmation que, en dépit du jugement disant le contraire, la Terre tourne véritablement, réellement, effectivement autour du Soleil. Ce «*en fait*» est devenu un véritable tic de société [Etudes littéraires 2008]

Действительно, если бы высказывания, приписываемое Галилею, было бы развернуто, оно могло бы прозвучать так: «La Terre est immobile? Non, *en fait*, elle tourne». Но гипотетическая фраза Галилея могла бы быть и иной: «Vous prétendez que la Terre soit immobile? Non, *en fait*, elle tourne».

Перед нами принципиально иная ситуация, где модусная часть «чужого» высказывания (*vous prétendez que...*) не отрицается: отрицается лишь диктум (*la Terre est immobile*).

Именно в этой функции частичного отрицания – отрицания диктума, чаще всего употребляется *en fait*:

J'ai dit que je comprenais pourquoi vous continuiez l'ouvrage sans moi, mais en fait je ne comprends pas.

Иногда в опровергаемом суждении модус и диктум формально не разграничены, но это разграничение можно восстановить:

Accusées de terrorisme, elles exercent *en fait* leur droit à l'autodétermination [Bab.la. Dictionary ... URL].

Представим суждение следующим образом:

On les accuse de terrorisme → on pretend qu'elles soient terroristes, elles exercent *en fait* leur droit à l'autodétermination.

Аналогично:

Ce procédé est qualifié de corruption, mais il s'agit *en fait* de manipulation [Bab.la. Dictionary ... URL].

Последний случай иллюстрирует также возможности неполного отрицания на самом уровне диктума, поскольку понятия «corruption» и «manipulation» не противоречат друг другу: преступление может заключаться и в том, и в другом одновременно.

Во многих других случаях, второе суждение не опровергает первое, а скорее, снимает ложное, стереотипное противоречие:

Il a l'air gentil, mais *en fait*, il n'en fait qu'à sa tête.

Действительно, можно внешне проявлять себя положительно, что не исключает сложности характера.

Ces deux-là se battent, mais *en fait*... ils s'aiment.

Высказывание напоминает русскую поговорку «Милые бранятся – только тешатся».

Представляют интерес случаи употребления коннектора *en fait* в высказывании, опровергающем не само «чужое» суждение, а лишь правильность действий, описанных данным суждением:

Il a pris des cours d'anglais. *En fait*, il n'en avait pas besoin. – Да, он брал уроки английского, но зря, без необходимости.

Говорящий может «приписать» некое имплицитное суждение собеседникам и его же опровергнуть:

Mon propos rejoint en fait la question que vient de poser mon collègue français [Bab.la. Dictionary ... URL]. → Vous attendez de moi des idées originales en fait mon propos rejoint la question que vient de poser mon collègue français.

Заключение

Итак, анализ аргументативно-логической структуры высказываний, содержащих данные коннекторы, позволил установить, что *en effet* используется для ввода сонаправленного аргумента, а *en fait* – обычно противонаправленного, реже – сонаправленного. Лишь в последнем случае коннекторы становятся синонимами. Для обеих анализируемых единиц наблюдаются многочисленные нюансы аргументативно-логического развертывания высказываний.

Аргументативный потенциал коннектора *en effet* включает толкование, доказательство через ссылку на конкретные практические примеры или указание причины явления, усиленное подтверждение. Потенциал коннектора *en fait*, в случае противонаправленного характера второй части высказывания по отношению к первой, может выражаться через отрицание (опровержение), которое чаще

затрагивает лишь диктум первой части. В ряде случаев второе суждение не опровергает первое, но лишь устраняет ложное противоречие между ними.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет, 2004. 862 с.
- Зацман И. М., Кружков М. Г., Лоцилова Е. Ю. Методы анализа частотности моделей перевода коннекторов и обратимость генерализации статистических данных // Системы и средства информации. 2017. Т. 27, вып. 4. С. 164–176.
- Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование) : автореф. ... д-ра филол. наук. 2001. 47 с.
- Кудрявцева Н. Б. Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка: монография. М. : МГЛУ, 2006. 168 с.
- Кулакова Е. С. Коннекторы дистанцирования как признак полифонии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (115). С. 121–125.
- Anscombre J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Liège-Bruxelles : Mardaga, 1988. 185 p.
- Assemblée Nationale. Fiche de synthèse n°32: la procédure législative. URL : www2.assemblee-nationale.fr/decouvrir-l-assemblee/role-et-pouvoirs-de-l-assemblee-nationale/les-fonctions-de-l-assemblee-nationale/les-fonctions-legislatives/la-procedure-legislative
- Espace Français.com. Le site de référence sur le français. L'argumentation: Les connecteurs logiques (ou les relations logiques). URL : www.espacefrancais.com/les-connecteurs-logiques/.
- Bab.la. Dictionary for 28 languages. URL : www.babla.ru/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/en-fait
- Décision de la Commission du 20 mai 1988// Journal officiel des Communautés Européennes du 26.02.1990 [Электронный ресурс]. URL : www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX3_1999D0152
- Etudes littéraires. Forums. 07.04.2008. URL : www.etudes-litteraires.com/forum/topic11280-en-effet-en-fait-quelle-est-la-difference.html
- Forsgren M. Les connecteurs de fait, en fait, en effet, effectivement: observations empiriques effectuées dans des contextes descriptifs variés // Syntaxe et sémantiques. 2009. № 1 (10). P. 51–64.

- FrançaisFacile.com. Cours de français 100% gratuits. Méthogologie de l'argumentation. URL : www.francaisfacile.com/exercices/exercice-francais-2/exercice-francais-76932.php
- Libération. 2.05.2007. URL : www.liberation.fr/
- Longeart M. La société et l'Etat. Les théories du contrat social Hobbes, Locke et Rousseau. Syntèse. URL : www.ac-grenoble.fr/PhiloSophie/logphil/notions/etatsoc/esp_prof/synthese/contrat.htm
- Le Petit Robert. P. : S.N.L., 1978. P. 608, 754.
- Le Parisien. Citation célèbre. URL : citation-celebre.leparisien.fr/
- Rossari G. Les opérations de reformulation. Berne : Peter Lang, 1994. 223 p.
- Roulet E. L'articulation du discours en français contemporain. Berne : Peter Lang, 1991. 261 p.
- Traité de Lisbonne [Электронный ресурс]. Rapport d'information N76 (2007–2008) de M. Haerel / déposé le 8 nov. 2007. URL : www.senat.fr/rap/r07-076/r07-076_mono.html

REFERENCES

- Gak V. G. Teoreticheskaja grammatika francuzskogo jazyka. M. : Dobrosvet, 2004. 862 s.
- Zacman I. M., Kruzchkov M. G., Loshhilova E. Ju. Metody analiza chastotnosti modelej perevoda konnektorov i obratimost' generalizacii statisticheskikh dannyh // Sistemy i sredstva informacii. 2017. T. 27, vyp. 4. S. 164–176.
- In'kova-Manzotti O. Ju. Konnektory protivopostavlenija vo francuzskom i russkom jazykah (sopostavitel'noe issledovanie) : avtoref. ... d-ra filol. nauk. 2001. 47 s.
- Kudrjavceva N. B. Diskurs i sistema sochinitel'nyh sojuzov sovremennogo francuzskogo jazyka: monografija. M. : MGLU, 2006. 168 s.
- Kulakova E. S. Konnektory distancirovanija kak priznak polifonii // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2017. № 2 (115). S. 121–125.
- Anscombe J.-C., Ducrot O. L'argumentation dans la langue. Liège-Bruxelles : Mardaga, 1988. 185 p.
- Assemblée Nationale. Fiche de synthèse n°32: la procédure législative. URL : www2.assemblee-nationale.fr/decouvrir-l-assemblee/role-et-pouvoirs-de-l-assemblee-nationale/les-fonctions-de-l-assemblee-nationale/les-fonctions-legislatives/la-procedure-legislative
- Espace Français.com. Le site de référence sur le français. L'argumentation: Les connecteurs logiques (ou les relations logiques). URL : www.espacefrancais.com/les-connecteurs-logiques/.
- Bab.la. Dictionary for 28 languages. URL : www.babla.ru/%D1%84%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%86%D1%83%D0%B7%D1%81%D0%BA%D0%B8

- %D0%B9-%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%BB%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9/en-fait
- Décision de la Commission du 20 mai 1988// Journal officiel des Communautés Européennes du 26.02.1990. URL : www.eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX31999D0152
- Etudes littéraires. Forums. 07.04.2008 [Электронный ресурс]. URL : www.etudes-litteraires.com/forum/topic11280-en-effet-en-fait-quelle-est-la-difference.html
- Forsgren M.* Les connecteurs de fait, en fait, en effet, effectivement: observations empiriques effectuées dans des contextes descriptifs varies // Syntaxe et sémantiques. 2009. № 1 (10). P. 51–64.
- FrançaisFacile.com. Cours de français 100% gratuits. Méthologie de l'argumentation. URL : www.francaisfacile.com/exercices/exercice-francais-2/exercice-francais-76932.php
- Libération. 2.05.2007. URL : www.liberation.fr/
- Longeart M.* La société et l'Etat. Les théories du contrat social Hobbes, Locke et Rousseau. Synthèse. URL : www.ac-grenoble.fr/PhiloSophie/logphil/notions/etatsoc/esp_prof/synthese/contrat.htm
- Le Petit Robert. P. : S.N.L., 1978. P. 608, 754.
- Le Parisien. Citation célèbre. URL : citation-celebre.leparisien.fr/
- Rossari G.* Les opérations de reformulation. Berne : Peter Lang, 1994. 223 p.
- Roulet E.* L'articulation du discours en français contemporain. Berne : Peter Lang, 1991. 261 pp.
- Traité de Lisbonne [Электронный ресурс]. Rapport d'information N76 (2007–2008) de M. Haerel / déposé le 8 nov. 2007. URL : www.senat.fr/rap/r07-076/r07-076_mono.html

УДК 81:801.73

И. В. Хорькова

кандидат исторических наук;
доцент кафедры классической филологии МГЛУ;
e-mail: stauross@yandex.ru

СЕМАНТИКА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С ПРЕФИКСОМ А- У ГАЛЕНА

В статье содержится анализ семантического исследования, предпринятого древнеримским натурфилософом и врачом Галеном в его известном трактате «Об учениях Гиппократов и Платона». Гален рассматривает три прилагательных, образованных при помощи префикса α - и получивших отрицательное значение. В процессе анализа выясняется, что переносное значение этих прилагательных в греческом языке не совпадает с таковым в русском. Это практическое наблюдение важно для перевода с древнегреческого языка. Исследование Галена помогает современному переводчику правильно понять переносное значение упомянутых прилагательных.

Ключевые слова: семантика; словообразование; перевод.

I. V. Khorkova

Ph.D. (History), Assoc. Prof., Classical Philology, MSLU;
e-mail: stauross@yandex.ru

SEMANTICS OF ADJECTIVES WITH A-PREFIX IN THE WORKS BY GALEN

The article analyses a semantic research by the Roman physician and philosopher Galen in his famous treatise “On the Doctrines of Hippocrates and Plato” where Galen looks into the negative meanings of three adjectives formed with the α -prefix. A deeper semantic decomposition of the adjectives allows the author to conclude that there is no direct correlation in the idiomaticity of the Classical Greek and Russian equivalents. This semantic observation has an essential practical implication for translators from Classical Greek into Russian.

Key words: semantics; word formation; translation.

Введение

В настоящей статье мы предлагаем вашему вниманию анализ исследования древнеримского натурфилософа и врача Галена о значении и употреблении нескольких прилагательных, содержащих приставку α -. Это исследование, содержащееся в третьей книге трактата «Об учениях Гиппократов и Платона»¹, весьма интересно с точки зре-

¹ Этот трактат был переведен на русский язык и издан в 3-м и 4-м томах Corpus Galenicum в 2016 г. Автор статьи принимала участие в переводе.

ния лексики древнегреческого языка. Можно сказать, мы имеем дело с попыткой семантического исследования определенной категории слов античным философом.

Основная часть

Основное значение приставки *α-* в древнегреческом языке – «отсутствии», «нехватка», что соответствует русским приставкам *не-* и *без-* / *бес-*. Сама приставка *α-* была воспринята русским языком, она имеет отрицательное значение и указывает на отсутствие признака: алогичный, аморальный. Чтобы понять смысл дискуссии, в рамках которой Галеном исследуется вопрос о значении прилагательных с приставкой *α-*, необходимо сначала сказать несколько слов об авторе трактата.

Клавдий Гален, выдающийся теоретик и практик в области медицины, родился в Пергаме около 130 г. н. э., получил хорошее философское и медицинское образование и имел большую медицинскую практику. Со 162 г. н. э. жил и состоял в Риме придворным доктором трех римских императоров – Марка Аврелия, Коммода и Септимия Севера. Написал более 400 трудов по медицине и философии, из которых до нас дошло 110. Один из них – «Об учениях Гиппократата и Платона» – мы рассматриваем в настоящей статье.

Главным оппонентом Галена в этом трактате является Хрисипп из Сол, философ III в. до н. э., один из основателей стоической философской школы. Основной пункт несогласия между Галеном и Хрисиппом – это вопрос о том, где находится руководящая сила души, в сердце или в головном мозге. В ходе дискуссии Гален обращает внимание на следующий аргумент Хрисиппа: некоторые люди называются лишенными сердца (*ἀκαρδίους*) потому, что все верят, что руководящая сила души находится в сердце. Далее Гален переходит к рассмотрению другого вопроса, а именно, когда и в каком значении употребляются прилагательные с приставкой *α-*. Гален утверждает, что немыслящих (*ἀνοήτων*) и неразумных (*ἄσυνέτων*) никогда не называют лишенными сердца (*ἀκάρδιον*), но не имеющими мозгов (*οὐκ ἔχειν ἐγκέφαλον*), а *ἀκαρδίους* называют робких и трусливых (*τοὺς ἀτόλμους δὲ καὶ δειλοὺς*) [Гален 2016, с. 301, 347]¹. Другими

¹ Поскольку в используемом издании Галена приводится текст на древнегреческом и русском языках, мы даем по две ссылки на оба языка.

словами, глупых называют безмозглыми, трусливых – бессердечными; такой перевод может быть дан, исходя из логики Галена. Правда, в этом конкретном фрагменте автор не употребляет слово «безмозглый», а пользуется описательным οὐκ ἔχειν ἐγκέφαλον («тот, кто не имеет мозгов»). Однако далее, как мы увидим, у него появляется и это слово.

В словаре И. Х. Дворецкого слову ἀκάρδιος дается нейтральное значение «лишенный сердца». Большинство прилагательных, приводимых Галеном в этом фрагменте также образованы прибавлением приставки α-: ἀνοήτος, ἀσύνητος, ἄτολμος. При этом форма ἀνοήτος образована от прилагательного νοητός («умопостижимый, умозрительный») прибавлением приставки α-. В то же время значения ἀνοήτος достаточно разнообразны: «непостигаемый умом», «немыслящий», «неразумный», «безрассудный», «бесмысленный». Прилагательное ἀσύνητος («безрассудный, неразумный, непонимающий чего-то, непонятный») образовано от συνητός («благоразумный, рассудительный, мудрый, проницательный, понятливый, знающий, понятный, осмысленный»). Наконец, ἄτολμος («несмелый, робкий, нерешительный»), в конечном счете, происходит от глагола τολμάω («отваживаться, осмеливаться, решаться»). Таким образом, в каждом случае мы можем перевести приставку α- или как без- (рассудительный – безрассудный), или как не- (разумный – неразумный). В этом же ключе надо понимать и ἀκάρδιος – «несердечный, лишенный сердца, бессердечный». Интересно отметить, что в древнегреческом языке, согласно Галену, бессердечный понимается как «робкий и трусливый», в отличие от русского, где этим прилагательным характеризуют людей холодных, равнодушных, жестоких.

Далее Гален толкует другой аргумент Хрисиппа, малопонятный с его точки зрения, а потому излагаемый своими словами. Аналогично выражению «лишенный сердца» (ἀκάρδιος) употребляют выражение «лишенный нутра» (ἀσπλάγχνος), поскольку сердце находится у человека внутри, а «лишенный мозгов» (τὸ δ' ἐγκέφαλον μὴ ἔχειν) употребляют как «лишенный нутра», поскольку головной мозг является руководящим органом [Гален 2016, с. 303, 349]. В дискуссии появляется новое слово ἄσπλάγχνος (лишенный нутра), также образованное прибавлением приставки α- к существительному τὸ σπλάγχνον (внутренность, утроба, чрево). По-видимому, утверждение Хрисиппа

не лишено логики, поскольку в переносном смысле τὸ σπλάγχνον может переводиться как «сердце» или «душа», как, например, в выражении σπλάγχνα ἐλέους (сердечная жалость, милосердие), и само слово ἄσπλαγχνος может обозначать «малодушный».

Таким образом, по Хрисиппу, все три слова являются взаимозаменяемыми. Гален резко критикует его за это утверждение, и настаивает на том, что и поэты, и простонародье употребляют эти три слова в разных случаях и с разным значением. «Лишенным сердца» (ἀκάρδιος) называют трусливого (δειλὸν), робкого (ἄτολμον), малодушного (ἄνανδρον); «взять сердце» (καρδίαν δὲ λαβεῖν) побуждают, призывая к мужественному деянию. Словом «безмозглый» (ἀνεγκεφάλους) называют говорящих неразумное (ἀνόητον) в отличие от «сообразительных» (ἀρχίνους) и «благоразумных» (ἔννοους). А «лишенными нутра» (ἄσπλαγχνους) именуют «не жалеющих, не любящих никого и вообще не заботящихся о том, хвалят их или порицают, обижают или помогают, но являющихся словно бы безчувственными камнями» (ὡσπερ λίθους ἀναισθήτους)¹ [Гален 2016, с. 304, 351]. Далее Гален подытоживает, «лишенными нутра» зовут тех, кого хотели бы высмеять за полное безчувствие, так же как «лишенными сердца» называют немужественных, безмозглыми – неразумных [там же, с. 305, 351].

Итак, в приведенном фрагменте появляются еще несколько слов с приставкой α-. Это ἄνανδρος (лишенный мужчин, безлюдный, лишенный мужества, малодушный, робкий, трусливый), ἀνεγκεφάλος или κενεγκεφάλος (безмозглый) и ἀναισθήτος (безчувственный, нечувствительный, невосприимчивый, безразличный, безболезненный, неощутимый, незаметный). Первое образовано прибавлением отрицательной приставки αv- к корню ἄνδρ-. Это тот же корень, что и в слове ὁ ἀνὴρ, ἄνδρως (муж, мужчина, человек), второе получилось за счет прибавления к слову ὁ ἐγκεφάλος (головной мозг) либо отрицательной приставки αv- [Гален 2016, с. 303, 350], либо частицы κεν, имеющей оттенок недоверности, условности [там же, с. 304, 351]. Отметим, что слов ἀνεγκεφάλος и κενεγκεφάλος нет в словаре И. Х. Дворецкого, самом полном словаре древнегреческого языка. Третье также образовано прибавлением отрицательной приставки αv- к прилагательному αἰσθητός (воспринимаемый чувствами, чувственный).

¹ Автор статьи приводит собственный перевод фрагментов Галена, который может отличаться от переводов в 3-м томе Corpus Galenicum.

В качестве антонима к слову ἄσπλαγχνος Гален приводит прилагательное μεγάλοςπλαγχνος, состоящее из того же существительного τὸ σπλάγχνον (внутренность) и корня μεγαλ-, основное значение которого «большой, огромный, великий, значительный», т. е. μεγάλοςπλαγχνος может быть переведено как «с большим нутром», «имеющий большие внутренности». Гален поясняет, что этим прилагательным Еврипид характеризует Медею [Гален 2016, Еврипид, ст. 109], столь сильно обуреваемую страстями, что все три внутренние силы в ней равны [Гален 2016, с. 305, 352]. Как раз этот пример позволяет Галену перейти к главной теме своей дискуссии с Хрисиппом, а именно, к вопросу об основных движущих силах души.

Речь идет о распространенном в античной философии делении сил души на три фракции: разумная (τὸ λογιστικόν), воделеющая (τὸ ἐπιθυμητικόν) и яростная (τὸ θυμοειδές). Гален вслед за Гиппократом и Платоном считает, что эти три силы находятся соответственно в головном мозге, печени и сердце [Гален 2016, с. 381, 420]. Рассуждая о Мее Гален продолжает: «Итак, она – “обуреваемая страстями” (μεγάλοςπλαγχνος – многовнутренняя); а “лишенный нутра” (ἄσπλαγχνος) и “маловнутренний” (μικρόσπλαγχνος) – это тот, у которого ничтожны, малы, медлительны и неповоротливы три части души» [Гален 2016, с. 352]. Здесь отчетливо видна попытка Галена увязать значение трех обсуждаемых прилагательных ἀκάρδιος, ἀνεγκεφάλος и ἄσπλαγχνος с тремя основными движущими силами души и, соответственно, с тремя органами человеческого организма. Если два первых прилагательных имеют очень прозрачную форму и не вызывает вопросов их связь с сердцем и головным мозгом, то последнее вызывает сомнения. Слово ἄσπλαγχνος, как уже говорилось, в словаре переводится как «лишенный нутра». Однако существительное, от которого оно образовано τὸ σπλάγχνον обозначает как внутренние органы вообще, так и более конкретно сердце, легкие, печень, почки. По-видимому, на этом значении и строится доказательство Галена, когда он пишет: «Поскольку есть некий третий внутренний орган – печень, в котором размещается воделеющая часть души (τὸ ἐπιθυμητικόν), то следует, что в ней есть некое соответствие родственных движений <...> и плохо устроенный человек по справедливости назывался бы “лишенным нутра” (ἄσπλαγχνος)» [Гален 2016, с. 351]. Иными словами, с одной стороны, Гален связывает

прилагательное ἄσπλαγχνος с печенью и вожделеющей частью души в соответствии со своей концепцией, с другой стороны, соглашается, что «лишенным нутра» является тот, у кого ничтожны, малы, медлительны и неповоротливы все три части души.

Возможно, такая размытость представления о «лишенном нутра» является следствием несерьезного отношения Галена ко всей аргументации, основанной на анализе значения слов. В этом он сам сознается: «Итак, я был вынужден из-за Хрисиппа стать проводником болтовни простолюдинов и Еврипида, чего никогда бы не решился сделать добровольно, приводя доказательства для такого тезиса» [Гален 2016, с. 353]. Во всяком случае факт остается фактом.

Заключение

Итак, что можно сказать по итогам нашего небольшого исследования. Во-первых, приведенные в этой части труда Галена прилагательные с отрицательной приставкой *a-* / *av-*, а именно: ἀνοήτος (неразумный), ἀσύνητος (безрассудный), ἄτολμος (несмелый), ἄνανδρος (безлюдный, немужественный), ἀναίσθητος (бесчувственный, нечувствительный) – переводятся на русский язык соответствующими прилагательными с приставками *без-* / *бес-* и *не-*. Важно отметить это как общее правило для таких прилагательных у Галена. Исходя из этого правила, мы можем перевести прилагательные ἀκάρδιος, ἀσπλάγχνος, ἀνεγκεφάλος как соответственно «бессердечный», «без внутренностей», «безмозглый». Однако здесь нас ожидает некоторое несоответствие кальки (мы имеем в виду буквальный перевод соответствующей языковой единицы) переносному значению слова в древнегреческом и русском языках. Это несоответствие будет хорошо видно из таблицы.

Таблица

Древнегреческий	Переносное значение		Калька
ἀνεγκεφάλος	глупый		безмозглый
ἀκάρδιος	робкий	равнодушный	бессердечный
ἀσπλάγχνος	равнодушный		—

Как видим, прилагательное ἀκάρδιος, калькой которого в русском языке является прилагательное «бессердечный», употребляется в древнегреческом как эквивалент словам «робкий», «трусливый».

Однако в русском языке его синонимами являются прилагательные «равнодушный», «холодный», «жестокий». И именно эти слова могут служить переводом для прилагательного ἀσπλάγχνος, калька для которого в русском языке отсутствует. Это практическое наблюдение важно для перевода с древнегреческого языка. Не всегда уместно переводить калькой слова, образованные прибавлением отрицательных и усилительных частиц и отсутствующие в словаре. Чтобы точно понять конкретного автора, необходимо прежде исследовать его словоупотребление. В данном случае нам помог предпринятый самим Галеном анализ употребления прилагательных ἀκάρδιος, ἀσπλάγχνος, ἀνεγκεφάλος в литературном и народном языке. Вообще же труд переводчика полон таких подводных камней, которые не всегда легко разглядеть. В связи с этим хочется вспомнить замечательное исследование профессора А. Ф. Лосева «История античной эстетики», значительная часть которого посвящена анализу терминологической базы древнегреческих философов, особенно Платона. Скрупулезно и бережно автор рассматривает модификации платоновского языка, стараясь понять точный смысл каждого употребленного слова в последней его глубине [Лосев 1969, с. 143–569].

Второе наше наблюдение касается натурфилософской стороны позиции Галена. Как уже было сказано, Гален разделяет концепцию о том, что человеческой душой руководят три силы: разумная (τὸ λογιστικόν), вожделеющая (τὸ ἐπιθυμητικόν) и яростная (τὸ θυμοειδές). Как врач-практик он увязывает эти три силы с конкретными физическими органами человеческого организма, а именно: разумная сила исходит из головного мозга, яростная – из сердца, вожделеющая – из печени. В эту же концепцию он старается включить и те три прилагательных с приставкой α-, о которых речь шла выше. Если разумная сила (τὸ λογιστικόν), руководимая головным мозгом, слаба или отсутствует вовсе, то человека называют «безмозглым» (ἀνεγκεφάλος). Если в душе недостаточно силы яростной (τὸ θυμοειδές), за которую отвечает сердце, то такого человека называют «бессердечным» (ἀκάρδιος), т. е. робким, трусливым. И, наконец, если существует нехватка в вожделеющей силе (τὸ ἐπιθυμητικόν),

начало которой находится в печени, такой человек получает определение «лишенного нутра» (ἀσπλάγχνος). Такая связь представляется несколько искусственной, что может поставить под сомнение справедливость семантических изысканий Галена относительно рассмотренных прилагательных. Натурфилософ старается подогнать значения слов под свою концепцию. Однако это больше всего касается прилагательного ἀσπλάγχμος, о расплывчатости значения которого мы уже говорили. Во всяком случае, переводчику следует учитывать все эти оговорки при работе с каждым конкретным текстом, где встречается рассмотренная группа слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гален*. Сочинения. Т. 3 / пер. с др.-греч. З. А. Барзах, И. В. Хорьковой. М. : Практическая медицина, 2016. 559 с.
- Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь : в 2 т. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. 1096 с.
- Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М. : Искусство, 1969. 715 с.
- Шок Н. П.* Античная традиция и раннехристианское мировоззрение в теории и практике медицины Римской империи I–III вв. : автореф. дис. ... д-ра истор. наук. Томск, 2014.
- Bowersock G. W.* Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford : Clarendon Press, 1969. 152 p.
- Clarke M. L.* The Roman Mind: Studies in the History of Thought from Cicero to Marcus Aurelius. Harward : Harward University Press, 1956. 168 p.
- De Lacy Ph.* Galen's Platonism // American Journal of Philology. 1972. Vol. 93. P. 27–32.
- Galen and the World of Knowledge / ed. by C. Gill, T. Whitmarsh, J. Wilkins. Cambridge, 2009. 323 p.
- Nutton V.* Galen: Problems and prospects. London : The welcome Institute, 1981. 281 p.
- Tieleman T.* Galen and Chrysippus on the Soul: Argument and Refutation in the De placitis books II–III. Leiden, 1996. 307 p.

REFERENCES

- Galen*. Sochinenija. T. 3 / per. s dr.-grech. Z. A. Barzah, I. V. Hor'kovej. M. : Prakticheskaja medicina, 2016. 559 s.
- Dvoreckij I. H.* Drevnegrechesko-russkij slovar' : v 2 t. M. : Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1958. 1096 s.

- Losev A. F.* Istorija antichnoj jestetiki. Sofisty. Sokrat. Platon. M. : Iskusstvo, 1969. 715 с.
- Shok N. P.* Antichnaja tradicija i rannehristianskoe mirovozzrenie v teorii i praktike mediciny Rimskoj imperii I–III vv. : avtoref. dis. ... d-ra istor. nauk. Tomsk, 2014.
- Bowersock G. W.* Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford : Clarendon Press, 1969. 152 p.
- Clarke M. L.* The Roman Mind: Studies in the History of Thought from Cicero to Marcus Aurelius. Harward : Harward University Press, 1956. 168 p.
- De Lacy Ph.* Galen's Platonism // American Journal of Philology. 1972. Vol. 93. P. 27–32.
- Galen and the World of Knowledge / ed. by C. Gill, T. Whitmarsh, J. Wilkins. Cambridge, 2009. 323 p.
- Nutton V.* Galen: Problems and prospects. London : The welcome Institute, 1981. 281 p.
- Tieleman T.* Galen and Chrysippus on the Soul: Argument and Refutation in the De placitis books II–III. Leiden, 1996. 307 p.

УДК 811.581.11

Н. Ю. Чечина

старший преподаватель кафедры китайского языка
переводческого факультета МГЛУ;
e-mail: nataliachechina@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В МАТЕРИКОВОМ КИТАЕ И НА ТАЙВАНЕ

В статье проводится сопоставительный анализ экономической терминологии общенационального китайского языка материкового Китая и Тайваня. Между путунхуа (КНР) и гоюй (Тайвань) существуют очевидные различия, которые в первую очередь находят отражение в лексике, в частности экономической. В качестве основных причин можно назвать исторически сложившиеся различия в общественном строе и, как следствие, в идеологии социалистического Китая и на острове Тайвань; различную степень открытости внешнему миру; значительное влияние, которое оказали японский и английский языки на лексический состав языка на Тайване.

Ключевые слова: общенациональный китайский язык; путунхуа; гоюй; экономическая лексика; территориальная дифференциация; лексические различия; социальный строй; экономическая система; заимствования; взаимопроникновение лексики.

N. Y. Chechina

Senior Lecturer, Faculty of Translation and Interpretation,
Chinese Language Department, MSLU;
e-mail: nataliachechina@yandex.ru

ECONOMIC TERMINOLOGY OF THE MODERN CHINESE LANGUAGE IN MAINLAND CHINA AND TAIWAN

The article is devoted to economic terminology of the National Chinese language in Mainland China and Taiwan. There are obvious differences between Mandarin and Guoyu, which are primarily reflected in the vocabulary and, in particular, in the economic terms. The main reasons include historical differences in the social structure, and, as a result, in the ideology of Mainland China and Taiwan; varying degrees of openness to the outside world; significant influence that Japanese and English had on the vocabulary of Taiwanese Chinese.

Key words: National Chinese language; Mandarin; Guoyu; economic terms; territorial differentiation; lexical differences; social system; economic system; loanwords; lexical interpenetrations.

Введение

Начиная с XX в. словарный состав современного китайского языка претерпел значительные изменения вслед за преобразованиями, которые происходили в обществе как в материковом Китае, так и на Тайване. Несмотря на то, что на материке и Тайване говорят на общенациональном китайском языке, используется иероглифическая письменность, различия в политической системе и социально-культурных условиях «двух берегов Тайваньского пролива» (海峡两岸 – материковый Китай и остров Тайвань) приводят к территориальной дифференциации языка, что прежде всего проявляется в экономической лексике.

Язык никогда не бывает абсолютно единым, так как наряду с факторами, способствующими формированию его единства, действуют факторы, создающие его неоднородность. Различные вариации языка принято делить на две группы – одни из них носят названия территориальных диалектов, другие известны как его социальные варианты [Серебренников 1970].

Тайвань, являясь провинцией Китайской Народной Республики, неотъемлемой частью ее территории, в силу исторических причин (следствие поражения Китая в Японо-китайской войне 1894–1895 гг.) в период с 1895 по 1945 гг. входил в состав Японии, что не могло не оказать влияния на местную культуру и язык. Сейчас на Тайване явно отслеживается интерференция английского языка и американской культуры. Что же касается языка, то китайский язык на Тайване имеет различия с материковым путунхуа.

Общенациональным языком КНР является путунхуа (普通话 pǔtōnghuà – общепринятый разговорный язык), который на Тайване носит название «گوی» (国语 guóyǔ – государственный язык, сохранено название общенационального китайского языка, принятое после победы Синьхайской революции в Китайской Республике). До того момента, как правительство партии Гоминьдан во главе с Чан Кайши, потерпев поражение в гражданской войне, бежало с материкового Китая на Тайвань, на острове говорили на южноминьском диалекте китайского языка (閩南語 mǐnnánǔ). Однако после переезда на остров правительства, парламента и официальной администрации на Тайване стали активно распространять северный диалект, поскольку именно на нем говорили переселенцы. Ввиду неизбежного сосуществования

этих двух диалектов, гоюй вобрал в себя некоторые признаки южно-миньского диалекта, а последний, в свою очередь, вобрал в себя что-то из гоюй.

Лексические различия между путунхуа и гоюй на примере экономической терминологии

Наиболее значимые различия между путунхуа и гоюй – лексические. Приведем некоторые примеры (см. табл. 1).

Таблица 1

Лексическая единица	Материковый Китай	Тайвань
Географические названия		
Италия	意大利 Yìdàlì	义大利 Yìdàlì
Лаос	老挝 Lǎowō	寮国 Liáoguó
Транспорт		
велосипед	自行车 zìxíngchē	脚踏车 jiǎotàchē
мотоцикл	摩托车 mótuōchē	机车 jīchē
Образование		
бакалавриат	本科 běnkē	大学部 dàxuébù
неполная средняя школа	初中 chūzhōng	国中 guózhōng
Наука и техника		
Интернет	网络 wǎnglù	网路 wǎnglù
программное обеспечение	软件 ruǎnjiàn	软体 ruǎntǐ

Как видим, различия проявляются как в выборе морфем (компонентов слова) для обозначения того или иного понятия, так и в выборе иероглифов для записи звучания слова, даже в тех случаях, когда слово звучит фонетически одинаково в материковом и тайваньском вариантах общенационального китайского языка (как, например, в слове Италия).

Теперь остановимся более подробно на различиях в экономической лексике (см. табл. 2).

Таблица 2

Экономический термин	Материковый Китай	Тайвань
развивающиеся страны	发展中国家 fāzhǎnzhōng guójiā	开发中国家 kāifāzhōng guójiā
развитые страны	发达国家 fādá guójiā	已开发国家 yǐ kāifā guójiā
макроэкономика	宏观经济学 hóngguān jīngjìxué	总量经济学 zǒngliàng jīngjìxué
микроэкономика	微观经济学 wēiguān jīngjìxué	个体经济学 gètǐ jīngjìxué
валовый национальный продукт, ВВП	国民生产总值 guómín shēngchǎn zǒngzhí	国民生产毛额 guómín shēngchǎn máo'ér
средний доход на душу населения	人均收入 rénjūn shōurù	个人所得 gèrén suǒdé

В экономической лексике КНР и Тайваня, как мы видим, также наблюдается использование различных морфем (слов) в качестве компонента слова (словосочетания), обозначающего одно и то же понятие. При этом довольно часто один из компонентов лексической единицы (слог в слове или слово в словосочетании) совпадает в обоих вариантах китайского языка, а вторые компоненты являются синонимами: например, в 发展中国家 и в 开发中国家 (оба словосочетания означают «развивающиеся страны») глаголы 发展 и 开发 являются синонимами и означают «развивать, развиваться». Приведем пример из материалов СМИ КНР и Тайваня.

Материковый Китай

2019年原油价格可能保持在70美元/桶以下，主要原因是产量过剩(其中大部分来自美国)，以及经济增长放缓削弱了欧佩克减产支撑市场的努力。

Тайвань

由于在美中贸易战持续中、Fed升息不确定情况下，国泰金控预测台湾明年经济增长率仅为2.2%...。

Материковый Китай

В 2019 году цены на нефть, возможно, останутся на уровне ниже 70 долларов за баррель. Главная причина – избыток предложений нефти (в основном за счет США), а также замедление экономического роста, которое затрудняет снижение объемов добычи нефти странами ОПЕК для поддержания рынка.

Тайвань

В ситуации неопределенности, когда не прекращается торговая война между США и КНР, а ФРС США повышает процентную ставку, по прогнозам «Cathay Financial Holding» рост экономики Тайваня составит лишь 2,2%...

Различия в экономической лексике современного китайского языка в материковом Китае и на Тайване также проявляются в использовании сложносокращенных слов. «Китайские сложносокращенные слова – это особая часть китайской лексики, они отличаются от обычных слов и от словосочетаний тем, что входят в предложение как целое, выполняя функцию различных членов предложения. Сложносокращенных слов сравнительно много в разговорной речи, специальной лексике, терминологии, где действует принцип сжатости, экономии» [Семенас 2005, с. 111].

Говоря о территориальной дифференциации экономической лексики современного китайского языка, стоит отметить, что на Тайване широко используются некоторые сложносокращенные наименования, в то время как на материке используются словосочетания. Приведем примеры (см. табл. 3).

Таблица 3

Значение	Тайвань	Материковый Китай
дефицит во внешней торговле	外赤 wài chì	外贸赤字 wàimào chìzì
промышленное производство	产制 chǎn zhì	生产制造 shēngchǎn zhìzào

Прежде чем перейти к причинам, которые привели к различиям в лексике (в частности, экономической), хотелось бы отметить общее в экономической жизни «двух берегов»:

1) либерализация экономики Тайваня и экономические реформы в КНР в первую очередь основывались на ведущей роли рынка в экономике, поощрялось создание и развитие частных предприятий;

2) в 50–70-е гг. XX в. невозможно было осуществлять банковские операции между частными банками материкового Китая и Тайваня. Ситуация изменилась только тогда, когда финансовые институты получили возможность свободно осуществлять операции;

3) в отличие от многих западных стран, правительственные органы материка и Тайваня определяли вектор развития экономики. На материке это было обусловлено, в первую очередь, тем, что до начала 1980-х гг. существовала плановая экономическая система. Однако и на сегодняшний день и КНР, и Тайвань используют план в развитии экономики: на материке Государственный комитет по развитию и реформам (发改委) разрабатывает 5-летние планы развития национальной экономики, на Тайване Совет по экономическому планированию и развитию (经建会) – 6-летние планы.

Заключение

Если проанализировать наиболее общие причины различий в лексике общенародного китайского языка материкового Китая и Тайваня, то можно выделить следующие:

1) различия в социальном строе и, как следствие, различия в идеологии. Что касается Тайваня, то социальный строй не претерпел каких-либо качественных изменений, во многих сферах общественной деятельности сохранялись и наследовались старые понятия, поэтому можно сказать, что и язык в определенной степени сохранил «прежний облик», в частности лексика гоюй также не претерпела значительных изменений после 1949 г. (год образования КНР).

В материковом же Китае после 1949 г. социальный строй претерпел значительные изменения, неоднократно проводились политические реформы – всё вышперечисленное неизбежно оказывало влияние на все сферы жизни общества, в том числе идеологию, нравы, обычаи и, естественно, язык. Таким образом, во-первых, большая часть старой лексики ушла из путунхуа материкового Китая (однако сохранилось в гоюй), а во-вторых, появилась лексика, которая отражала специфические понятия, связанные с социализмом или историческими процессами, происходящими в материковом Китае, например: 改革开放 *gǎifàng kāifàng* – политика реформ и открытости; 社会主义市场经济 *shèhuìzhǔyì shìchǎng jīngjì* – социалистическая рыночная экономика и др. На Тайване отсутствовали социально-политические предпосылки для появления подобной лексики;

2) различия в уровне открытости и контактах с внешним миром. Тайвань долгое время находился под протекторатом Японии, таким образом в язык проникло большее количество заимствований из японского языка. Начиная с 1949 г. Тайвань оказался под влиянием США, которое распространилось на все сферы общественной жизни, и лексика значительно пополнилась заимствованиями из английского языка. Для новых понятий чаще всего использовался фонетический способ заимствования, реже – семантический.

Что касается общенародного языка материкового Китая, стоит отметить, что английский и японский языки не оказали такого заметного влияния на путунхуа, как на гоюй, поэтому количество заимствованных слов на материке значительно меньше, чем на Тайване. Кроме того, чаще всего новые слова заимствовались методом калькирования. С началом политики реформ, 40 лет назад, ситуация в КНР изменилась, контакты с другими странами укрепляются, Китай намеренно расширяет открытость внешнему миру, и, как следствие, появилось больше заимствованной лексики, особенно активное проникновение в путунхуа заимствованных слов (в основном, из английского языка) происходило в 80–90-е гг. XX в.

На настоящий момент разница в лексике материкового и тайваньского китайского языка превышает 500 лексических единиц [Онлайн энциклопедия Байкэ URL] (не учитывая разницу в произношении отдельных слов и морфем), однако следует отметить, что вслед за углублением политики реформ и открытости и усилением контактов между материковым Китаем и Тайванем, начался процесс взаимного проникновения лексики, а лексические различия постепенно стираются. Такие слова, как 越洋电话 *yuèyáng diànhuà* – *международный телефонный разговор*, 雷射 *léishè* – *лазер*, 比基尼 *bǐjīní* – *бикини* и другие, пришли на материк из Тайваня.

Вполне вероятно, что с течением времени взаимное проникновение лексики и смешение путунхуа и гоюй будет становиться всё очевиднее и вслед за окончательным воссоединением «двух берегов» лексика в определенной степени также станет единой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Никулин В. Е., Хоречко У. В. Разница между китайским «путунхуа» и языком на Тайване // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). С. 1499–1501.

Онлайн-словарь различий в лексике материкового Китая и Тайваня 大陆和台湾词语差别词典. URL : m.ishare.iask.sina.com.cn/f/15642111.html (дата обращения: 16.01.2019).

Онлайн-энциклопедия Байкэ. Статья 海峡两岸生活用语对照表. URL : www.baike.com/wiki/%E6%B5%B7%E5%B3%A1%E4%B8%A4%E5%B2%B8%E7%94%A8%E8%AF%AD%E5%AF%B9%E7%85%A7%E8%A1%A8 (дата обращения: 10.01.2019).

Семенов А. Л. Лексика китайского языка. М. : АСТ : Восток-Запад, 2005. 310 с.
Серебрянников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 451–501.

REFERENCES

Nikulin V. E., Horechko U. V. Raznica mezhdu kitajskim «putunhua» i jazykom na Tajvane // Molodoj uchenyj. 2015. № 10 (90). S. 1499–1501.

Onlajn-slovar' razlichij v leksike materikovogo Kitaja i Tajvanja 大陆和台湾词语差别词典. URL : m.ishare.iask.sina.com.cn/f/15642111.html (дата обращения: 16.01.2019).

Onlajn-jenciklopedija Bajkje. Stat'ja 海峡两岸生活用语对照表. URL : www.baike.com/wiki/%E6%B5%B7%E5%B3%A1%E4%B8%A4%E5%B2%B8%E7%94%A8%E8%AF%AD%E5%AF%B9%E7%85%A7%E8%A1%A8 (дата обращения: 10.01.2019).

Semenas A. L. Leksika kitajskogo jazyka. M. : AST : Vostok-Zapad, 2005. 310 s.
Serebrennikov B. A. Territorial'naja i social'naja differenciacija jazyka // Obshee jazykoznanie. Formy sushhestvovanija, funkcii, istorija jazyka. M., 1970. S. 451–501.

УДК 81'373

Е. О. Шевелева

кандидат филологических наук;
доцент кафедры лексикологии английского языка
факультета английского языка МГЛУ; e-mail: shevelev28@mail.ru

**ОТ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ
К КОМПЕТЕНЦИЯМ ОБУЧАЮЩИХ:
ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ
ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В ВУЗЕ
(на примере преподавания английского языка)**

В статье рассматриваются принципы, лежащие в основе разработки компетентностного подхода к профессиональной деятельности преподавателей иностранных языков в средней школе и высших учебных заведениях. Анализируются понятия «компетенция», «компетентность» и «профессиональная компетенция», предлагаются пути совершенствования ключевых компетенций преподавателей ИЯ, уделяется особое внимание разработке и внедрению инструмента оценки уровня профессиональной компетенции для преподавателей иностранных языков, также рассматривается понятие «универсальная категория» и анализируются способы объективации категории *Power* в современном английском языке.

Ключевые слова: компетенция; профессиональная компетенция; универсальная категория; массмедийный дискурс; семантическая компетенция.

E. O. Sheveleva

PhD (Philology); Associate Professor at the Department of English Lexicology,
Faculty of the English Language, MSLU; e-mail: shevelev28@mail.ru

**FROM LANGUAGE LEARNERS' COMPETENCES
TO LANGUAGE TEACHERS' COMPETENCES:
WAYS OF DEVELOPING PROFESSIONAL COMPETENCES
OF FOREIGN LANGUAGE TEACHERS AT HEIS**

The paper looks at the principles underlying the development of the competence-based approach to the professional activity of FL teachers at schools and HEIs. The article analyzes the terms *teacher competence*, *teaching competence*, and *professional competences*, gives a detailed description of a tool which serves to evaluate and assess FL teachers' professional competences, concentrates on teachers' knowledge of universal categories and their language representations. The author defines the term 'a universal category' and analyzes how the category of *Power* manifests itself in contemporary English.

Key words: competence; professional competence; universal category; mass media discourse; semantic competence.

Введение

В настоящее время методическим сообществом принят компетентностный подход к обучению иностранным языкам. Между тем в современной образовательной парадигме компетентностный подход, укрепившийся в сфере преподавания иностранного языка и в сфере освоения иностранного языка, переходит от концепта, сквозь призму которого рассматривается уровень владения иностранными языками обучающимися, к концепту, определяющему профессиональную деятельность педагога как в школе, так и в вузе. Способы деятельности, которые в силу профессии приходится осуществлять преподавателю, постоянно изменяются, трансформируются, и уровень профессионализма преподавателя определяется его способностью делать то, чего раньше ему делать не приходилось, а именно: раздвигать границы своей специальности, искать пути расширения профессиональных интересов, преодолевать устаревшие профессиональные установки и сложившиеся стереотипы. В связи с этим оправданным представляется мнение Н. Н. Нечаева в том, что человек становится профессионалом, отвечающим современным требованиям, тогда, когда перестает быть специалистом [Нечаев 2013, с. 9] в узком смысле этого слова.

Профессиональный портрет преподавателя иностранного языка

В 2013 году под эгидой Европейской комиссии был реализован проект под названием «Teacher Professional Development», итогом которого стало издание в помощь преподавателям ряда брошюр и материалов, где подробно рассматриваются: что такое профессиональные компетенции преподавателя, какие умения стоят за каждым из видов компетенций, какие существуют пути их совершенствования. В частности, в изданиях «Supporting teacher competence development: for better learning outcomes» (июль 2013. URL: ec.europa.eu/assets/eac/education/policy/school/doc/teachercomp_en.pdf) и «Supporting teacher educators: for better learning outcomes» (октябрь 2013. URL: ec.europa.eu/assets/eac/education/policy/school/doc/support-teacher-educators_en.pdf) подчеркивается, что профессиональная компетенция преподавателя представляет собой динамичную комбинацию когнитивных и метакогнитивных умений, которые включают в себя следующие фундаментальные аспекты: умение думать как преподаватель, умение

знать как преподаватель, умение чувствовать как преподаватель, умение действовать как преподаватель.

Первый аспект профессиональной компетенции преподавателя заключается в формировании и развитии педагогического мышления, т. е. умения в процессе обучения-научения совмещать цели и средства.

Второй аспект профессиональной компетенции преподавателя заключается в знании преподаваемого предмета, знании современных образовательных технологий, знании культурно-исторического контекста, знании процедуры и критериев оценки.

Третий аспект связан с формированием профессиональной идентичности преподавателя, что включает в себя следующие параметры: преданность профессии, уверенность в себе и свои знаниях и умениях, доверие и уважение студентов, инициативность, желание совершенствоваться, жажда информации.

Четвертый аспект – эффективность преподавания. Она обусловлена, в частности, способностью преподавателя принимать во внимание и адаптироваться к изменению следующих переменных (variables): изменения в учебной программе, владение аудиториями, использование разнообразных преподавательских стратегий, умение поддерживать рабочий климат в аудитории, желание получить feedback и умение грамотно на него отреагировать.

Преподаватель, как подчеркивают авторы документа, – это личность, чей педагогический портрет складывается из следующих черт: *the teacher as a reflective agent; the teacher as a knowledgeable expert; the teacher as a skillful expert; the teacher as a classroom actor; the teacher as a social agent; the teacher as a lifelong learner* (ec.europa.eu/assets/eac/education/policy/school/doc/support-teacher-educators_en.pdf).

Как известно, одной из новых перспективных технологий обучения иностранному языку является «языковой портфель». Он получил широкое распространение в системе языкового образования как гибкий инструмент, обеспечивающий преподавателя системой оценки языковых компетенций обучающихся в зависимости от реально достигнутого ими уровня владения иностранным языком, а студента – критериями самооценки и стратегиями и тактиками дальнейшего совершенствования и самосовершенствования.

В настоящее время за рубежом ведется активная работа по разработке и внедрению аналогичного инструмента оценки уровня

профессиональной компетенции для преподавателей иностранных языков. Каковы же блоки компетенций, которые необходимо не просто сформировать, но и развивать в течение преподавательской деятельности?

1. Знать педагогический контекст означает понимать те задачи, которые ставят перед преподавателем государственные образовательные стандарты, знать принципы, на которых строится система лингвистического образования и уметь интегрировать содержание этих принципов в свою преподавательскую деятельность.
2. Знать цели и потребности своих студентов при изучении ими иностранного языка означает понимать и принимать общие, долгосрочные, и частные, краткосрочные, потребности, цели и мотивацию к изучению иностранного языка.
3. Знать методологию – это уметь добиваться поставленной образовательной цели с помощью совокупности преподавательских приемов.

Какими умениями должен при этом обладать преподаватель иностранного языка? Рассмотрим ряд показательных примеров из личной практики автора статьи.

1. Are dog shows appealing?
2. Why are dog shows appealing?
3. Look at this picture and say what makes dog shows so appealing.

Как видно из примеров, вопрос 1 представляет собой так называемый закрытый вопрос, поскольку ответом на него может быть *Yes, No, I don't know*. Такой тип вопроса закроет коммуникацию и не будет способствовать дальнейшей дискуссии. Вопрос 2 является более удачным, поскольку дает студенту возможность определить причины привлекательности такого соревнования, как выставка собак. Пример 3 представляет собой наиболее удачный способ стимулирования обучающихся высказаться по заявленной проблематике. Картинка служит не только средством визуализации, но и своеобразной подсказкой того, что обычно происходит на таких выставках.

Задание же сформулировано в виде проблемной ситуации, а не вопроса, что дает обучающемуся более широкое поле для фантазии при ответе.

Следующее умение – это умение оценить виды деятельности, способствующие формированию такого параметра монологической и диалогической деятельности, как беглость (предложить обсуждение, ролевую игру, проблемную дискуссию, круглый стол и пр.).

4. You are planning a holiday. Imagine discussing the options with your family after the telephone conversation with the travel agent.

Student A: Describe the options in brief. Do not give details immediately. Provide relevant details when asked.

Student B: Ask additional questions. Try to find out more information about the chateau. Canvass for going there on holiday. Give arguments.

Еще одним важнейшим умением современного преподавателя иностранного языка является умение оценить и выбрать виды деятельности для того, чтобы познакомить обучающихся с различными коммуникативными ситуациями иноязычного общения: телефонный разговор, публичное выступление, разговор в гостинице, в банке, в ресторане и т. п.

5. Imagine being a news reporter. You are having a live broadcast. Here are some breaking news headlines. Choose a headline and act out a live broadcast. Use as many appropriate weather expressions, weather idioms and weather confusables as you can.

Эффективным путем совершенствования этого блока компетенций является, на наш взгляд, активное использование для поиска, оценки и выбора наиболее подходящих материалов и видов заданий под конкретные виды речевой деятельности и конкретный тренируемый навык различных интернет-ресурсов. В этой связи интернет-пространство представляет собой неиссякаемый источник аутентичных материалов, которые преподаватель может с успехом инкорпорировать в свою деятельность (TEDtalks, учебные материалы на официальных сайтах British Council, Cambridge Language Assessment, материалы, предлагаемые European Centre for Modern languages, корпусы аутентичных текстов в British National Corpus).

Универсальные категории и их языковые репрезентации в современной образовательной практике

Одним из показателей сформированности профессиональной компетенции современного лингвиста – преподавателя иностранных языков может служить знание универсальных категорий и их языковых репрезентаций. Под универсальными категориями мы понимаем масштабные ментальные конструкторы, блоки знаний о наиболее значимых в гносеологическом, онтологическом и антропологическом плане фрагментах действительности, реализующихся в языке в виде пласта разноструктурных единиц. Одной из таких сложных, многофокусных категорий является категория *Power* (*Сила*), многочисленные проекции которой наблюдаются в современном политическом дискурсе. Новостной массмедийный дискурс служит ярким примером гибридной формы представления информации, где авторы сообщения (журналисты) нередко намеренно увеличивают численность вербализаторов той или иной концептуальной разновидности какой-либо категории (в данном случае *Power*) с целью достижения желаемого манипулятивного эффекта [Шевелева 2018].

Как известно, лингводидактическая цель преподавателя, ведущего занятия по аспекту «Язык средств массовой информации», – познакомить студентов с особенностями «языка газеты» как в печатной прессе, так и в электронных СМИ. Задача преподавателя – сформировать у обучающихся умение вникнуть в социокультурный контекст статьи или сообщения, понять подтекст сообщения и почувствовать манипулятивный градус, опираясь главным образом на языковую (и на внеязыковую, например просодическую) составляющую письменного или звучащего текста. В этой связи знание преподавателем вербального воплощения универсальных категорий может значительно обогатить образовательную практику.

Показательным примером в современном массмедийном пространстве служат новостные сообщения с упоминанием России. Нагнетание негативизма вокруг действий руководства Российской Федерации внутри страны и за ее пределами находит свое прямое воплощение в текстах новостных сообщений, где вскрытию подлежат те концептуальные разновидности *Power*, вербализаторы которых несут ярко выраженную семантику войны, агрессии, насилия, незаконности.

Например, вербализаторы *War*, такие как названия единиц военной техники, боевых орудий, описание маневров, служат средством придания России образа милитаризованной державы:

6. Speaking in a nationally televised address to the country's political elite weeks before the presidential election, Putin showed a video and animation of *ICBMs, nuclear-powered cruise missiles, underwater drones* and other *weapons* that he said Russia had developed as a result of the US pulling out of the 1972 anti-ballistic missile treaty signed with the Soviet Union (www.theguardian.com).
7. *Authoritarian* former spy Vladimir Putin, who has *ruthlessly* sidelined any candidates with the *potential* to end his 17-year *reign* and who exerts *control* over the national media, will win another six-year term. It is sham democracy. Russia under Mr Putin increasingly resembles a rogue state. Consider some of its recent *crimes*: the *attempted murder* with the *military* chemical *weapon* of a former Russian double-agent and his daughter in regional England, the latest in a series of similar *outrages*, including murders, in the UK; interference in the US 2016 election; attempts to interfere in some European elections; the development of *nuclear* and *cyber weapons*; the 2014 *annexation* of Crimea; the associated *military* downing of civilian flight MH17 over Ukraine, causing the death of 298 people, including 80 children; and ongoing *attempts to destabilize* Ukraine (www.theage.com.au).

Исследование текстового материала в примере 7 позволяет заключить, что языковые единицы семантики *Power*, являясь центральными элементами повествования, выполняют текстообразующую функцию. Семантика единиц *authoritarian, ruthlessly, potential, reign, control, crimes, attempts, murder, military, weapon, outrages, annexation, destabilize* реализует такие концептуальные разновидности *Power*, как «власть», «энергия», «контроль», «насилие», «агрессия», «война», «незаконность», формируя концептуальный каркас как данного конкретного фрагмента текста, так и статьи в целом. Как видим, речь идет о конкретных когнитивных основаниях выбора лексики, составляющей текст англоязычной новостной статьи в части создания образа России. Изучение подобных принципов формирования новостных сообщений различной тематики на занятиях по иностранному языку может способствовать моделированию принципов создания авторами статей определенных ситуаций, что обеспечит лучшее понимание иноязычного дискурса в процессе изучения иностранного языка.

Таким образом, практическая ценность знания универсальных категорий и средств их воплощения в языке определяется их несомненным лингводидактическим потенциалом и возможностью использования в образовательной практике при формировании лингвистической (лексическо-семантической и социолингвистической) компетенции обучающихся.

Как известно, семантическая компетенция заключается в знании возможных способов выражения определенного значения и в умении их использовать, поэтому вопросы, связанные с разграничением значений, – центральные для коммуникации. В этой связи одной из лингводидактических задач преподавателя иностранного языка является умение ознакомить обучающихся с различными способами передачи определенного смыслового содержания средствами изучаемого языка, например посредством изучения близких синонимов, вербализующих одну и ту же универсальную категорию, через анализ их лексикографического портрета. В частности, важными для понимания сущности категории *Power* являются особенности представленности данной универсальной категории в семантике его гипонимов *strength* и *force*. Как известно, вопрос в разграничении синонимов является ключевым не только в чисто лингвистическом научном плане, но и учебном процессе. В этой связи полезным заданием могло бы стать изучение употребления рассматриваемых единиц в контексте¹:

8. Study the following contexts and say what meanings the word strength has in them.
 - a. It may take a few weeks for you to build up your **strength** again.
 - b. He had a physical **strength** that matched his outward appearance.
 - c. You have shown great **strength** of character [OALD 2005, c. 1517].

9. Study the following contexts and say what meanings the word force has in them.
 - a. The rioters were taken away by **force**.
 - b. The shopping centre took the full **force** of the blast.
 - c. They realized the **force** of her argument [OALD 2005, c. 605].

10. Explain the difference between the lexical units strength and force. What makes them different?

¹ В связи с ограниченным объемом статьи здесь и далее приведены только фрагменты упражнений.

При изучении контекстов становится очевидным, что такая разновидность *Power*, как *strength* связана прежде всего с характеристикой определенной потенциальной способности субъекта (человека или неодушевленного предмета): физическими способностями, жизненными (психологическими) силами, отличительными чертами характера, числовыми показателями концентрации вещества или количества человек. В то же время в семантике слова *force* очевидно прослеживается признак «активная деятельность», т. е. ключевым концептуальным элементом, проводящим демаркационную линию между этими синонимами, является элемент «действие». Таким образом, *strength* – в большей степени статическая категория, тогда как *force* реализуется в динамике.

Заключение

Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы показать комплексность понятия «профессиональная компетенция» современно-го лингвиста – преподавателя иностранного языка. Как видим, компетентностный подход к оценке профессиональной деятельности преподавателя является эффективным средством проверки качества лингвистической, лингводидактической и научной подготовки его как специалиста. Профессиональная компетенция, как указывает Н. Ф. Коряковцева, представляет собой совокупность деятельностных и личностных характеристик, обеспечивающих целостность преподавателя, его постоянное и всестороннее развитие [Коряковцева 2013, с. 47]. Кроме того, нами было показано, что знание универсальных категорий и особенностей их языковых репрезентаций открывает перед лингвистом широкие возможности совершенствования и в качестве преподавателя, и в качестве исследователя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коряковцева Н. Ф. Эффективна ли существующая оценка качества иноязычной подготовки? // Современная лингвистика: стратегические цели, управленческие решения и оценка качества: тез. докл. Междунар. науч.-практ. семинара. Москва, 12–13 ноября 2013 г. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 46–48.
- Нечаев Н. Н. Психолого-педагогические аспекты оценки качества профессиональной языковой подготовки // Современная лингвистика: стратегические цели, управленческие решения и оценка качества : тез. докл.

Международ. науч.-практ. семинара. Москва, 12–13 ноября 2013 г. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2013. С. 8–10.

Шевелева Е. О. Открытие Крымского моста: негативизация события западными СМИ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 8 (799). С. 218–230. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/8_799.pdf

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2005. 1780 p.

REFERENCES

Koryakovceva N. F. Effektivna li sushchestvuyushchaya ocenka kachestva inoyazychnoj podgotovki? // Sovremennaya lingvistika: strategicheskie celi, upravlencheskie resheniya i ocenka kachestva : tez. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. seminar. Moskva, 12–13 noyabrya 2013 g. М. : FGBOU VPO MGLU, 2013. S. 46–48.

Nechaev N. N. Psihologo-pedagogicheskie aspekty ocenki kachestva professional'noj yazykovoj podgotovki // Sovremennaya lingvistika: strategicheskie celi, upravlencheskie resheniya i ocenka kachestva : tez. dokl. Mezhdunar. nauch.-prakt. seminar. Moskva, 12–13 noyabrya 2013 g. М. : FGBOU VPO MGLU, 2013. S. 8–10.

Sheveleva E. O. Otkrytie Krymskogo mosta: negativizaciya sobytiya zapadnymi SMI // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2018. № 8 (799). S. 218–230. URL : libranet.linguanet.ru/prk/Vest/8_799.pdf

Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 2005. 1780 p.

УДК 491.71 (575.3)

С. Ш. Халимова

кандидат филологических наук;
доцент кафедры истории языка и типологии
Таджикского национального университета;
e-mail: safargul_68@mail.ru

СЛОВО «ДУРАФШ / DURAFŞ» В «ШАХНАМЭ» АБУЛЬКАСИМА ФИРДОУСИ

В статье рассматривается первый флаг таджиков – флаг Кавэ. Автор описывает историю появления флага (*дурафш / дурарфш – durafş / dirafş*), который является символом армии и власти; анализирует лексику, используемую при его описании и выражающую национальные ценности. Материалом для исследования послужила поэма «Шахнамэ» Абулькаси́ма Фирдоуси. Синонимами флага в «Шахнамэ» Фирдоуси являются *akhtar – звезда, manjuk – знамя, штандарт; ajdahо – дракон*.

Ключевые слова: флаг; знамя; символ государства и армии; высококачественные ткани; драгоценные камни и металлы; цвет флага; «Шахнаме»; Абулькасим; Фирдоуси.

S. Sh. Halimova

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Language History and the Typology of the Philology Faculty, Tajik National University;
e-mail: safargul_68@mail.ru

THE WORD “DURAFSH” IN “SHAHNAME”’S OF ABULKASIM FIRDOUSI

The article is devoted to the first flag of the Tajiks – the Kave-flag. The author looks into the history of the flag (*durafş / dirafş*) which is the symbol of the army and power; he also analyses the vocabulary of national values used in its description. The research is based on the poem Shah Namah by Ferdowsy. As synonyms of the flag in Shah Namah the poet selects the words *akhtar (star), manjuk (banner), ajdahо (dragon)*.

Ключевые слова: flag; banner; symbol of the state and the army; high-quality fabrics; precious stones and metals; the color of the flag; Shah Namah; Abolqasem; Ferdowsi.

Введение

В современном таджикском языке понятия «флаг» и «знамя» обозначаются терминами «парчам» и «дирафш», соответственно. Слово *дурафш* / *درفش* в «Словаре пахлавийского языка» объясняется так: *drafsh* – флаг, от др.-перс. *drapsh* [Фарҳанги забони паҳлавӣ 1381/2003, с. 125].

Рассмотрим слово *дурафш* / *дирафш* – *флаг, знамя, стяг* в одной из поэм «Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси (934–1020), великого персидско-таджикского поэта, который работал над поэмой в течение 30 лет и использовал исконно персидскую лексику. «Шахнамэ» (перс. *شاهنامه* – «Книга царей») – памятник персидско-таджикской литературы X в., национальный эпос иранских народов. В «Шахнамэ» поэт описывает историю Ирана от древних времен до проникновения ислама в VII в.

«Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси является одним из шедевров не только персидско-таджикской, но и мировой литературы. «Всемирная история знает яркие, насыщенные грозными событиями периоды, которые Стефан Цвейг образно назвал «звездными часами человечества». В эти эпохи самые передовые представители своего времени, те, кого справедливо именуют совестью народной, остро и сильно переживая драматические ситуации своей эпохи, создают великие творения человеческого духа. К числу подобных произведений, отразивших в высокохудожественной форме духовный и общественный подъем народов, относятся: «Махабхарата» и «Рамаяна», «Илиада» и «Одиссея», «Божественная комедия» Данте и трагедии Шекспира. В этом ряду стоит и «Шахнаме» гениального Фирдоуси» [Гафуров 1972, с. 253].

«Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси состоит из 120 тысяч бейтов (двустийший), т. е. из 220 тыс. строк. На кириллице эта книга состоит из 10 томов. Абулькасим Фирдоуси так сказал о своей эпической поэме «Шахнамэ», которая была делом его жизни:

Биноҳои обод гардад хароб,
Зи борону аз тобиши офтоб.
Пай афкандам аз назм кохе баланд,
Ки аз боду борон наёбад газанд.
Намирам аз ин пас, ки ман зиндаам,
Ки тухми суханро парокандаам [Фирдоуси 2009, т. 10].

Я воздвиг своей поэмой высокий замок,
Который не сокрушат ни ветер, ни дождь.
Годы протекут над этой книгой,
И всякий умный будет ее читать,
Я не умру, я буду жить,
Потому что я посеял семя словесное¹.

Слово *дурафш* / *дирафш* – *флаг, знамя, стяг* как символ государственной власти, армии и воинской доблести широко употребляется в «Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси в разных значениях. Мы приведем примеры 500 бейтов, в которых использовано слово *дурафш*.

Судя по «Шахнамэ» персы с трепетом относились к своему флагу, который всегда водружали на самой высокой точке и он развивался над дворцом, крепостью, башнями и стенами города:

Шабехун сиголидаву сохта,
Синонро ба абр - андар афрохта.
Чу омад, сипах дид бар чои хеш,
Дурафши фурузанда бар пой пеш [Фирдавси 2009, ч. 1, с. 201].

И знамя вознес над зубцами стены.
Шируй, ослепительный стяг различив,
Добравшись, увидели рать на ногах,
И *стяг, вознесенный злодеям на страх* [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 26]

Водружение флага означало победу. Знамя, развевавшееся перед бегущими в атаку воинами, символизировало собой победоносность войска, сражавшегося под ним. Войска, увидев поднятый флаг, воодушевленно шли в бой. Поэтому во время наступления при необходимости флаг держали даже зубами.

Первым флагом у таджиков был флаг кузнеца Кавэ. Согласно персидской мифологии: господствовавший царь Заххак, саммит, подружился с Ахриманом (олицетворение злой силы). Ахриман поцеловал плечи Заххака, и на месте этих поцелуев у Заххака выросли два змея, которые не давали ему покоя. Во второй раз Ахриман прибыл к Заххаку и посоветовал ему ежедневно кормить змей головами юношей, чтобы их успокоить. Идя на поводу у Ахримана, по приказу жестокого Заххака каждый день убивали молодых людей и готовили корм.

¹ Перевод Семена Липкина.

У кузнеца Кавэ было 18 сыновей. Головы семнадцати из них были отданы на съедение чудовищным змеям, растущим из плеч Заххака. Когда настал черед 18-го сына, Кавэ прикрепил свой кожаный кузнецкий фартук к древку копья и, высоко поднимая его как знамя, привел восставший народ к Фаридуну, законному наследнику царей из рода Пешдадидов – первой династии царей Ирана. Фаридун признал знамя Кавэ символом блага, украсил полотнище золотой четырехлучевой звездой, драгоценными камнями и лентами красного, желтого и фиолетового цветов и назвал «Дирафши Кавияни». Четырехлучевая звезда дала стягу Фаридуна другое название – «Ахтари Кавиян» («Кавиева звезда»):

«Дирафши Кавияни» стал символом Кайянидов – второй династии царей Ирана, а впоследствии – государственным флагом Ирана при династии Аршакидов (250 до н. э. – 224) и Сасанидов (224–651).

Флаг Кавы был разграблен арабами во время завоевания ими Ирана в середине VII в.

Абулькасим Фирдоуси подробно описывает ткань, которая пошла на изготовление флага; драгоценные камни, украшавшие полотнища; размер и форму флага и изображения на нем; цвета и их значения для народа и психологического воздействия на войско (поднятия духа) и т. д.

Цель статьи – проанализировать лексику, описывающую флаг, которую мы разделили на три группы.

Лексика, обозначающая украшение

Иранцы создали могущественные государства Ахеменидов, Сасанидов и Саманидов, опыт которых до сих пор изучается всё человечество. Они с роскошью украшали свои дворцы, трон, корону и герб. Из бейтов Абулькасима Фирдоуси видно, что украшению флага персидские правители придавали особое значение.

Названия тканей. По приказу персидских царей на флаг шли самые высококачественные материалы. Для полотнища использовали: *парниён* (parniyon – род шелковой материи), *дебо* (debo – вид ткани), *харир* (harig – шелк), *паранд* (parand – вид ткани), которые в то время были самыми качественными тканями:

Чу он нўст бар найза – бар дид кай,
Ба некї яке ахтар афканд пай.
Биёрот онро ба дебои Рум,

Зи гавҳар бар ӯ пайкару зар-ш бум.
 Бизад бар сари хеш чун гирдмоҳ,
 Яке фоли фаррух пай афканд шох,
 Фуру Ҳишт з-ӯ сурху зарду бунафш,
 Ҳаме хондаш «Коваёни дурафш»
 [Фирдавси 1964, ч. 1, с. 99].

И кожу, что поднял кузнец на копье,
 Царь знаменем сделал, украсив ее.
 Румийской парчой, ослепляющей взор:
 На золоте чистом алмазный узор.
 Почтил ее царь, добрый видя в ней знак.
 Вознесся, как месяц, сияющий *стяг*.
 Он был золотист и лазорев, и ал,
 Владыка его *кавейнским* назвал
 [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 65–66].

Рис. Реконструкция
 штандарта
 «Дирафши-Кавияни»

Яке зард хуршедпайкар дирафш,
 Сараш моҳи заррин гилофаш бунафш [Фирдавси 1964, ч. 2, с. 256].
 Стяг *желтого шелка*, диск солнечный – герб,
 На древке блестит полумесяца серп [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 10].

Названия драгоценных металлов. Копье флага изготовили из золота и серебро: *зар* (zar) – золото, *заррин* (zarrin) – золотой, *сим* (sim) – серебро, *симин* (simin) – серебряный.

Символична роль золота как солнечного металла, в то время как серебро ассоциируется с Луной, отчетливо прослеживается в древнеиранской культуре

Дурафшаш бубин, аждаҳопайкар аст,
 Бар он найза бар *шери заррин* сар аст [Фирдавси 1988, ч. 2, с. 256].
 На стяге – дракон, извергающий дым,
 А *древко увенчано львом золотым* [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 10].

Золотая и серебряная луна были символом могущества, олицетворением ступени, которую нельзя победить, а лев обозначал могущество правителя, храбрость и мужество.

Названия драгоценных камней. Флаг украшал жемчуг – *гуҳар* / *гавҳар* (gavhar / gouhar), рубин – *лаъл* (la'l) и лазурит – *лочувард* (lojvard). Под порывами ветра и лучами солнца они блестели, что поднимало дух войска и приближало победу:

Яке шерпайкар дурафши бунафш,
Дурафшон *гухар* дар миёни дурафш [Фирдавси 1988, ч. 2, с. 278].

Над ними лиловое знамя со львом,
Алмазы на знамени том боевом [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 10].

Лексика, обозначающая размеры, узоры и эмблемы флага

Флаг как символ государства и армии, считался гордостью народа. Флаг всегда водружали на высокой точке, и он развевался выше людей, лошадей, верблюдов и слонов. Высотой флага правители показывали свое преимущество противоборствующей стороне:

Сўйи Гургсорон, сўйи Бохтар,
Дурафши хучаста барафрохт сар [Фирдавси 2007, ч. 2, с. 366].

К далекому Западу, в Кергесаран,
Свой *стяг величавый* помчал великан [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 45].

В некоторых бейтах Абулькасим Фирдоуси передает размеры флага по древнеперсидской системе мер:

Гуроza биёмад ба сони гуроз,
Дирафше барафрошта *ҳашт ёз* [Фирдавси 2007, ч. 2, с. 27].

Буквальный перевод:

Гуроza прибыл как веprь,
Поднимая флаг на восемь *яз*.

Один *яз* был равен 40–50 см (расстояние от кончиков пальцев до локтя). Поэт иногда использует гиперболу:

Яке *гургнайкар дурафш* аз бараш,
Ба абр андароварда заррин сараи [Фирдавси 2007, ч. 1, с. 280].

На знамени – волк, золотую главой,
До неба вознесся тот стяг боевой [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 107].

Следует отметить, что во флаге должно было отражаться могущество государства, он должен был внушать страх противнику. Для этого на копьё флага наносили узоры страшных существ, огромных, сильных животных, растений, небесных тел: *аждахо* (*aghdaho*) – дракон,

шер (*sher*) – лев, *пил* (*pil*) – слон, *гург* (*gurg*) – волк, *гуроз* (*guroz*) – вепрь, дикий кабан, *говмеш* (*govmesh*) – буйвол, *дарахт* (*darakht*) – дерево, *моҳ* (*moh*) – луна, *офтоб* (*oftob*) – солнце, *акhtar* (*akhtar*) – звезда.

Например, на флаге главного героя «Шахнамэ» – богатыря Рустама был изображен дракон. В статье языковеда А. Рахимова «Дирафш Рустама Дастана в «Шахнамэ» Абулькаси́ма Фирдоу́си» отмечается, что в XI в. султан Махмуд Газнави выбрал в качестве своего флага флаг Рустама с изображением дракона [Рахимов 2013, с. 9].

Лексика, обозначающая цвет флага

Иранцы для флага выбирали яркие, поддерживающие дух воинов и вселяющие уверенность радостные цвета: *сурх* – красный, *зард* – желтый, *сабз* – зеленый, *бунафш* – фиолетовый, *сафед* – белый. Красный цвет символизирует счастье, благополучие и радость, белый – чистоту и ясность, а зеленый – молодость и процветание:

Бипурсид аз он зард пардасарой,
Дурафши дурахшон ба пешаш ба пой.
 Ба гирд – андараш зарду сурху бунафш,
 Зи ҳар гунае баркашида дурафш.
 Дирафше паси пушт пайкаргуроз,
 Сараш моҳи *симину боло дароз* [Фирдавси 1964, ч. 2, с. 256].

Затем спросил он: «Чей желтый шатёр?
 Там *солнечный стяг*, ослепляющий взор,
 Парит в вышине; гордо высится он
 Среди *алых, лазоревых, желтых знамён*.
 Стяг с вепрем лесным вознесён над шатром,
 И месяц на древке блестит *серебром*» [Фирдоуси 1957, т. 1, с. 10].

«Символика и цвет металлов были связаны с делением общества у всех иранских народов на три сословия – воинов, жрецов и свободных общинников – земледельцев и скотоводов. По этой схеме царскому, или воинскому, сословию (поскольку царь – обязательно воин и происходит из воинского сословия), соответствовал золотой и красный цвет, жреческому – серебряный и белый цвет. Сословию свободных общинников первоначально соответствовал голубой, а впоследствии – зеленый цвет» [Гафуров 1972, с. 31].

Яркие цвета считаются знаком счастья и благополучия и положительно действуют на людей. Изображения, цвет и знаки флага являются духовными, культурными ценностями и олицетворяют государство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абулқосими Фирдавсӣ.* (тахияи Камол Айнӣ, З. Ахрорӣ, Б. Сирус). Шоҳнома. Ҷ. II. Душанбе : Комбинати полиграфӣ, 1964. 320 с.
- Абулқосим Фирдавсӣ.* «Шоҳнома» (тахияи Камол А. З. Ахрорӣ). Душанбе: Адиб. Ҷ. 1. 2007. 480 с.; Ҷ. 2. 2007. 480 с.; Ҷ. 3. 2007. 480 с.; Ҷ. 4. 2008. 480 с.; Ҷ. 5. 2008. 480 с.; Ҷ. 6. 2008. 480 с.; Ҷ. 7. 2008. 480 с.; Ҷ. 8. 2008. 480 с.; Ҷ. 9. 2008. 480 с.; Ҷ. 10. 2008. 480 с.
- Абулькасим Фирдоуси.* Шахнаме : в 6 т. / пер. Ц. Б. Бану. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957.
- Айнӣ С.* Дар бораи Фирдавсӣ ва «Шоҳнома»-и ӯ // Куллиет. Ҷ. II. Кит. 1. Душанбе : Нашр. Давл. Тоҷ., 1963. С. 16–23.
- Бертельс Е. Э.* Фирдоуси и его творчество. М.–Л. : АН СССР, 1935. 994 с.
- Бертельс Х. К.* Персидкий-дари-таджикский // Советская этнография. 1950. № 4. С. 134–157.
- Брагинский И. С.* Из истории таджикско-персидской литературы. М. : Наука, 1972. 594 с.
- Гафуров Б. Г.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М. : ИВАН СССР, Наука, 1972. 572 с.
- Ғиес-ул-луғот* [таълифи Муҳаммад Ғиесуддин]: дар се ҷилд. Душанбе : Адиб, 1987–1989. 447 с.
- Деҳудо А.* Луғатнома [ибора аз 50 ҷ.] Техрон, 1369.
- Дьяконов М. М.* Фирдоуси // Вестник знания. 1934. №7. С. 25–34.
- Лукин В. Г.* Древний и раннесредневековый Иран. М. : Наука, 1987. 295 с.
- Раҳимов И.* Дирафши Рустами Достон дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ // Мазҳари маонӣ. Хучанд: Ношир, 2013. С. 191–195.
- Раҳимов И.* Дирафши Рустами Достон дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ // Мазҳари маонӣ. Хучанд : Ношир, 2013. С. 191–195.
- Фарҳанги забони паҳлавӣ* [мураттиб Баҳром Фараҳвашӣ]. Техрон : Донишгоҳи Техрон, 1381/2003. 676 с.
- Фарҳанги забони тоҷикӣ.* М. : Советская энциклопедия, 1969. Ҷ. I. 952 с. ; Ҷ. II. 947 с.
- Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома»* [мураттиб Ализода И.]. Душанбе : Адиб, 1991. 496 с.
- Ҳалимов С.* Таърихи забони адабии тоҷик [асри X]. Душанбе : УДТ, 1979. 96 с.

REFERENCES

- Abulqosimi Firdavsū.* (taxijai Kamol Ajnū, Z. Axrorī, B. Sirus). Shoxnoma. Ҷ. II. Dushanbe : Kombinati poligrafī, 1964. 320 s.
- Abulqosim Firdavsū.* «Shoxnoma» (taxijai Kamol A. Z. Axrorī). Dushanbe: Adib. Ҷ. 1. 2007. 480 s.; Ҷ. 2. 2007. 480 s.; Ҷ. 3. 2007. 480 s.; Ҷ. 4. 2008. 480 s.; Ҷ. 5. 2008. 480 s.; Ҷ. 6. 2008. 480 s.; Ҷ. 7. 2008. 480 s.; Ҷ. 8. 2008. 480 s.; Ҷ. 9. 2008. 480 s.; Ҷ. 10. 2008. 480 s.
- Abul'kasim Firdousi.* Shahname : v 6 t. / per. C. B. Banu. M. : Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1957.
- Ajnū S.* Dar borai Firdavsū va «Shoxnoma»-i ȳ // Kulliet. Ҷ. II. Kit. 1. Dushanbe : Nashr. Davl. Toҷ., 1963. S. 16–23.
- Bertel's E. Je.* Firdousi i ego tvorchestvo. M.–L. : AN SSSR, 1935. 994 s.
- Bertel's H. K.* Persidkij-dari-tadzhikskij // Sovetskaja jetnografija. 1950. № 4. S. 134–157.
- Braginskij I. S.* Iz istorii tadzhiksko-persidskoj literatury. M. : Nauka, 1972. 594 s.
- Gafurov B. G.* Tadzhiki: Drevnejshaja, drevnjaja i srednevekovaja istorija. M. : IVAN SSSR, Nauka, 1972. 572 s.
- Fies-ul-luʻot [ta#lifi Muḥammad Fiesuddin]: dar se ҷild. Dushanbe : Adib, 1987–1989. 447 s.
- Dexhudo A.* Luʻatnoma [iborat az 50 ҷ.] Texron, 1369.
- D'jakonov M. M.* Firdousi // Vestnik znaniya. 1934. №7. S. 25–34.
- Lukonin V. G.* Drevnij i rannesrednevekovyj Iran. M. : Nauka, 1987. 295 s.
- Raḡimov I.* Dirafshi Rustami Doston dar «Shoxnoma»-i Firdavsū // Mazxari maonī. Нуҷанд: Noshir, 2013. S. 191–195.
- Raḡimov I.* Dirafshi Rustami Doston dar «Shoxnoma»-i Firdavsū // Mazxari maonī. Нуҷанд: Noshir, 2013. S. 191–195.
- Farḡangi zaboni paxlavī [murattib Baxrom Faraxvashī]. Texron : Donishgoxi Texron, 1381/2003. 676 s.
- Farḡangi zaboni toҷikī. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1969. Ҷ. I. 952 s. ; Ҷ. II. 947 s.
- Farḡangi muhtasari «Shoxnoma» [murattib Alizoda I.]. Dushanbe : Adib, 1991. 496 s.
- Ḥalimov S.* Ta#rihi zaboni adabii toҷik [asri H]. Dushanbe : UDT, 1979. 96 s.

УДК 82.091

М. В. Харыбина

аспирант кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета МГЛУ; e-mail: m.kharyb@gmail.com

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ УРОВЕНЬ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТВОРЧЕСТВА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ВАН ГОГА

Диалог культур способствует структурированию и выявлению новых смыслов, которые, по образному выражению Ю. М. Лотмана, можно назвать «нетривиальными» культурными изменениями. При этом тексты культуры, находясь во взаимодействии, не просто транслируют информацию, а порождают новые смыслы. В нашем исследовании речь идет о специфике взаимодействия межвидовых культурных текстов – литературы и живописи.

Мы считаем, что в рамках данной статьи уместно рассмотреть тексты (вербальные и невербальные), созданные Ф. М. Достоевским и В. Ван Гогом, так как в них шла выработка не только нового языка искусства, но и в целом нового культурного сознания эпохи, опирающегося на экзистенциальные основания. Находясь под прямым влиянием фактов биографии Достоевского, Ван Гог не только переосмысливает значение некоторых своих полотен, созвучных мотивам творчества русского писателя, но и создает подлинный шедевр – картину «Прогулка заключенных», единственную в своем роде во всем его творчестве, где цикличность бытия разомкнута тоской по подлинному предназначению человека.

Ключевые слова: диалог культур; тексты культуры; культура; литература; семиотика; живопись; вербальные тексты; невербальные тексты.

M. V. Kharybina

PhD student, Department of Russian and foreign literature,
Translation faculty, MSLU, e-mail; e-mail: m.kharyb@gmail.com

DIRECT LEVEL OF DIALOGICAL INTERACTION OF F.M. DOSTOEVSKY'S CREATIVITY AND ARTISTIC PERCEPTION OF V. VAN GOGH

Dialogue of cultures promotes structuring and revealing of new concepts, in the figurative expression of Y. M. Lotman they can be called “non-trivial” cultural changes. At the same time, cultural texts, in their interaction, do not just transfer information, but generate new meanings. Our research focuses on the specific features of interaction between various types of cultural texts – literature and fine arts.

As a rule, these types of texts are referred to the verbal (literature) and the nonverbal (art) by characterizing them according to the basic principle of creating images: in literature this is a verbal principle, and in the art – the creation of a visual

image. Within the framework of semantic generation in the process of “dialogue of cultures” this difference between texts of culture comes to the background, and the latent intentionality of texts of cultures, which is revealed only in their interaction, comes to the fore.

This article considers the texts (verbal and non-verbal) created by F. M. Dostoevsky and V. Van Gogh, because they were developing not only a new language of art, but also a new cultural consciousness of the era, based on existential foundations. Under the direct influence of the facts of Dostoevsky’s biography, Van Gogh not only rethinks the meaning of several of his works, which resonate with the motifs of the Russian writer, but also creates a true masterpiece – the painting “Prisoners’ Walk”, the only one of its kind in all his work, where the cyclicity of life is unbroken by yearning for the true purpose of people.

Key words: dialogue of cultures; cultural texts; culture; literature; semiotics; art; verbal texts; non-verbal texts.

Введение

Следует начать с того, что многие исследователи творчества Достоевского и Ван Гога считают, что авторы не знали о существовании друг друга [Гашева 2006; Мурина 1978]. Однако благодаря письмам Ван Гога, которые являются одним из источников данного исследования, мы можем предположить, что непосредственный диалог представителей разных культур всё же существовал и был весьма плодотворным.

Голландский художник оставил большое эпистолярное наследие на разных европейских языках – голландском, французском и английском. К сожалению, долгое время в распоряжении исследователей находилась только часть этого наследия, поскольку архив писем Ван Гога не был не то что не оцифрован, а даже не расшифрован полностью. Настоящим прорывом в ванговедении стала публикация в 2009 г. полного архива писем с переводом их на английский язык, примечаниями и комментариями, осуществленная Музеем Ван Гога в Амстердаме и Институтом истории и культуры Хаухенс, подготовка к которой заняла 15 лет [Van Gogh 2010]. Благодаря этому крупнейшему архиву стало возможным открытие ранее неизвестных фактов из жизни Винсента Ван Гога, в частности – о его интересе к русской культуре в разных ее проявлениях. Одним из результатов этого интереса стало знакомство голландского художника с биографиями и произведениями трех великих русских писателей – Ф. М. Достоевского,

Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева. Здесь необходимо сразу оговориться, что влияние последних двух из упомянутых отечественных писателей в рамках данной статьи рассмотрено не будет, поскольку объем работы не позволяет сделать это.

**«Арена встречи»:
письма Ван Гога о Ф. М. Достоевском**

Благодаря наличию цифрового архива стало возможно точно установить количество упоминаний авторов различных произведений в письмах Ван Гога. Так, Федор Михайлович упоминается в двух письмах – брату Тео [Van Gogh 2010, L680] и сестре Вильгельмине [Van Gogh 2010, L812].

Второе письмо не было переведено на русский, первое же из писем давно известно в отечественной историографии благородия переводу, выполненному П. В. Мелковой в 1966 г. В рамках нашего исследования оно представляет особый интерес, поскольку в тексте мы находим упоминание о небольшой статье о Достоевском, которая чрезвычайно взволновала Ван Гога.

Благодаря онлайн-архиву Национальной библиотеки Франции «Галлика» оказалось возможным найти именно тот номер «Le Figaro» от 8 сентября 1888 г., который и читал Винсент Ван Гог. Нам представляется, что сама статья до этого момента не была переведена на русский язык и только в рамках данного исследования вводится в научный оборот.

Статья «Фигаро» сообщала читателям, что театр «Одеон» открывает новый сезон спектаклем «Преступление и наказание». Далее шло описание самой постановки, которая опиралась на теорию модернизации современного театра. В соответствии с ней режиссер г-н Порель представил публике 7 картин, а не актов, как было принято в традиционном театре: «Трактир у Сенного рынка», «Комната старушки-процентщицы», «У Родиона», «Полицейский участок», «Мансарда Алёны», «У Сони», «На берегах Невы». Далее автор заметки кратко рассказывает историю невероятного успеха романа в России и его очень краткий сюжет. Заметим, что все эти значимые для русской культуры детали, вплетенные в контекст парижской театральной жизни, не нашли никакого отклика в письмах Ван Гога, более того, они там никогда даже не упоминались.

Ван Гог проявляет гораздо больший интерес к личности писателя, чья биография в кратком и своеобразном изложении представлена журналистом «Фигаро» со слов Эжена де Вогюэ, автора статьи «Ф.М. Достоевский как психолог», опубликованной в русском переводе в 1886 г. в журнале «Эпоха». В ней сообщалось, что Достоевский умер в 1881 г. в возрасте 60 лет, что полностью соответствует действительности. В статье отмечалось, что похороны были торжественными, каких Россия не знала со времен героя Русско-турецких войн генерала М. Д. Скобелева. Важной деталью для журнала являлось то, что за гробом шли наследники царской семьи. Но и эта информация не нашла своего отражения в эпистолярном наследии художника.

Далее в заметке подробно описывается внешность Достоевского: «Лицо Достоевского – это лицо русского крестьянина: приплюснутый нос, маленькие бегающие глазки, высокий лоб, весь в бугорках и шрамах, вдавленные, будто по ним стучали молотком, виски. “Никогда еще, – говорит господин Вогюэ, – я не видел человеческого лица, которое бы выражало столько страдания”» (*Le Figaro*. 8 сентября 1888, с. 4).

На основании этого описания мы можем предположить, что у Ван Гога сформировался образ русского человека, к которому он обращается в другом письме к брату [Van Gogh 2010, L723]. В нем Винсент Ван Гог описывает серию портретов семьи почтальона Рулена, характеризуя всё семейство следующим образом: «All character sand very French, although theyh ave a Russian look». В связи с этим фрагментом возникает поддержанный М. Гайфордом миф о том, что образ самого почтальона Рулена заимствует многие черты из образа Ф. М. Достоевского [Gayford 2006]. Однако сравнив описание внешности Федора Михайловича, с которым был знаком Ван Гог, с портретом почтальона Рулена из Кунстмузеум (1888 г., Арль), мы пришли к выводу о том, что это предположение не имеет под собой оснований: ни вербальных, ни визуальных.

Возвращаясь к анализу статьи из «Фигаро», мы можем сказать, что краткая и весьма неполная биография Достоевского привлекла внимание художника. Эта биографическая справка содержала в себе довольно подробное описание сцены казни и помилования писателя, информацию о сибирской каторге и болезни эпилепсией. Сообщалось также, что годы ссылки в Сибири Достоевский описал в своей повести

«Записки из Мертвого дома». В финале заметки речь шла и о женитьбе Достоевского в Сибири, его бедности и лишениях на протяжении долгих лет, прежде чем он написал свои знаменитые романы «Идиот» (1868), «Бесы» (1871–1872) и «Братья Карамазовы» (1879–1880).

Мы делаем вывод о том, что именно факты из биографии русского писателя наиболее взволновали Ван Гога, подтверждением чему является упоминание о Достоевском как авторе «Записок из мертвого дома» в письме № 812.

Обращаясь к диалоговому пространству, порожденному прочтением Ван Гогом заметки «Фигаро» о Достоевском, хотелось бы остановиться на следующей фразе художника: «Мысль о “Сеятеле” по-прежнему не выходит у меня из головы. Такие утрированные этюды, как “Сеятель”, а теперь “Ночное кафе”, обычно кажутся мне дрянными и жутко уродливыми, но когда я чем-нибудь взволнован, например, статейкой о Достоевском, которую прочел здесь, они начинают мне представляться единственными моими работами, имеющими серьезное значение»¹ [Van Gogh 2010, L555].

Перед нами прямая ситуация смыслопорождения на арене встречи двух культур: голландский художник переосмысляет значение двух собственных произведений, считая, что только они имеют смысл. Трагическая биография Достоевского, сама выглядевшая как «утрированный этюд», породила новую авторскую интерпретацию двух полотен Ван Гога, впоследствии ставших культовыми. Эмоционально окрашенное впечатление от биографии русского писателя привело к своеобразному изменению оценки художником масштаба собственных работ арльского периода – «Сеятеля» и «Ночного кафе». Фактически, изложение биографии Достоевского стало тем контекстом, который позволил Ван Гогю приблизиться к пониманию собственного творчества и его значения.

Визуальные тексты Ван Гога и взаимосвязь с биографией Ф. М. Достоевского

Теперь обратимся к культурологическому анализу картины «Ночное кафе» (Арль, сентябрь 1888). Д. Азио считает, что именно это полотно стало первым в серии работ, построенных на контрасте

¹Зд. и далее перевод наш. – М. Х.

дополнительных цветов – пронзительных красного и зеленого [Азиев 2011]. Сам же Ван Гог так писал об этом: «Я пытался выразить красным и зеленым опасные человеческие страсти. <...> Здесь повсюду схватка и противостояние самых разнообразных зеленых и красных» [Van Gogh 2010, L 533]. Со спецификой творчества и биографии Достоевского это полотно сближает и высказывание в следующем письме: «В картине «Ночное кафе» я хотел выразить ту мысль, что кафе – это место, где можно разориться, сойти с ума, совершить преступление. Еще я хотел через контрасты нежно-розового и кроваво-красного, цвета винного осадка, мягкого зеленого Людовика XV и Веронезе и грубого сине-зеленого, и всё это – в атмосфере адского пекла, бледного серного – выразить что-то вроде темной силы кабака» [Van Gogh 2010, L 534].

Диссонанс красного и зеленого из «Ночного кафе» стал значимым элементом художественной концепции художника и средством выразить дисгармонию и опасность окружающего мира. Эти дополнительные цвета также появляются в «Кресле Гогена», в тот период творчества обоих художников, когда стало очевидно, что они не смогут работать вместе, и в «Хлебном поле с воронами», одной из последних работ Ван Гога, написанной незадолго до самоубийства.

Говоря о том, как Ван Гог выстраивает пространство данной картины, необходимо в первую очередь обратить внимание на место, которое отводится зрителю. Как правило, Ван Гог выстраивает пространство таким образом, что зритель находится на некоей высоте по отношению к происходящему на картине. В качестве примера такого композиционного строя можно привести работы разных периодов: «Ресторан Риспаль» (1887) в пригороде Парижа, «Сбор урожая» (1888) в Арле и «Поле пшеницы со жнецом и солнцем» в Сент-Реми (1889). Здесь же пространство кафе опрокидывается на зрителя, вовлекая его в пространство картины фактически без какой-либо дистанции. При этом перспективное построение данной композиции можно назвать неклассическим, но характерным для Ван Гога – точка схода расположена не по центру, а в левой части картины, визуальную ее можно совместить с открытой дверью. Данный прием позволяет создать ощущение искореженного, свернутого пространства, которое отказывается подчиняться очевидным законам человеческой оптики. Именно в таких пространствах, как мы уже писали выше, у героев Достоевского рождались

самые бесчеловечные теории, толкающие их либо на преступления, либо на чудовищные поступки вплоть до попытки самоубийства.

Характеризуя полотно Ван Гога «Сеятель», значение которого также переосмысливается под воздействием биографических деталей жизни Ф. М. Достоевского, мы бы хотели отметить, что сюжет картины отсылает нас к одноименной евангельской притче: «Выйдя же в день тот из дома, Иисус сел у моря. И собралось к Нему множество народа, так что Он вошел в лодку и сел; а весь народ стоял на берегу. И поучал их много притчами, говоря: вот, вышел сеятель сеять; и когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы и поклевали то; иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло; иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его; иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать» (Мф. 13: 1–8).

Нам представляется, что рассказ о полной трагических событий жизни Федора Михайловича стал еще одним подтверждением значимости этой идеи в рамках творчества Ван Гога.

Второе упоминание о Достоевском встречается в письме Ван Гога к брату из лечебницы в Сен-Реми: «Я прочитал статью о Достоевском, написавшем книгу “Записки из Мертвого дома”, и это побудило меня снова начать работу над большой картиной, которую я начал, еще будучи в лихорадке в Арле. Но это раздражает, как будто я рисую фигуры без моделей» [Van Gogh 2010, L812]. На сегодняшний день установлено и задокументировано в каталоге Пушкинского музея от 2001 года, что речь идет о хранящейся в этом музее картине «Прогулка заключенных» (Сен-Реми, 1890). Для нашего исследования крайне важно, что это единственная картина Ван Гога, смыслово и композиционно напрямую связанная с образами тюрьмы и заключения.

Общеизвестно, что находясь в лечебнице для душевнобольных в Сен-Реми, Винсент просил брата Тео прислать ему гравюру «Каторга» авторства Регоме, однако Тео не смог ее найти и в качестве замены выслал гравюру «Острог» Гюстава Доре. На гравюре изображен «парад заключенных» – практика, широко распространенная в Великобритании, когда узников множество раз проводили перед следователями (их фигуры мы видим в правом углу), чтобы они могли

запомнить их лица. Композиционно картина Ван Гога близка к гравюре Доре и фактически является перенесением сюжета офорта на живописное полотно, т. е. она становится творчески переосмысленной копией гравюры Доре – частью знаменитой серии «псевдокопий» известных мастеров (от Рембрандта до Курбе), которую Ван Гог создает на протяжении всего своего творчества.

Композиция картины, как и гравюры Доре, строится в замкнутом пространстве, смысловым и визуальным центром которого является круг, созданный из ритмически повторяющихся фигур заключенных. В картине Ван Гога – это рваная ритмика неровных силуэтов, которая нарушает представление о круге в композиции как о геометрической фигуре, выражающей гармонию – здесь мы видим нечто прямо ей противоположное. Обостряет это ощущение дисгармоничности пространства и то, что Ван Гог смещает стены тюрьмы – у Доре они строго симметричны, в то время как на полотне из Пушкинского музея пространство сужается в левой части.

Нам важны те новшества, которые Ван Гог вносит в композицию своей «копии» гравюры Доре, помимо очевидного изменения живописной манеры. В первую очередь – это нарушение ровного круга заключенных, даже его размыкание за счет того, что фигура ближайшего к зрителям узника оказывается развернута к нам лицом. Есть даже версия, что этот заключенный – один из автопортретов художника. Еще одно практически незаметное новшество, разрушающее циклическую замкнутость композиции Доре – две едва заметные светлые бабочки, которых можно найти наверху центральной стены. Два этих изменения в сюжете гравюры приводят к изменению восприятия пространства зрителями – хоть мрачное и гнетущее, оно всё же перестает быть циклически замкнутым и безвыходным. Ведь речь идет уже не только о преступниках, а во многом – о самом авторе и его попытке вырваться из круга обыденной реальности, которая в лечебнице для душевнобольных конца XIX в. была крайне нерадостной. И вместе с тем перед нами, безусловно, впечатление от «Записок из Мертвого дома» Достоевского, переведенных на французский в 1886 г.

Экзистенциальные интенции творчества Ван Гога выражены в этой картине с предельной силой: человек, являясь своеобразным узником, участником всеобщего и подневольного круговорота повседневности, оказывается способным найти выход или хотя бы надежду на него.

Заключение

Подводя итог данной статьи, хотелось бы отметить, что ареной встречи русской и европейской культуры неожиданно становится небольшая заметка в газете «Фигаро» (*J. Prével, 8.09.1888*), которая позволяет говорить о самом факте диалога художественной концепции Ван Гога с творчеством и биографией Ф. М. Достоевского, даже о прямом влиянии последнего на творчество самого известного голландского художника конца XIX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азю Д.* Ван Гог. М. : Молодая гвардия, 2011. 304 с.
- Гашева Н. Н.* Взаимодействие художественных концепций Ф. М. Достоевского и В. Ван Гога // Вестник НовГУ. 2006. № 36. URL : cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-hudozhestvennyh-kontseptsiy-f-m-dostoevskogo-i-v-van-goga
- Мурина Е. Б.* Ван Гог. М. : Искусство, 1978. 440 с.
- Gayford M.* The Yellow House: Van Gogh, Gauguin, and Nine Turbulent Weeks in Provence. Mariner Books, 2006. 339 p.
- Prével J.* Courrier des théâtres // Figaro: journal non politique. 1888. № 252. P. 4 URL : gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k280511k
- Van Gogh V.* The Letters / Leo Jansen, Hans Luijten, Nienke Bakker (eds.). Version: December 2010. Amsterdam & The Hague : Van Gogh Museum & Huygens ING. URL : vangoghletters.org

REFERENCES

- Azio D.* Van Gog. M. : Molodaja gvardija, 2011. 304 s.
- Gasheva N. N.* Vzaimodejstvie hudozhestvennyh koncepcij F. M. Dostoevskogo i V. Van Goga // Vestnik NovGU. 2006. № 36. URL : cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-hudozhestvennyh-kontseptsiy-f-m-dostoevskogo-i-v-van-goga
- Murina E. B.* Van Gog. M. : Iskusstvo, 1978. 440 s.
- Gayford M.* The Yellow House: Van Gogh, Gauguin, and Nine Turbulent Weeks in Provence. Mariner Books, 2006. 339 p.
- Prével J.* Courrier des théâtres // Figaro: journal non politique. 1888. № 252. P. 4 URL : gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k280511k
- Van Gogh V.* The Letters / Leo Jansen, Hans Luijten, Nienke Bakker (eds.). Version: December 2010. Amsterdam & The Hague : Van Gogh Museum & Huygens ING. URL : vangoghletters.org

УДК 791.43/.45; 792.01

А. А. Овсянникова

преподаватель кафедры языков и культур стран СНГ
и ближнего зарубежья МГЛУ; e-mail: oassol@mail.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЕ КОДЫ И МИФОЛОГЕМЫ В СОВЕТСКОМ КИНЕМАТОГРАФЕ (на материале фильмов Сергея Параджанова «Тени забытых предков» и «Цвет граната»)

В статье рассматривается феномен Сергея Параджанова с точки зрения семиотических кодов и мифологем на примере его культовых фильмов «Тени забытых предков» (1964) и «Цвет граната» (1969). В ходе исследования установлено, что посредством монтажа, скорости кадров, игры планами, освещения и других кинематографических приемов кинообразы Сергея Параджанова приобретают новые метафорические, метонимические, символические и другие смыслы.

Ключевые слова: мифологема; семиотический код; кинообраз; знак; символ; семантическая связь; ритуал.

A. A. Ovsyannikova

Lecturer of the Ukrainian Language,
Department of Languages and Cultures CIS
and CIS countries, MSLU; e-mail: oassol@mail.ru

SEMIOTIC CODES, AND MYTHOLOGEMS IN SOVIET FILM (based on the films of Sergei Parajanov “Shadows of Forgotten Ancestors” and “The Color of Pomegranate”)

The article deals with the phenomenon of Sergei Parajanov from the point of view of semiotic codes and mythology on the example of his cult films “Shadows of forgotten ancestors” (1964) and “The Color of Pomegranates” (1969). The study found that through editing, frame rate, interplay of shots, lighting and other cinematic techniques of Sergei Paradzhanov images acquire new metaphorical, metonymic, symbolic and other meanings.

Key words: mythologeme; semiotic code; film image; sign; symbol; semantic connection; ritual.

Введение

Имя Сергея Параджанова связано с такими понятиями, как «поэтический кинематограф», «фильм-притча», «феномен», «эстетика», «поэтика», «мифотворчество», «мифологизм языка фильмов», «экранный мир» и многими другими. Все указанные выше определения используют в научных работах и исследованиях творчества режиссера киноведы, историки, теоретики кино, кинокритики и др. Внесли свой неоценимый вклад в изучение и анализ творчества мастера и лингвисты, среди которых одним из самых авторитетных по праву можно назвать имя Ю. М. Лотмана (1922–1993), который в статье «Новизна легенды», посвященной фильму «Легенда о Сурамской крепости» очень подробно, буквально покадрово разбирает параджановский киноязык на все его составляющие, анализируя его с точки зрения семиотических решений и иллюстративности, что свидетельствует об интересе основателя Тартусской школы семиотики к киноязыку Параджанова как к организованной системе знаков и символов [Загребельный 2012].

Любой вид искусства принято считать образным. Кино- или театральный режиссер, выстраивая концепцию постановки кодирует информацию в знаках, символах, жестах, мимике и манере поведения актеров, в цветовом решении и т. д. Именно благодаря этим кодам, по мнению У. Эко, «...определенное означающее связывается с определенным означаемым» [Эко 2006, с. 69].

Согласно Ю. М. Лотману, «сила воздействия кино – в разнообразии построенной, сложно организованной и предельно сконцентрированной информации, понимаемой в широком, винеровском смысле, как совокупность разнообразных интеллектуальных и эмоциональных структур, передаваемых зрителю и оказывающих на него сложное воздействие – от заполнения ячеек его памяти до перестройки структуры его личности» [Лотман 1973, с. 39].

В научных или журналистских статьях, так или иначе касаясь работ Сергея Параджанова (кинолент и коллажей), авторы в большей или меньшей степени говорят об их поэтичности, знаковости, символичности и даже каноничности.

Кинематограф до сих пор подвергается семиотическому переосмыслению в свете его многоаспектности. Французский режиссер Луи Деллюк (1890–1924) справедливо утверждал, что «кино – это

живопись в движении» [цит по: Из истории французской киномысли ... 1988, с. 100]. К тому же, кино – синтетический вид искусства, объединяющий театр, живопись, хореографию, музыку и многие другие виды искусств. Сергей Параджанов – один из немногих, кто умел увидеть в самых обычных вещах поэтическую составляющую и, следовательно, наполнить ее новым смыслом.

Семиотические коды и мифологемы в фильмах «Тени забытых предков» и «Цвет граната»

Киноязык Сергея Параджанова настолько индивидуален и многообразен, что при наличии на сегодняшний день огромнейшего количества исследований, он до конца не изучен. С одной стороны, это объясняется тем фактором, что в то время, когда Сергей Параджанов создавал свои киношедевры (1960–1980-е гг.), искусствоведы еще не владели необходимым понятийным и методологическим аппаратом, с помощью которого можно было бы осуществить их анализ. С другой стороны, при жизни режиссера очень немногие смогли оценить его гениальность, в то время как для большинства он долгие годы оставался «неоткрытой планетой» (см. статью А. Г. Лукашовой «Творчество Сергея Параджанова как явление постмодернизма»).

Сегодня, когда режиссер стал всемирно признанным гением, а его фильмы вошли в список мировых шедевров и рассматриваются как культурно-историческое наследие, пришло понимание того, что исследователям творчества режиссера предстоит огромная работа по «декодированию» его творчества.

С этой точки зрения, для нашего исследования релевантна и применима к творчеству Сергея Параджанова классификация семиотических кодов французского философа Р. Барта (2001):

- *герменевтический* (растолковывающий, разъясняющий) – повествовательный, выстраивающий формулировку, который концентрирует, загадывает и разгадывает;
- *символический* (условный) – рождающий ассоциации с помощью метафор и пр.;
- *гномический* (поучительный, замысловатый, культурный) – код области знания, или человеческой мудрости;
- *семический* («поведенческий», вскрывающий) – выявляющий характер предметов и объектов сценического (кинематографического) пространства;

- *проайретический* (или повествующий, нарративный) организовывающий действие в последовательности, т. е. последовательность эпизодов или сцен по названиям [прив. по: Уразымбетов 2015, с. 57].

Анализируя художественный метод Параджанова, Светлана Тестова назвала одним из художественных принципов режиссера – отсутствие антропоцентризма, когда человек не является высшей целью мироздания, а существует на одном уровне с окружающим миром. Он – одна из его составляющих, как животные, природа и даже предметы искусства [Тестова 2014]. Фильмы Параджанова – не воссоздание реальности с этнографической подлинностью, а представление его авторского мира – поэтического, мифологизованного, иррационального, стремящегося к высшему идеалу.

После окончания режиссерского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии (мастерская И. Савченко) Сергей Параджанов был распределен на Киевскую киностудию художественных фильмов им. А. Довженко, где и создал свой дебютный, но знаковый и для него самого, и в целом для украинского кинематографа фильм по повести Михайла Коцюбинского «Тени забытых предков» (1964), с которым до сих пор по количеству полученных международных и всесоюзных наград не может сравниться ни один украинский фильм. Важно отметить, что режиссер-армянин прочувствовал культуру гуцулов, поразительно глубоко проник в нее и соединил ее с собственной самобытной поэтикой, что свидетельствует о наличии ценностных смыслов, пронизывающих эстетику кино советского периода.

Кинолента «Цвет граната» (1969), созданная в Армении, стала этапной, поскольку в этот период и сформировывалась та особая поэтика, которая «строилась на присущем режиссеру стремлении выражать понятия, мысли, образы исключительно средствами пластики и предметной символикой» [Экранный мир ... 2013, с. 8].

Общеизвестно, что любое изображение является знаком, имеющим значение и передающим информацию. Согласно Ю. М. Лотману, знаки делятся на условные и изобразительные: *условные*, когда между выражением и содержанием связь практически не мотивирована, например, слово; *изобразительные* (канонические), когда между выражением и содержанием связь очевидна и трактуется однозначно.

Однако при рассмотрении образов на экране, реципиент понимает их как воспроизводящие предметы реального мира. В этом случае между образом и предметом возникают семантические отношения. Одновременно кинообразы приобретают новые метафорические, метонимические, символические и другие значения посредством монтажа, скорости кадров, игры планами, освещения и других кинематографических приемов (см. статью Ю. М. Лотмана «Новизна легенды»).

С первых кадров «Тени...» увлекают визуальным решением. Обращают на себя внимание статичные фронтальные кадры, которые позже станут главенствующими в «Цвете граната» и «Ашик-Керибе», контрастирующие с динамичным операторским стилем Юрия Ильенко – продолжительными панорамными съемками и съемкой с рук, сложной хореографией и профессионально и точно найденными ракурсами. В результате эти противоположные режиссерский и операторский подходы в полной мере передали состояния внутреннего мира главных героев, Ивана и Марички.

И в «Тенях...», и в «Цвете граната» одно из ключевых значений имеет символический и выразительный цвет. Режиссер, по его же словам, всегда был пристрастен к живописи и воспринимал кадр как самостоятельное живописное полотно, а цвет для него являлся дополнительным инструментом драматургии и характеристики героев, способным открывать «другую систему мышления, иные способы восприятия и отражения жизни». В обоих фильмах доминирующим является красный цвет: в «Тенях...» он был продиктован местным цветовым колоритом ландшафта, интерьеров, гуцульских украшений, костюмов; в «Цвете...» – ассоциируется с символом Армении – гранатом, а также цветом крови – живой воды, воскрешающей, омолаживающей и дающей новую жизнь.

Кровь присутствует также в «Тенях...» – в одной из первых сцен убийства отца главного героя Ивана, когда после замаха топором в кадре появляются брызги крови, превращающиеся в силуэты огненных коней. А символом жизни в «Тенях...», животворной силой, приносящей желанную влагу, является вода, хотя в ней, согласно мифам и легендам, может водиться и нечистая сила. Так, знакомство Ивана и Марички происходит возле воды, но вода же и убивает, «забирает» Маричку. Оберегом, защищающим человека и отпугивающим нечистую силу в «Тенях...» является огонь.

Среди мифологем в «Тенях...» назовем «мировое дерево», стержень мироздания, состоящее из трех миров – Верхнего (в нем Иван пребывает, когда любит Маричку, это мир живой природы), Среднего (бытовой, земной уровень, когда Иван женится на Палагне) и Нижнего (когда Маричка погибает и Иван оказывается по другую сторону мира – в потойбиччи).

Мифологемой в «Цвете граната» является гранат – пища, причастившись которой, можно обрести связь с миром мертвых. Сад гранатовых деревьев является символом возрождения. В своем саду Адонис среди гранатовых деревьев восстанавливал жизненную силу и омывался в ручье с живой водой. У богини Геры гранат является символом брака, у Афродиты – плодородия [Тестова 2014].

Кадры с раскрытой книгой, символизирующей слово поэта Саят-Новы, чередуются кадрами с гранатами. Сначала это три граната на белом, постепенно багровеющем фоне – свидетельство о Святой Троице. Кинжал с растекающимся под ним багровым пятном – символизируют смерть и воскрешение. Мужская стопа, давящая виноградный сок на граните, отсылает зрителя к монашескому быту поэта. По ходу фильма гранаты появляются в сцене с турецкими банями и ожогом на ладони Саята в миниатюре «Юность поэта». И в заключительной главе «Смерть поэта» растекается кроваво-красная жидкость, сочащаяся из стены монастыря, в которую воткнут кинжал. Семантическая связь фактур и цвета дает ощущение реальности, в которой один образ перетекает в другой.

Если говорить о метафоричности картин Параджанова, то в «Тенях» – это библейское яблоко как символ измены, а в «Цвете граната» – это всё тот же гранат – символ единства Вселенной в Библии. «Почему я люблю гранат? Потому, что это самый гармоничный из всех плодов, когда-нибудь созданных природой. Он сочетает в себе единство и разнообразие. Открыв его, вы видите грацию сочетания зерна с зерном. При этом каждое зернышко содержит отдельную жизнь. В сумме их сочетание безумно красиво. Гранат дошел до нас, сохранив свою античную красоту...» – говорил Сергей Параджанов [Тестова 2014].

Если сравнить два эти фильма в религиозном плане, то в «Тенях...» переплетаются язычество и христианство, в то время как в «Цвете граната» – христианская и персидская традиции. Сергей Параджанов о «Цвете граната» говорил так: «Фильм не армянский, напрасно вы

обольщается, что он армянский, он скорее украинский. Когда мы начали расшифровывать его мысль, то выяснилось, что просто истоки культуры Армении и Украины идут от Византии и стилистика построения кадров света напоминала и киевские фрески в Софии Киевской, и миниатюры – уникальные вещи IV–XV веков. Нет античнее земли на советской территории, чем Армения. Памятники I века и палеолита стоят в сочетании с удивительной архитектурой X и XVIII веков» [цит по: Тестова 2014].

Критики нередко по этой причине называют «Цвет граната» аудиовизуальной иконой, отсылающей зрителя в иное пространство, в другие времена [Манцов URL].

Фильмы Сергея Параджанова можно назвать также ритуальными, поскольку ритуалам режиссер уделяет особое внимание. Оба эти фильма по праву воспринимаются как этнографические, что соответствует действительности только отчасти, поскольку в существующие реалии режиссер всегда привносил многое «от себя», но делал это так мастерски, что только этнографы могли увидеть несоответствия. Так, в свадебном обряде в «Тенях...» режиссер одел на молодоженов ярмо, а в «Цвете граната», например, при раздаче жертвенного мяса «устроил» соревнования как на базаре, чего быть не могло.

Ритуал для Параджанова – это прежде всего эмпирический материал, при помощи которого он создает фильм. При этом он как режиссер может исказить или привнести в него какие-то детали, однако сами предметы, появляющиеся в кадре, всегда должны быть достоверными, соответствующими демонстрируемому периоду времени.

Известный кинорежиссер Микеланджело Антониони справедливо отмечает, что «“Цвет граната”... поражает совершенством красоты. Его вклад в мировое кино состоит прежде всего в том, что он создал уникальный кинематографический язык. Мир фильмов Параджанова – это волшебное сочетание цвета, пластики, музыки и слова. В кадрах его картин – энциклопедическое знание восточной культуры и искусства, буйство фантазии» [цит по: Ерошкина 2017].

Заключение

Сергей Параджанов – автор редкой и яркой индивидуальности, создавший свой неповторимый киномир, в котором повествование ведется метафоричным, метонимичным и символическим киноязыком.

Фильмы Сергея Параджанова – пример авторского кино, а сам режиссер – уникальное явление в мировом кинематографе. Не боясь смелых экспериментов с контрастной цветовой гаммой и монтажом, вплетая в киноповествования-сказки мифологические мотивы, он создавал поэтические шедевры.

Кинорежиссер, выстраивая концепцию постановки, кодирует информацию в знаках, символах, жестах, мимике и манере поведения актеров, а также в цветовых решениях, которые являются дополнительным инструментом драматургии и характеристики героев. Семантическая связь фактур и цвета в фильмах дает ощущение реальности, в которой один образ перетекает в другой и трансформируется, приобретая новые метафорические, метонимические, символические и другие смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ерошкина В.* День памяти. Сергей Параджанов. 2017. URL : www.proza.ru/diary/15121956zz/2017-07-21 (дата обращения: 23.02.2019).
- Загребельный М.* Параджанов. Харьков : FOLIO, 2012. 194 с. URL: <https://nice-books.ru/books/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/44456-m-zagrebelyni-sergei-paradzhanov.html> (дата обращения: 23.02.2019).
- Из истории французской киномысли: немое кино, 1911–1913. М. : Искусство, 1988. 317 с.
- Лотман Ю.* Новизна легенды // Экранный мир Сергея Параджанова. Сборник статей / сост. Ю. Морозов. Киев : Дух і літера, 2013. С. 192–199.
- Лотман Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин : Ээсти Раамат, 1973. 123 с.
- Лукашова А. Г.* Творчество Сергея Параджанова как явление постмодернизма // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 33. Т. 12. С. 148–153.
- Манцов И.* Цвет граната. URL : megabook.ru/article/ (дата обращения: 25.02.2019).
- Тестова С.* Художественный метод Параджанова. 2014. URL : www.proza.ru/2014/07/17/1341 (дата обращения: 23.02.2019).
- Уразымбетов Д. Д.* Семиотические коды сценических пространств // Вестник СПбГУКИ. 2015. № 3 (24). С. 56–60.
- Эко У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию / пер. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник. СПб. : Петрополис, 2006. 538 с.
- Экранный мир Сергея Параджанова : сб. ст. / сост. Ю. Морозов. Киев : Дух і літера, 2013. 332 с. с илл.

REFERENCES

- Eroshkina V.* Den' pamjati. Sergej Paranzhanov. 2017. URL : www.proza.ru/diary/15121956zz/2017-07-21 (data obrashhenija: 23.02.2019).
- Zagrebel'nyj M.* Paradzhanov. Har'kov : FOLIO, 2012. 194 s. URL: <https://nice-books.ru/books/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/44456-m-zagrebelnyi-sergei-paradzhanov.html> (data obrashhenija: 23.02.2019).
- Iz istorii francuzskoj kinomysli: nemoe kino, 1911–1913. M. : Iskusstvo, 1988. 317 s.
- Lotman Ju.* Novizna legendy // Jekrannyj mir Sergeja Paradzhanova. Sbornik statej / sost. Ju. Morozov. Kiev : Duh i litera, 2013. S. 192–199.
- Lotman Ju.* Semiotika kino i problemy kinojestetiki. Tallin : Jejesti Raamat, 1973. 123 s.
- Lukashova A. G.* Tvorchestvo Sergeja Paradzhanova kak javlenie postmodernizma // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2007. № 33. T. 12. S. 148–153.
- Mancov I.* Cvet granata. URL : megabook.ru/article/ (data obrashhenija: 25.02.2019).
- Testova S.* Hudozhestvennyj metod Paradzhanova. 2014. URL : www.proza.ru/2014/07/17/1341 (data obrashhenija: 23.02.2019).
- Urazymbetov D. D.* Semioticheskie kody scenicheskikh prostranstv // Vestnik SPbGUKI. 2015. № 3 (24). S. 56–60.
- Jeko U.* Otsutstvujushhaja struktura: vvedenie v semiologiju / per. A. G. Pogonjajlo, V. G. Reznik. SPb. : Petropolis, 2006. 538 s.
- Jekrannyj mir Sergeja Paradzhanova : sb. st. / sost. Ju. Morozov. Kiev : Duh i litera, 2013. 332 s. s ill.

УДК 81'243

И. Р. Саркисян

доктор педагогических наук;
профессор кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации Российско-Армянского университета;
профессор кафедры русского языка Армянского государственного
педагогического университета им. Х. Абовяна;
e-mail: innasargsyan@gmail.com

УНИВЕРСАЛИИ ОБЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОКОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

В последнее время всё чаще встречаются работы, посвященные вопросам межнационального общения. Эти вопросы наиболее остро встают в контексте глобализации и интеграционных процессов. Ученые-лингвисты обращаются непосредственно к истокам различных национальных культур, находя в них возможности создания определенных действенных универсалий общения, способствующих эффективной коммуникации между народами.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; истоки национальных культур; универсалии общения; бинарные модели коммуникации; тернарные модели коммуникации; национальная культура.

I. R. Sargsyan

Doctor of pedagogical sciences, Professor;
Professor of Department of Russian Language and Professional
Communication, Russian-Armenian University;
Professor of Department of Russian Language ASPU after Kh. Abovyan;
e-mail: innasargsyan@gmail.com

UNIVERSAL COMMUNICATIONS IN THE CONTEXT OF THE ORIGINS OF NATIONAL CULTURES

Recently more and more often there are works devoted to issues of international communication that are relevant to the current stage. These issues most acutely arise in the context of globalization and integration processes that are so rapidly increasing at the present time. Scholars-linguists, methodologists, and psychologists dealing with this range of issues, begin to turn directly to the origins of various national cultures, finding in them real opportunities to create certain effective communication universals promoting effective communication between different nations.

Key words: intercultural communication; the origins of national cultures; communication universals; binary communication models; ternary communication models; national culture.

Введение

В последнее время в научной и научно-методической литературе всё чаще и чаще встречаются работы (лингвистические, педагогические, методические, психологические и т. д.), посвященные актуальным для современного этапа вопросам межнационального общения. Эти вопросы наиболее остро встают в контексте глобализации и интеграционных процессов. Иностранный язык является основным инструментом коммуникации. Однако лингвисты, методисты, психологи начинают обращаться непосредственно к истокам различных национальных культур, находя в них реальные возможности создания определенных действенных универсалий общения, способствующих эффективной коммуникации между народами.

Нельзя не согласиться с мнением культуролога и семиотика Юрия Михайловича Лотмана: «... эстетические ценности не стареют и не меняются, Культура есть память. Поэтому она всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества, человечества. И потому, когда мы говорим о культуре нашей, современной, мы, может быть, сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, который эта культура прошла. Пусть это насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру – культуру человечества» [Лотман 1992, с. 200].

Затрагивая актуальные вопросы универсальных форм коммуникации, нельзя не упомянуть имя известного американского исследователя – социолога и футуролога Дэниэля Белла, который, детально изучив историю развития цивилизации, аргументированно выделил три основных периода: условия жизни человека диктует природа; условия жизни человека диктует техника; совершенно неожиданным образом жизнь людей стала определяться их взаимоотношениями [Белл 1990].

Бинарные оппозиции как элемент национальной культуры

Следует отметить, что на современном этапе весьма активно проявляет себя, так называемое, *всемирно-духовное производство*, куда входят образование, наука, искусство, массовая коммуникация, которое легко преодолевает любые границы сопредельных и отдаленных

стран, сближая народы. Данный фактор существенным образом повлиял и на специфику отношений между отдельно взятыми регионами. Всё вышесказанное дает нам основание констатировать появление в настоящее время новой актуальной эпохи межличностных речевых контактов. Однако истоки национальных культур говорят об иных отношениях, основанных на восприятии человеком окружающего мира через враждебные бинарные оппозиции.

В мифопоэтическом сознании различных народов мира враждебные бинарные оппозиции проявляются очень ярко. К такому выводу можно прийти даже при поверхностном изучении определенных фрагментов мифопоэтической картины мира. Независимо от различий языков и менталитета народов, существуют общие принципы осмысления мира. В древности бинарные оппозиции у многих народов стали ключевым элементом национальной культуры, что позволило говорить об их общности.

Исследователь Беляшникова О. В. отмечает сложность содержания оппозиции *свой – чужой* как феномена культуры, многообразие форм его проявления и представления в языке. Автор считает, что посредством анализа иных данных, в том числе и невербального материала, она может быть отчасти реконструирована и рассмотрена в различных контекстах и связях с другими феноменами культуры и языка [Беляшникова 2003].

Бинарная оппозиция *свой – чужой* является одной из базовых культурно-психологических оппозиций многих национальных культур. Она формирует когнитивную ценностно-оценочную систему знаний и отражает уникальность и неповторимость восприятия и интерпретации реального мира различными этносами, что обусловлено особенностями конкретной культуры.

Как показывают исследования, оппозиция *свой – чужой* является психологической реальностью, а ее репрезентация в различных языках проявляется по-разному. Нельзя не согласиться с мнением О. В. Беляшниковой о том, что отражая меж- и внутриэтнические отношения, оппозиция *свой – чужой* «связана с такими психологическими явлениями как, формирование этнического (национального) самосознания, социального поведения и многими другими. Представления, связанные с данным противопоставлением, их оппозитивный характер обусловлены процессом становления, развития и изменения

взаимоотношений людей с миром реальных объектов, особенностей восприятия личностью этих взаимоотношений, их оценки и формирования программы дальнейших взаимодействий» [Белясникова 2003].

Причем в негативной обобщенной бинарной оппозиции *свой – чужой* находится конкретный набор других оппозиций: *мы – они, человек – не человек, хороший – плохой, правильно – неправильно, норма – отклонение, близкий – далекий, личный – общий, живой – мертвый, друг – враг, родной – посторонний*.

Таким образом, отношения *свой* и *чужой* охватывали все стороны жизни человека и во многом определяли его сознание. Именно поэтому в большинстве случаев люди часто входили в коммуникацию, основываясь на представлениях о *своем / своих* и *чужом / чужих*. Этим можно объяснить многочисленные варианты, в которых данная враждебная оппозиция представлена в той или иной культуре.

Историческая обусловленность бинарной оппозиции *свой – чужой*

Итак, национальная культура каждого народа, каждого этноса на протяжении долгих тысячелетий упорно и бережно сохраняла свою уникальность, неповторимость, индивидуальность, целостность для всех последующих поколений, для потомков, последовательно вырабатывая в человеке осознание идентичности нации, что, в свою очередь, естественным образом приводило к определенному враждебному противостоянию *чужому, иному*. А поскольку коллективная память народа не бесконечна и избирательна, представления древних о *своих* и *чужих* четко закрепляются в виде определенных стереотипов, когнитивную основу которых совершенно очевидно составляют характеристики *чужого*, полученные при сравнении со *своим*.

Противопоставление *свой – чужой* исторически обусловлено первичностью психологической категории *они* (*другие, чужие* в данном случае *мы* рассматриваем как синонимы) и вторичностью категории *мы* как *не они* [Поршнева 1979]. А поскольку каждая личность принадлежит определенному социуму и этносу в целом, постольку она становится вовлеченной в разнообразные, многоуровневые отношения *своего* и *чужого* в культуре: от относительно немногочисленной социальной группы до этнической общности (см., например: [Кон 1971; Кон 1984]). Поэтому представляется совершенно естественным,

что бинарная оппозиция *свой – чужой* репрезентируется в различных отношениях: кровнородственных (*свой / чужой род, семья, клан*), этнических (*свое / чужое племя, народность, нация*), языковых (*свой (родной) / чужой (иностранный) язык, говор, диалект*), конфессиональных (*своя / чужая вера, религия*), социальных (*свое / чужое сословие, коллектив, сообщество*) и т. д. В зависимости от методов научной области, в которой данная оппозиция подвергается рассмотрению и исследованию, она получает разную интерпретацию. Поэтому тема *своего* и *чужого* по-разному раскрывается в лингвистике, психологии, этнологии, социологии, политологии, литературоведении.

На современном этапе актуальный диалог культур активно развивается. Диалог между индивидами разных национальностей, а в целом диалог между народами, что, в конечном счете, является диалогом различных культур, определенным образом изменяет и обогащает наше представление о реальном мире, а также в значительной степени влияет на характер взаимоотношений между представителями различных культур. Согласно справедливому мнению замечательного философа, теолога и филолога современности Сергея Аверинцева, филологическая наука – это своеобразная «служба понимания», исследующая речь, образно названную греческим мыслителем Еврипидом *единой царицей мира*. Филология, лингвистика призваны обеспечить современное грамотное и квалифицированное осмысление активного процесса межкультурного диалога, при этом не исключая изучения различных межличностных контактов, которые с каждым днем расширяются, заметно увеличивая свой ареал.

Одной из первоочередных задач лингвистов, методистов, психологов, культурологов и этнологов на сегодняшний день должен стать, как нам кажется, активный поиск актуальных и конструктивных универсалий современной культуры, которые реально откроют возможность осознать всё общее, а также понять, прочувствовать и реально принять *иное*.

Следует отметить, что на характер и особенности межкультурной, межличностной коммуникации всё еще продолжают оказывать непосредственное негативное влияние существующие раннее идеологические установки. Идеология СССР агрессивно и негативно акцентировала противопоставление материального и идеального начал, пролетариата и буржуазии, социализма и капитализма, что неизбежно

способствовало укоренению в сознании людей пагубной идеи их диаметральной противоположности. Эту же цель преследовало активное подчинение естественного процесса речевой коммуникации формальной логике. В результате формализующиеся взаимоотношения попадали под воздействие таких враждебных бинарных оппозиций, как: *свой – чужой, я – другой, я для себя – другой для меня*. Эти оппозиции способствовали превращению различий в явно агрессивно конфликтующие противоположности. Хотя, следует отметить, что корни этой враждебной бинарной модели коммуникации восходят к очень далекой древности, к первобытному строю, к мифологии. Как известно, в основе языковой картины мира первобытного человека лежали вполне определенные семантические бинарные противопоставления.

Так, например, согласно известной концепции, выдвинутой российскими учеными В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым, языковая картина древнего славянского общества формировалась на семантических бинарных оппозициях, например: *жизнь – смерть, мужской – женский, смерть – бессмертие, свой – чужой, доля – недоля (счастье – несчастье), священный – мирской, чет – нечет, предки – потомки, человеческий – звериный, небо – земля, солнце – луна, день – ночь* и т. д. [Иванов, Топоров 1998].

Известный французский антрополог Клод Леви-Строс также обратил внимание на наличие в языке различных первобытных племен устоявшихся бинарных противопоставлений: *небо – земля, индивид – племя, люди – бизоны, мужское – женское, свой – чужой, день – ночь, мир – война, сакральный – профанический, сырое – вареное, влажное – сухое* и т. п. [Леви-Строс 2001].

Идентичную картину можно наблюдать в древнеармянском обществе:

- սիրոյ – կիւն (муж – жена);
- տէր – ծառայ (хозяин – слуга);
- շուկն – կատուկ (собака – кошка);
- սկիւտուր – հարս (свекровь – невестка);
- արև – լուսին (солнце – луна) и т. д.

На базе английского фольклора реализация концепта *свой – чужой* осуществляется посредством местоимений. Поле концепта *свой* часто очерчивается с помощью личных и возвратных местоимений, в то время как концепт *чужой* чаще всего выражается неопределенными

местоимениями. Таким образом, сочетания личных и возвратных местоимений, с одной стороны, и неопределенных, с другой стороны, дает возможность провести грань между *своим* и *чужим* [Юлдашбаев 2013]. На основе отмеченных семантических оппозиций стали появляться первобытные легенды, сказания и мифы, строго-настрого предостерегающие древних людей от любых нарушений общепринятых племенем основных табу (запрет на брачные отношения внутри определенной группы, например рода, запрет на употребление в пищу мяса конкретного тотемного животного, запрет кровопролития среди соплеменников и т. п.). Отклонение от выполнения этих законов жестоко наказывалось, например изгнанием из племени, причинением телесных повреждений либо прочими наказаниями, что весьма тяжело воспринималось первобытным человеком. Первые официально установленные табу были осмыслены, осознаны и закреплены в сказаниях, легендах, мифах, что определенным образом узаконило четкое обязательное неприятие любых отклонений от общепринятой нормы. Мифы, легенды, сказания, сказки, и даже пословицы и поговорки, по мнению многих исследователей, нередко подсознательно способствовали возникновению конфликтов и вражды. Вместе с тем неизбежные естественные и постоянные контакты с представителями других племен постепенно подводили людей к восприятию в бинарных семантических оппозициях (диадах) нейтрального третьего члена.

В качестве иллюстрации преобразования бинарных оппозиций в тернарные (диады в триаду) приведем пример из «Словаря индоевропейских социальных терминов», составленного Э. Бенвенистом [Бенвенист 1995]. В древнеевропейских языках существовало представление, согласно которому «рожденный вне», чужой, иностранец, иноверец обязательно является врагом. Данное представление в дальнейшем было дополнено третьим звеном – нейтрально-дружелюбным понятием *гость* / *гости*, по отношению к которому строго действовали специальные обязательства гостеприимства, дружелюбия.

Такое преобразование бинарной семантической негативной оппозиции *друг – враг* в тернарную *друг – гость – враг* свидетельствовало как о позитивном развитии языковой картины мира, так и реально отражало непосредственный переход к более развитому уровню сознания древнего человека и постепенному становлению основ

поликультурного общения. Так, например, вступая в брачные отношения с представителями «чужих» племен быстро утвердилась позитивная оппозиция с нейтральным членом *свой – родственник из чужого племени – чужой*.

Заключение

Итак, опыт глубинного осмысления мира передавался из поколения в поколение, совершенствовался и обогащался. Будучи ключевым элементом культуры древних народов, враждебные бинарные оппозиции сыграли важную роль при переходе к более совершенным и актуальным формам коммуникации. Это легко объяснить тем фактом, что человек осознал свое целостное единство с природным миром и Верховным началом, что привело к формированию более усложненной цивилизованной и гармоничной коммуникационной культуры – тернарной оппозиции.

Таким образом, постепенно внутри характерного для всех народов Древнего мира принципа негативного бинарного противопоставления *благоприятного – неблагоприятного (хорошего – плохого)* стали наблюдаться содержательные позитивные сдвиги внутри общепринятых универсальных семантических бинарных оппозиций, что нашло непосредственное отражение в коррекции / изменении, дополнении известного мифа, в котором уже шаг за шагом начали вырисовываться возможные позитивные варианты преодоления конфликтной / враждебной ситуации. К такому оригинальному выводу пришел французский ученый Клод Леви-Строс, исследователь систем родства, фольклора и мифологии, скрупулезно и детально проанализировавший более 2 тыс. мифологем, в которых враждебная бинарная оппозиция определенным образом *нейтрализовывалась* постепенным появлением среднего, если не *дружественного*, то хотя бы нейтрального звена. Подобный уникальный позитивный поворот в развитии языковой картины мира древности и определенных бинарных мифологических представлений у разных народов мира закрепил очевидное стремление явного перехода к более цивилизованным и гуманным формам коммуникации.

Вышесказанное перекликается с известными идеями культурно-исторической теории развития психики, выдвинутыми в конце прошлого столетия известным психологом Л. С. Выготским и его

последователями. Согласно данной теории, реальное воздействие, оказанное человеком в процессе речевой коммуникации на другого индивида, можно осуществить только через осознанное понимание окружающего социокультурного контекста, в котором имело место развитие его эмоциональной сферы сознания и мышления [Выготский 1982]. Следует отметить, что Лев Семенович большое значение в формировании личности приписывал мифологической картине мира, которая естественным образом активно усваивается индивидом параллельно с его родным языком. Это специфически влияет на сознание человека, таким образом программируя его межличностные отношения в процессе речевой коммуникации. Именно этим можно объяснить активное обращение к истокам любых национальных культур, которое отчетливо наблюдается в настоящее время, что, на наш взгляд, может оказать помощь в установлении тех актуальных и действенных универсалий коммуникации, которые помогут сформировать поликультурную личность, что в конечном итоге поможет взаимопониманию между различными народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белл Д.* Культурные противоречия капитализма // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения. М. : Политиздат. 1990. 480 с.
- Белясникова О. В.* «Свой-чужой» в языковом сознании носителей русской и английской культур : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.
- Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс. 1995. 454 с.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь // Собр. соч. : в 6 т. М., 1982. Т. 2. 504 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия. М. : Российская энциклопедия. 1980. Т. 2. С. 450–456.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
- Лотман Ю. М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Статьи по семиотике и типологии культуры. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.
- Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М. : Наука, 1979. 235 с.
- Юлдашбаев А. Ф.* Реализация концепта «свой / чужой» посредством местоимений на базе английского фольклора // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. URL : cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontseptiya-svoy-chuzhoy-posredstvom-mestoimeny-na-baze-angliyskogo-folklor

REFERENCES

- Bell D.* Kul'turnye protivorechija kapitalizma // *Jeticheskaja mysl': Nauchno-publicisticheskie chtenija*. M. : Politizdat. 1990. 480 s.
- Beljasknikova O. V.* «Svoj-chuzhoj» v jazykovom soznanii nositelej russskoj i anglijskoj kul'tur : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2003. 24 s.
- Benvenist Je.* Slovar' indoevropejskih social'nyh terminov. M. : Progress, 1995. 454 s.
- Vygotskij L. S.* Myshlenie i rech' // *Sobr. soch.* : v 6 t. M., 1982. T. 2. 504 s.
- Ivanov V. V., Toporov V. N.* Slavjanskaja mifologija // *Mify narodov mira: Jenciklopedija*. M. : Rossijskaja jenciklopedija. 1980. T. 2. S. 450–456.
- Levi-Stros K.* Strukturnaja antropologija. M. : JeKSMO-Press, 2001. 512 s.
- Lotman Ju. M.* Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii // *Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i* : v 3 t. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. *Izbrannye stat'i*. T. 1. Tallinn, 1992. S. 200–202.
- Porshnev B. F.* Social'naja psihologija i istorija. M. : Nauka, 1979. 235 s.
- Juldashbaev A. F.* Realizacija koncepta «svoj / chuzhoj» posredstvom mestoimenij na baze anglijskogo fol'klora // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Serija: Gumanitarnye nauki. URL : cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-kontsepta-svoy-chuzhoj-posredstvom-mestoimeniy-na-baze-anglijskogo-folklora

УДК 811

Д. М. Тешабаева

доктор филологических наук, профессор;
заведующая кафедрой интенсивного обучения
второго иностранного языка факультета международной журналистики
Узбекского государственного университета мировых языков

МЕНТАЛЬНОСТЬ ЯЗЫКА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируется понятие «менталитет», «ментальность» и «языковая ментальность». На примере Узбекистана рассматривается отражение национального менталитета в СМИ. Автор делает вывод, что проникновение узбекских реалий в русский язык расширяет словарный запас его носителей и влияет на их восприятие мира.

Ключевые слова: медиатекст; медиaproстранство; менталитет; язык СМИ; текст; ценности; информация; ментальность.

D. M. Teshabaeva

Doctor of philological sciences, professor;
Head of the department of intensive teaching foreign languages
as the second foreign language at the faculty of International journalism,
Uzbek State World Languages university

MENTALITY OF LANGUAGE IN MEDIA SPACE

The article discusses the mental specific peculiarities of the language of the media. The author analyses the reflection of the national mentality in the media of Uzbekistan. When analyzing the materials of the Russian edition, one can observe that the flow of Uzbek realia in the Russian language have an impact on the traditional Russian picture of the world.

Key words: mediatext; media space; mentality; the language of the Mass Media; text; value; information.

Введение

Сегодня с полным основанием можно сказать, что средства массовой информации суверенного Узбекистана закончили период своего становления. В качестве одной из главных тенденций современных СМИ можно назвать глобализацию информационных процессов. Сегодня аудитория получает не меньше информации о процессах, происходящих в мире, нежели о переменах в собственной стране. Процесс эволюции современных структур СМИ Узбекистана прекрасно отражает глубину и динамику этих изменений.

СМИ называют «четвертой властью», поскольку они анализируют и освещают деятельность различных сфер общества, обращают внимание общественности и органов власти на недостатки и пробелы в работе организаций, различных структур и органов управления, подготавливают почву для принятия оптимальных решений во внутренней и внешней политике руководством страны.

Язык журналистских текстов, с одной стороны, составляет основу, форму журналистского произведения, с другой – обуславливается самим этим произведением. В частности, от функции, возложенной на журналистский текст зависит жанр с присущим ему лингвостилистическим наполнением.

Одна из важнейших задач журналистики – оперативно информировать о важнейших событиях, происходящих в стране и за рубежом. Поэтому информационные жанры характеризуются оперативностью в подаче и обработке информации, а также точностью, объективностью, лаконизмом, ясностью. Формальная сторона жанров складывается из экстралингвистических (нелингвистических) и лингвистических особенностей.

Языковая ментальность – важнейший аспект языкового мышления. Формирование менталитета

Ментальность есть ведущая характеристика аудитории СМИ, определенные стереотипы в оценке происшедших событий, приверженность к традициям. Современное состояние языка характеризуется изменениями, происходящими под влиянием коренных преобразований во всех сферах жизни общества. Особую роль в этом отношении играют все виды СМИ.

Современный человек познает окружающий мир с его особенностями через СМИ. Язык в медиапространстве, отражая национальную культуру и являясь средством выражения народа, соотносит мир с языковым представлением, а также определяет языковую ментальность. С помощью языка мы отражаем мир. Языковая ментальность тесно связана с мышлением и является его важнейшим аспектом.

Язык как форма существования мыслительной деятельности человека охватывает собой все сферы индивидуальной и общественной жизни и является составной частью человеческой природы,

практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума [Колшанский 1990, с. 8].

Формирование менталитета любого народа происходит под влиянием многих факторов. Менталитет является некой характеристикой народа и определяет умонастроение и его жизненную позицию. Применительно к СМИ менталитет, на наш взгляд, можно рассматривать как систему определенных стереотипов в оценке события и приверженность определенным традициям.

Существует несколько трактовок очень важного для характеристики современной массово-коммуникационной практики понятия «ментальность». Менталитет можно определить как «сформированную под влиянием достаточно постоянных географических, геополитических и социальных факторов систему стереотипов поведения чувственно-эмоциональных реакций и мышления, являющуюся выражением иерархически соподчиненных приоритетов и ценностей» [Дубов 1999, с. 20].

Менталитет – это некая интегральная характеристика людей, живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него [Манкевич 2005, с. 13].

В соответствии с определенной научной традицией одни авторы используют термин «менталитет», а другие – «ментальность», причем делают это в одних и тех же значениях и похожих контекстах.

Тождественность двух понятий дается в «Новом методическом словаре»:

МЕНТАЛИТЕТ (от нем. *Mentalität* – склад ума). То же, что ментальность. Совокупность умственных навыков, духовных установок и культурных традиций, присущих отдельному человеку или человеческой общности [НСМТП 2009, с. 301].

В «Словаре иностранных слов русского языка» также подчеркивается, что ментальность то же, что менталитет [Егорова 2014, с. 89].

Языковую ментальность можно изучать изолированно, т. е. анализируя некоторую отдельно взятую языковую ментальность, или сопоставительно путем сравнения языковых ментальностей [Леонтьев 1974, с. 35]. Как изолированное, так и сопоставительное изучение языковых ментальностей может проводиться на разных уровнях [Петровский 1990, с. 89].

Являясь некой характеристикой народа, менталитет формируется под влиянием некоторых факторов и определяет умонастроение и жизненную позицию нации в целом, поскольку является результатом культуры, исторически и социально укорененным в сознании и поведении многих поколений различных общностей людей.

Отражение национального менталитета в СМИ Узбекистана

Менталитет играет решающую роль и в указании вектора направления редакционной деятельности. Ключевой критерий отражения национального менталитета в СМИ Узбекистана – это вопрос этики. В медиатекстах почти отсутствуют негативные и экспрессивные высказывания, жаргонизмы.

В тематических разделах газет материалы наряду с информационной нагрузкой выполняют и воспитательную роль, способствуют формированию у подрастающего поколения активной гражданской позиции, прививают молодежи чувство патриотизма, уважения к национальным и общечеловеческим ценностям.

Национальные ценности проявляются в таких качествах, как любовь к Родине, преданность к памяти предков, уважение к старшим, тактичность в общении, уважение к ментальности своего народа. Все эти качества узбекского народа ярко проявляются в медиатекстах. Например:

...Для нашего народа семья, ее ценности – священные.

В атмосфере семьи воспитывается трудолюбие, забота о ближних, почитание национальных духовных ценностей.

Люди, посвящающие свою жизнь благотворительности, не просто помогают, они сеют вечные ценности – добро, любовь к ближним и милосердие.

Узбекская земля – рай для любителей архитектуры...

Всё это в сочетании с искренним гостеприимством узбекского народа создает благоприятную атмосферу.

Узбекистан – страна, где царит взаимное уважение и солидарность, открытость и готовность к сотрудничеству.

В заголовках газет можно наблюдать ментально-языковую основу ценностных категорий *любовь, признание, доброта, дружба*, например:

Символ признания народа и любви Родины.
Время добрых дел.
Все краски дружбы.
Объединившись, мы – большая сила!

Примечательно, что на полосах газеты широко освещаются такие всенародные мероприятия, как хашары. Следует упомянуть и древний узбекский обычай взаимопомощи – *хашар* (в переводе с арабского и персидского (фарси) – *совместный труд, благотворительность*). Это мусульманская традиция добровольного безвозмездного труда, чтобы помочь определенной семье построить дом или благоустроить свой квартал, район, улицу. Решение о хашаре обычно принимает вся махалля.

Бесспорно, что хашар является проявлением лучших качеств нашего народа – сплоченности, доброты, милосердия, это символ созидательного начала, побуждающий каждого принимать активное участие в общественных работах. Именно эту цель преследуют материалы под заголовком «Проявление единства и сплоченности», «*Хашар* – дело добровольное» и т. д.

Так как приоритетным направлением государственной политики Республики Узбекистан является воспитание всесторонне развитого подрастающего поколения, в газетных заголовках можно наблюдать освещение вопросов духовности: «Махалля – опора молодых», «Крепость семейного счастья», «Язык – душа народа», «О Родине и родной речи», «Круг чтения юношества», «Культура и наше мироощущение».

Для обсуждения проблемы языкового воплощения ментальности того или иного народа целесообразно различать общекультурные концепты, отражающие общечеловеческие ценности сквозь призму этноязыкового сознания, и этнокультурные концепты. В круг концептов одной тематической сферы может входить много ментальных образований, например, «*Дастархан дружбы*», «*Келин салом во Франции*». В узбекском сознании *дастархан (скатерть)* означает гостеприимство, теплые отношения, искренность и т. д.; «*келин салом*» – приветственный поклон невесты. Невеста делает келин салом каждому, кто находится в доме в первый день свадьбы.

Многие узбекские реалии входят в русский язык и расширяют его словарный запас, изменяя восприятие мира. Например:

Традиционные блюда *Наврӯза* хорошо известны: *сумаляк*, *халим* (мясо, разваренное до состояния желе), *самса с мятой*...

Встреча в *махаллинском комитете*.

По итогам обсуждения принято соответствующее постановление Сената *Олий Мажлиси* Республики Узбекистан.

Реалии *махалля*, *Олий мажлиси* пришли в русский язык с изменившейся экономической и политической ситуацией в стране.

В каждом узбекском селе или городе традиционно существует соседская община (на узбекском *махалля*), наделенная определенными функциями самоуправления на местном уровне. Обычно на территории каждой махалли есть действующая мечеть. Понятие «махалля» восходит к арабскому «часть города, квартал» и представляет собой не только территориальное объединение семей, проживающих поблизости, но и социальное явление. В Узбекистане существует поговорка: «Человек рождается и живет в махалле, и махалля провожает его в последний путь».

Заключение

Таким образом, благодаря медиапространству в современном коммуникативном процессе возникает новое культурное пространство, оказывающее огромное влияние на общественное сознание и характер взаимодействия между культурами. Национальное сознание и менталитет отражаются через призму языковых знаков. Культура здесь играет не менее важную роль, воздействуя на сознание и менталитет разных народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009. 448 с.
- Дубов И. Г.* Феномен менталитета: психологический // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
- Егорова Т. В.* Словарь иностранных слов русского языка. М. : Аделант, 2014. 799 с.
- Жуковская Л. И.* Семантическое наполнение концепта «менталитет / ментальность» и его языковое воплощение в современном русском языке. дис. ... канд. филол. наук. Н.-Новгород, 2015. 197 с.

- Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М. : Наука, 1990. 180 с.
- Леонтьев А. А.* Основы теории речевой деятельности. М. : Наука, 1974. 368 с.
- Манкевич Д. В.* Менталитет и ментальность: к вопросу о характере и содержании понятий // Ретроспектива: всемирная история глазами молодых исследователей: научный журнал. 2005. № 1. С. 13.
- Петровский А. В.* Менталитет // Российская психологическая энциклопедия. М. : Наука, 1990. С. 89.

REFERENCES

- Azimov E. G., Shchukin A. N.* Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij (teoriya i praktika obucheniya yazykam). M. : IKAR, 2009. 448 s.
- Dubov I. G.* Fenomen mentaliteta: psihologicheskij // Voprosy psihologii. 1993. № 5. S. 20–29.
- Egorova T. V.* Slovar' inostrannyh slov russkogo yazyka. M. : Adelant, 2014. 799 s.
- Zhukovskaya L. I.* Semanticheskoe napolnenie koncepta «mentalitet / mental'nost'» i ego yazykovoe voploshchenie v sovremennom russkom yazyke : dis. ... kand. filol. nauk. N.-Novgorod, 2015. 197 s.
- Kolshanskij G. V.* Objektivnaya kartina mira v poznanii i yazyke. M. : Nauka, 1990. 180 s.
- Leont'ev A. A.* Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti. M.: Nauka, 1974. 368 s.
- Mankevich D. V.* Mentalitet i mental'nost': k voprosu o haraktere i sodержanii ponyatij // Retrospektiva: vseмирnaya istoriya glazami molodyh issledovatelej: nauchnyj zhurnal. 2005. № 1. S. 13.
- Petrovskij A. V.* Mentalitet // Rossijskaya psihologicheskaya enciklopediya. M. : Nauka, 1990. S. 89.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК Московского государственного лингвистического университета	VESTNIK of Moscow State Linguistic University
Гуманитарные науки	Humanitarian Sciences
Выпуск 2 (818)	Issue 2 (818)

Ответственные за выпуск 2 (818)

кандидат филологических наук К. К. Нечаева
доктор филологических наук, доцент И. А. Семина

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Ю. Л. Герасимовой
Дизайн обложки А. Г. Проскурякова

ФГБОУ ВО МГЛУ
Подписано в печать 28.02.2019
Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 12,4
Заказ № 23/19

Адрес редакции:
119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.